

ДЕТЕКТИВ

ВЕСЕННЕГО НАСТРОЕНИЯ

Татьяна УСТИНОВА
Татьяна ПОЛЯКОВА
Ольга ВОЛОДАРСКАЯ

Великолепные детективные истории

Татьяна Полякова

Детектив весеннего настроения

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Детектив весеннего настроения / Т. В. Полякова — «Эксмо»,
2020 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-109588-8

Весна, любовь, подарки... Для своих читателей издательство «Эксмо» подготовило замечательный презент! Это сборник весенних детективов топовых авторов современной остросюжетной литературы – Татьяны Устиновой, Татьяны Поляковой и Ольги Володарской. Под стильной обложкой вы найдете то, что дорого сердцу истинного почитателя детектива: ураган сюжетных поворотов, кульминацию чувств и счастливое окончание истории! Это подарок для вас, ваших друзей и близких!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109588-8

© Полякова Т. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Татьяна Устинова	6
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Сборник Детектив весеннего настроения

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Татьяна Устинова

Пять шагов по облакам

– И самое последнее, – сказала начальница и переложила на столе бумаги слева направо.

В правой стопке бумаг было намного больше, чем в левой, и это означало только одно – совещание заканчивается. Все шевельнулось было и снова замерли как замороженные. Шевелиться раньше времени дело опасное по многим причинам. *Сама* могла рассердиться и начать язвить, и не было ничего хуже для сотрудников, чем ее язвительность. Никогда не известно, куда она может завести! Бывали случаи, люди увольнялись, если начальницу уж слишком заносило!

– Завтра утром я улетаю в Петербург на встречу с Садовниковым. Вернусь вечером, и мы сразу проведем еще одно совещание по результатам этой встречи. Возможно, она многое изменит в сегодняшней расстановке сил. Я прошу начальников отделов быть к этому готовыми. Уважаемые господа начальники, вы все меня слышали?

Господа вразной поклонились, но настырная главная редакторша еще и каждому в лицо посмотрела, как бы зафиксировала взглядом, что все «слышали».

– Андрей Борисыч, ты меня слышал?

Андрей Борисыч выглянул из-за высокой спинки чужого кресла и сурово кивнул. Он чудесно устроился – все совещание черкал в блокноте, хмурил брови и пытался своей ногой наступить под столом на ногу Тамилы Гудковой, возглавлявшей отдел «Business-леди». В редакции поговаривали, что Гудкова спит с Константиновым, основным фаворитом главной редакторши, но никто особенно в это не верил. Кто же в здравом уме и твердой памяти решится крутить амур под носом у волчицы, которая считает тебя своей собственностью?!

В блокноте Андрей Борисыч черкал стишата, которые в процессе совещания «рождались у него в голове». Была у него некая тайная думка, когда всех выпустят на волю, показать стишата Гудковой – вдруг оценит, вдруг поймет?.. Все совещание он сочинял и согревал себя приятной мыслью о пораженной в самое сердце Гудковой, и грезилось ему, как в курилке, в облаках табачного синего дыма вдруг вспыхнут изумлением ее фиалковые глаза, и удивленно дрогнут всегда такие неприступные губы, и, оглянувшись по сторонам, она скажет смущенно: «Зачем вы так, Андрюша?..» – и протянет блокнотик, и вечером они пойдут гулять на Патриаршие пруды, а вокруг Малая Бронная, подсвеченная тусклыми огнями магазинчиков и темнеющая куртинами старых московских лип, и...

Глаза у нее никакие не фиалковые, конечно, а неопределенного, то ли серого, то ли карего, цвета. Неприступные губы он тоже выдумал – губы как губы, так себе, ничего необычного. И гулять с ней некуда – как только рабочий день заканчивался, она в ту же минуту садилась в свою машину, и фьюи-ить, нет ее.

Но красиво, красиво, черт побери, особенно вот это, про куртины старых московских лип – каково? Скажете, нет образа? Конечно, есть, вот он, образ: так и видится кривая мос-

ковская улочка, пахнувшая нагретым за день асфальтом, липовым цветом и горячей едой из закусочной, девушка на тоненьких каблукках, «мулатка, просто проходящая», и он, белеющий в темноте рубашкой, с распушенным галстуком, закатанными рукавами, перекинувший через плечо свой пиджак и ее сумочку, и...

– Але!! Станция?! Барышня, дайте Смольный! Смольный дайте, барышня!

Тут Андрей Борисыч так струхнул, что даже блокнотик уронил, листочки разлетелись. Он сунулся их собирать, а Гудкова, из-за которой он так размялся, даже не помогла, только ногу подвинула, тоненький каблук царапнул пол.

Главная, когда Андрей Борисыч вылез, смотрела ему прямо в глаза и впрямь как волчица, не отрываясь и не моргая.

– Да-да, – сказал он растерянно, и Константинов, ее фаворит, отчетливо хмыкнул. – Я все понял.

– Что ты понял, Андрей Борисыч? Повтори!

– Завтра вечером совещание, после того, как вы из Питера вернетесь, а от него многое зависит...

– Послал бог сотрудников! – сказала главная весело. – Не от совещания зависит, горе мое, а от нашей встречи с Садовниковым! И пусть только кто-нибудь попробует совещание продинамить! Уволю без выходного пособия!

– А отдыхать-то когда, если круглые сутки работать? – спросил Константинов и покрутил ногой в диковинном остроносом ботинке.

– Отдыхать будете в Пицунде, – отрезала начальница. – В Москве все работают. Если мы проштудировали все вопросы, то я никого не задерживаю. Всем спасибо, все свободны.

Команда вразнобой поднялась и, на ходу разговаривая, потянулась к двери. Волчица из своего логова наблюдала за исходом, а потом, конечно же, сказала мюллеровским голосом:

– А Константинова и Полянского я попрошу остаться!

– Вау! – под нос себе пробормотал начальник компьютерного отдела Бэзил Готтен Пивных. – Западло! Облом, блин!

Великие программисты в редакции газеты «Власть и Деньги» имелись в количестве двух штук. Вышеупомянутый начальник отдела Бэзил Готтен Пивных и его заместитель по имени Алекс Killer Кузьяев.

Неизвестно, кто и когда внушил пацаняткам, что они не просто крутые «юзеры», а самые что ни на есть натуральные хакеры и «программеры» высочайшего уровня, но они в это свято верили. Их не разубеждали, во-первых, потому, что никому особенно не было до них дела, а во-вторых, потому, что с версткой и дизайном они более или менее справлялись. Кроме того, вносили во «взрослую», «политическую» редакцию приятное разнообразие – шикарно пили пиво и еще какие-то напитки под названием «натуральный солод», говорили непонятными до ужаса словами, время от времени «проводили атаки» на чью-нибудь почту, и вдруг компьютер через слово начинал прибавлять «твою мать», такая потеха!.. К примеру, вот письмо главной в хозяйственную службу: «Уважаемая Анна, твою мать, Петровна! Прошу, твою мать, вас выделить, твою мать, дополнительные компьютеры, твою мать, для обеспечения, твою мать, отдела...» – и так далее. Крутые «программеры» были от смеха, давились «натуральным солодом» и бились головой «в клави» – компьютерные клавиши. Иногда им неожиданно удавалось избавить редакционные компьютеры от залетного вируса – это называлось «лечить комп от вирусов». Для этого писались «проги» – программы – и обсуждались в курилке специальными солодово-программистскими голосами.

Главная редакторша называла их бандерлогами и после долгих препирательств разрешила даже в список редакции вписать имена именно так, как им хотелось, – с никами. Это было смешно и тоже вносило разнообразие во взрослую жизнь.

А то что такое?!

Вот, к примеру, Валерия Любанова, главный редактор. Александр Константинов, креативный директор. Роман Полянский, первый заместитель главного редактора, – скукота, скукота!..

А тут – бац, получи, фашист, гранату: Бэзил Gotten Пивных, Алекс Killer Кузьев! Пивных в прошлой, докомпьютерной, жизни именовался, ясное дело, Василий, а Кузьев крещен был Алексеем, но какое это имеет значение! Девчонки падали замертво, а, может, бандерложкам казалось, что замертво, но, во всяком случае, просто Пивных и Кузьев никогда не добились бы такой популярности в массах, как Gotten и Killer!

У них были простецкие юношеские физиономии, круглые головы, несколько облагороженные определенным вольтерьянством в виде чубов и косичек. На совещаниях они в основном помалкивали, потому что «взрослые» в большом количестве их пугали, и, заведя в коридоре Валерию Алексеевну, они, бывало, срывали с вольтерьянских лбов высокохудожественно-креативные банданы и пихали их в карманы – вот бандан на своей территории главная решительно не допускала! Они очень любили слово «пенис» и страшно гордились собой, когда лихо его произносили, обращались друг к другу «сын мой» и все в той же курилке втолковывали тем, кто соглашался их слушать, что они «вовсе безбашенные и по молодости творили черт знает что, потому не следует считать их пай-мальчиками и покладистыми котятками».

– Вася! – нежно позвала главная Бэзила Gotten Пивных. – Ты что-то имеешь мне сказать?

Gotten Пивных, который ничего не имел сказать, завел глаза к потолку и выдал что-то в том смысле, что «должен срочно валить, потому что второй сидок опять не пашет».

– Ну, понятно, – согласилась Валерия Алексеевна, которой всегда удавалось держать своих бандерлогов в некотором подобии сознания, – тогда обломись, все высказывания в мой адрес за дверью, пожалуйста.

Бэзил моментально подался к двери и проворно выскочил, чуть не столкнув с пути секретаршу Марьяну, которая направлялась в кабинет главной с кофеем и какими-то шоколадными бирюльками в кружевных бумажках.

– Черт! – не по-секретарски выразилась Марьяна. Кофе из высокого стеклянного кофейника плеснул на белоснежную салфетку. Придется теперь все менять, не подавать же так, с коричневыми неприличными следами!

– Марьяш, мне чаю, я кофе не потребляю, ты не забыла? – попросил выглянувший из-за стеклянной двери Константинов и улыбнулся ей. Она моментально расцвела в ответ такой улыбкой, какой никогда не улыбалась Бэзилу Gotten Пивных, и кивнула так, что золотое сияние прошло по волосам.

Вот почему, почему в жизни все так несправедливо?! Вот встретится прикольная девчонка, супер просто, только заценишь, только начнешь клинья подбивать, а тут какой-нибудь папик, вроде этого Константинова, – и готово дело, нет девчонки! На тебя ноль внимания, как будто в природе не существуешь, а папику все, что хочешь, включая свою бессмертную душу и трепетное тело! А из-за чего?! Из-за того, что у него тачка крутая, что ли, или рубаша белая с бриллиантовыми блюдцами на запястьях?! Измельчал народ, ох измельчал, и девчонки измельчали! Подавай им богатеньких папиков вместо нормальных ребят!..

Марьяна торопливо меняла салфетку и на Бэзила Gotten даже глаз не поднимала. Он потоптался рядом, вытащил из кармана диковинный телефон на длинной цепочке и покрутил его, как Том Сойер дохлую крысу.

Телефон впечатления не произвел.

– Чего тебе, Вася? – спросила Марьяна таким тоном, каким воспитательницы в детском саду вопрошают воспитуемых, если те подолгу таращатся на них, сунув палец в рот. – Кофейку налить?

На столе, среди бумаг, полупустых, сверстанных наспех полотен и записных книжек, зазвонил мобильный телефон, засиял разноцветными лампочками, и бумаги задрожали и

поехали. Марьяна покосилась на аппарат, но отвечать не стала – вот как торопилась чай Константинову подать!

– У тебя труба звонит.

– Я вижу, Вася. Помоги мне, пожалуйста.

Она снова подняла поднос и улыбнулась – *эта* улыбка из серии «Чего тебе, мальчик?» не шла ни в какое сравнение с той, адресованной папику.

Бэзил Gotten Пивных, начальник компьютерного отдела, подскочил и открыл перед ней стеклянную дверь. Марьяна зашла, и тяжелая дверь медленно и лениво захлопнулась за ней. Бэзил только успел расслышать фамилию Баширов и еще опасное слово «компромат».

Впрочем, нам-то что за дело? Они, «ламеры недопатченные», то бишь недоумки отсталые, небось думают, что делом занимаются, а на самом деле протирают свои штаны, за которые кучу бабла отвалили, насиживают геморрой, на что только девчонки покупаются, загадка!..

Вернулась Марьяна с пустым подносом, снизу вверх кивнула Бэзилу головой и уселась на место. Он еще потоптался. Ему хотелось куда-нибудь ее пригласить.

– Слушай, ты это!..

– Что?

– Ты по вечерам тусишь или как?..

Секретарша редакции, бывшая – он смотрел в личном деле, расковырять комп отдела кадров заняло пять секунд, – на два года моложе его, смотрела как-то слишком жалостливо, с сочувствием и пониманием, словно он идиотик, по случаю откосивший от клиники.

– Вася, что ты хочешь узнать?

Бэзил Gotten Пивных хотел пригласить ее на кружку пива в соседний скверик, и больше ничего он не хотел узнавать! Ну, можно на чашку молока в кафе «Сапоги да гвозди», тоже нормальное место. Там полно своих, и завалить туда с клевой девчонкой было бы шикарно, ах как шикарно!

– Ты это, слушай!..

– Что?

Телефон у нее опять зазвонил, и она опять не взяла трубку.

– Слушай, – в третий раз начал он свое романтическое приглашение, но язык внезапно перестал повиноваться и без всякого согласования с мозгом и желаниями хозяина вдруг понес то, что было для него привычной: – А хочешь я твою трубу спарю с другой трубой, а?

Марьяна помолчала.

– Для чего... спаришь?

Ответа на этот вопрос начальник компьютерного отдела не знал.

– Не, – сказал он растерянно, – это же по приколу, да? Напер кучу халявной инфы, надо только следить, чтобы не подпалил никто, но это я того... прослежу. – И с надеждой: – Хочешь?

Марьяна, будь она неладна, не хотела никакой «халявной инфы», а хотела, как пить дать, в «мерине» папика покататься, или что там у него?.. «Бумер», что ли?.. И плевать ей было на то, что Бэзил Gotten не просто там какой-нибудь «юзер», а нормальный чувак с мозгами!

Стоять рядом с ней дальше было решительно незачем, и «нормальный чувак с мозгами» побрел к двери в приемную, загребая разъявленными кроссовками светлый ковролин.

Ну ничего! Завтра они с Лехой, то есть, пардон, с Алексом, непременно, валят в Питер на тусу, и там, конечно же, будут обалденные девчонки, про Марьяну он и думать забудет!

Не, а по приколу, если они там посреди улицы – есть там у них улица какая-то, вроде нашей Тверской, черт, как же ее?.. – вот если они посреди этой улицы начальницу словят?! Нет, ему, Бэзилу, она вообще глубоко фиолетова, но порешили же ей ничего не говорить, потому что, кроме попойки в компьютерной тусовке, у них с Лехой – ой, то есть с Алексом, Алексом, как же это запомнить-то?! – есть важное дело.

Некий неизвестный, тоже, видать, папик, захотел программу, такую особенную, обещал заплатить хорошо, а кто же от такого откажется?!

Договаривался Ле... Алекс, Алекс договаривался, и по условиям зачем-то нужно хрена-чить в этот самый Петербург, а туда же – на тебе! – начальница мылится! Вот идут они по улице, которая у них вместо Тверской, и Любанова выкручивает, то-то видок у нее будет! Говорят, городок-то маленький, не Москва-столица!.. Бэзилу от этих мыслей было немного неуютно, как и от предстоящей работы – все-таки он никогда и ничего не взламывал... за деньги. Все больше для собственной чистой радости, кроме того, среди «программеров» неприлично платить за время в сети, гораздо приличней у лохов натереть! У лохов он тырил, а по заказу, да еще незнамо что... нет, никогда. Может, от этого-то он и чувствует себя проституткой, а не тем, кто он есть на самом деле, – продвинутым «программером»! А может, от того, что Марьяна смотрела так жалостливо!

Впрочем, печалиться некогда.

Бэзил Gotten Пивных со странным тяжелым чувством покинул приемную главного редактора Валерии Алексеевны Любановой, и если бы кто-нибудь сказал ему, что это чувство называется интуицией, и это именно она, интуиция, подсказывает ему, Бэзилу, что не надо ездить ни в какой Питер, и телефон того, кто предложил им легких денег за странную программу, тоже хорошо бы забыть навсегда, а компы, в которых номер остался, свести на городскую свалку и порубить там топором в мелкий винегрет, Бэзил бы ответил этому кому-нибудь, что он ламер последний!

– Говорят, Баширов очень нашим заказом интересуется.

– Откуда такие сведения поступили?

Лера Любанова завела глаза к потолку и вверх, в направлении потолка, помотала головой, как будто сведения поступили непосредственно с небес.

– Из Лондона.

– Ты общалась?.. – непонятно спросил Константинов, и Лера кивнула. Роман Полянский провел в блокноте длинную черту, словно подытожил нечто важное, хотя ничего такого он не итожил и с неудовольствием отвернулся в сторону.

Странный вопрос Константинова он отнес на свой счет и немного обиделся. Такой вопрос мог задать только «посвященный» или особо приближенный, и, задавая его, Саша будто демонстрировал перед Романом свою близость к сильным мира сего.

Сильные – это Лера Любанова, рядышком, и Вадим Сосницкий, в отдаленной лондонской ссылке.

– Он сказал, что Садовников наверняка обращался и к Боголюбову тоже, но что-то у них не...

– Не спросилось, – подсказал Константинов.

– Не сложилось, – не приняла подачу Лера, не любившая жаргон. – Боголюбов не дурак, чтобы такие вещи ни за что ни про что упускать. Кроме того, по слухам, за ним Баширов, который с нашим с незапамятных времен на ножах. Саш, я тебя прошу, пока меня не будет, ты пригляди за ребятами, чтобы они не наворотили чего не надо!

– Тебя не будет только один день.

Константинов очень не любил неясных поручений.

Он креативный директор, он придумывает оформление, дизайн, у него в подчинении пиар-служба, реклама и все такое, он не может «приглядывать» за отделами и за пишущей братией. Даже если возьмется ненароком, пошлют они его к черту – и будут правы!

– Нам очень важно, – говорила между тем Лера, – чтобы до подписания бумаг никакие сведения не просочились в прессу. Особенно во вражескую.

– Что есть вражеская пресса? – подал голос переставший обижаться Роман Полянский.

– Все, кроме нас! – провозгласила Лера. – Есть только мы, и больше никого! Надеюсь, это как раз понятно, мальчики?

Мальчикам все было понятно.

Грядущие президентские выборы – вот что заботило всех крупных и очень крупных политиков и бизнесменов! Несмотря на то что на предыдущих выборах им всем доходчиво и с примерами объяснили, что на грядущих кандидат у нас будет только один, а остальным лучше не соваться и просто сделать вид, что это и есть демократия, но престол манил. Ох как манил престол!..

Белые начинают и выигрывают.

Садовникова, лидера правых, поддерживал «лондонский изгнанник» Вадим Сосницкий, а кого поддержит Ахмет Баширов, было пока не слишком понятно – все-таки до престольного праздника, или престольной битвы, – кому как больше нравится! – оставалось еще полтора года. Ходили слухи, что Баширов и Кольцов, два супертяжеловеса-миллионщика, объединятся и поддержат какого-то центристского кандидата. И именно потому, что это было самым логичным, журналисты и политики подозревали, что ничего такого не произойдет.

В конце концов, только в старушке-Европе государственная власть держится на объединении интересов и капиталов, а в России-матушке со времен Новгородского княжества эта самая власть держится на расколе и междоусобице.

Дружили не «за», а «против», кто успел, тот и съел, нас не догонят, сегодня ты соратник, а завтра противник, причем непримиримый, причем самый главный, вот тебе, вот тебе, получай, получай!..

Предполагалось, что спарринг между кандидатами на престол будет жестким и циничным, и сейчас, на берегу, как будто прошупывалась будущая глубина этого самого цинизма – по пояс, по горло или по самую маковку. Лере Любановой и ее журналистам представлялось, что даже глубже, чем по маковку.

Нефтяное благополучие последних лет, когда золотой водопад низвергался на державу просто так, потому что баррель вместо одиннадцати долларов вдруг стал тянуть на полтинник, убаюкало и усыпило тысячеглавую гидру государственных проблем, которая еще так недавно разевала всю тысячу своих пастей. Тоненького ручейка, который оставался после того, как водопад распределялся по личным карманам, вполне хватало, чтобы кормить и поить народ. Сонное состояние гидры именовалось почему-то «стабильностью», хоть и понятно было, что цена ей – грош, и как только тот самый баррель вдруг станет стоить даже не одиннадцать, а восемь долларов, все, все пропало!..

Производства стоят, как и стояли, новых технологий как не было, так и нет, наука не только умерла, но ее даже и похоронить успели, и на похоронах сплясать – научные институты сдали в аренду под казино, компьютеры продали налево, истребители разобрали на «цветные металлы», а криогенные установки по дешевке сплывили китайцам, им нужнее, они хоть знают, что с ними делать!..

Гидра, убаюканная ручейком, все спала и даже похрапывала.

Чернобыльцы пару раз объявили голодовку, требуя выплат многолетней давности, шахтеры побузили на окраинах, военные в очередной раз подтянули пояса и с тоской огляделись, что бы такое еще продать. Продавать больше было нечего, все уже продали. На задворках тлела война, которой не было ни конца ни краю, и стыдливые лицемерные рассказы о ней в новостях напоминали хронику советских времен – вот сельчане отправились к урнам для голосования, чтобы «выразить волю» и «поддержать законную власть». Вот над школой затрепетал российский флаг, за партами сидят чумазые и глазастые дети в платках и фуфайках, таращатся в камеру. Вот «гостеприимно распахнул двери» институт, готовый принять первых студентов.

По ночам стреляли не только в горах, но и в городах, на блокпостах взрывали заминированные машины, как будто сами по себе вдруг находились склады с оружием, которого хватило бы на то, чтобы вооружить до зубов армию небольшого, но амбициозного государства.

И все это было так привычно, так невыносимо скучно, что журналисты почти зевали, когда рассказывали про институт, «гостеприимно распахнувший» двери. К взрывам в метро все тоже быстро привыкли, как и к тому, что вдруг повсеместно стали гореть дома – а куда же им деваться, они свой век отжили, а два века не протянешь!.. Ремонтировать их было не на что – весь ручеек уходил на усыпление гидры, – новые строить тем более не на что, и плачущие люди в платках и мятых ночных рубахах, в несколько часов потерявшие все, вызывали только минутное сочувствие, не больше.

Беспризорники заполнили вокзалы и рынки, и о том, что нынче их почему-то развелось еще больше, чем во время Гражданской войны, тоже говорилось стыдливо и негромко, словно никто в этом не виноват, да и особенного ничего нет. Подумаешь – беспризорные дети в официально невоющей стране, а что тут такого?! Бомжи с наступлением весны вылезли из теплотрасс и подвалов на свежий воздух, в скверики и парки, и теперь дети в ярких комбинезонах, которых вели за руку мамы, старательно обходили спящих на газетах, обросших сивыми бородами мужчин и краснолицых женщин в свалявшихся шапках.

Зато повсеместно открывали залы игровых автоматов и игорные клубы, вокруг которых толпились немытые подростки с лихорадочными губами и глазами. Держава прогуливала дармовые нефтяные доллары и в ус не дула, и все понимали, что вот-вот всему настанет конец.

Те, кто еще несколько лет назад так рвался к власти, так спешил, так ратовал за народ и процветание, дорвались, передушили конкурентов и с азартом и жадностью дорвавшихся стали хватать, тянуть, грести, волочить, красть, рассовывать по карманам и счетам. От них не было спасения. Они ничего не видели вокруг, они жадничали и давились, но остановиться не могли – время их поджигало, время! На следующих выборах на смену им придут другие и передушат нынешних, тех, кто не успеет убежать, и припадут к кормушке, и начнут хватать, грести, рассовывать по счетам и карманам. Самые разумные, насосавшись, отваливались, как пиявки, и, рыгая и ковыряя в зубах, отправлялись «на покой» – в тихие спокойные страны, где продаются особняки и футбольные клубы, а также острова с народцем, яхты и лагуны, и располагались там уже навсегда, надежно, основательно, с достоинством и благожелательным взглядом на мир.

Журналистам было скучно. Невыносимо скучно. Писать не о чем и снимать нечего.

В прошлом году от летней сонной скуки напали вдруг на некоего эстрадного деятеля, который, тоже от скуки, облял на пресс-конференции некую журналистку – можно подумать, что он первый облял или последний!.. Скандал вышел на всю страну, и вся страна была все-речь озабочена этим вопросом, и заговорили даже о «возрождающемся национальном достоинстве», в том смысле, что это самое достоинство и поправил эстрадный деятель. Суд присудил деятелю извиниться, и тот извинялся и каялся, и опять на всю страну разбирались, от души он покался или нет, и сочувствовали оскорбленной, и вспоминали с умилением, что вот в былые времена мужчины женщин не оскорбляли и в их присутствии не садились даже, не то что уж матом крыть! Оскорбленная прославилась, а деятель приуныл, и журналисты написали, что хамить никому не позволено!..

Потом все опять встрепенулись и наострились, как морские коньки. Говорят, что морской конек большую часть жизни проводит почти что в спячке и только время от времени, подчиняясь загадочному биологическому ритму, вдруг пробуждается и летит без разбора невесть куда.

Некий скромный министр из ничего не означающего министерства с бухты-барахты принялся крушить чужие особняки и дачи – бороться за сохранение природы. Толком никто не знал, сколько именно особняков он сокрушил, и сокрушил ли вообще, и чьи, но выглядел

министр внушительно. Брови сдвигал строго и говорил министерским голосом: «Мы не позволим!» Пока разбирались, чьи дачи сокрушать первыми – политиков, или артистов, или обыкновенных обывателей, – в центре Москвы порубили пару чахлах сквериков и тройку детских площадок. В сквериках заложили небоскребы, а на площадках – гаражи, – а что делать, мегаполис растет, развивается, приезжих селить некуда, только в небоскребы! Перепуганные жители соседних домов выдвинулись с плакатиками и нарисованными от руки транспарантами – не надо, мол, небоскребов, у нас солнца и так нет, сплошная загазованность и нарушение норм освещенности, но министру в это время было некогда. Он воевал с не ведомыми никому дачниками.

Но и эта тема наскучила – очень скоро. Морской конек впал в спячку и пробудился только от того, что папа римский плохо себя почувствовал. В стране, где религию отменили несколько десятилетий назад, причем основательно отменили, со скидыванием крестов и расстрелом духовенства, здоровье папы стало, разумеется, темой номер один – а как же иначе?! Некоторое время гадали, помрет или не помрет, и с удивлением показывали людей по всему миру, которые искренне за этого самого папу переживали, некоторые даже плакали. Папа балансировал между жизнью и смертью, и это тоже быстро надоело – ну а дальше что?!

Ну совсем ничего, ну что же делать-то?!

Вольнодумные каналы все позакрывали еще сто лет назад, вольнодумных журналистов, которые утверждали, что войну надо заканчивать и бюджетникам платить, отправили на вольные хлеба, а немногочисленные оставшиеся осторожничают и боязливо жались. Шут ее знает, свободу эту!.. Сегодня свобода, а завтра Тишина Матросская, кому она нужна такая?

Вокруг было липко и влажно, и как-то невыносимо, как бывает, когда туча уже сожрала горизонт и подбирается все ближе и ближе, и внутри ее все наливается лиловым и черным, и ветер крутит песчаные вихри, и оттуда, издалека, тянет холодом и чувством опасности, и все еще непонятно, что там – дождь или смерч?..

Эта туча – будущие президентские выборы – никому не давала покоя, все косились на нее, понимая, что она уже близко, вот-вот подойдет, и остались последние, самые последние дни, когда можно жить, делая вид, что ее нет.

Валерия Алексеевна Любанова, главный редактор газеты «Власть и Деньги», видела ее так хорошо, как будто рассматривала в тысячекратный бинокль.

Ее завтрашняя встреча с предполагаемым кандидатом – первый раскат грома, вывалившегося из лилового брюха.

Она поняла, что уже давно молчит, думая о своем, только когда Саша Константинов осторожно позвал ее:

– Ле-ера! Ты где?

Она услышала и словно моментально проснулась:

– Прошу прощения, я задумалась.

– Да мы поняли уже! – Полянский улыбнулся. – Лер, наши сепаратные переговоры с Садовниковым всем известны.

– И что?

– Мы не сможем ничего скрыть от... вражеской прессы, как ты это называешь.

– Господи, Рома! – сердито сказала Лера. – Что ты как маленький! Я просила, чтобы ничего не просочилось до нашей встречи, то есть до завтрашнего вечера, а потом, конечно, все узнают, а как же иначе!

– Боголюбов нас не простит.

Андрей Боголюбов владел газетой «БизнесЪ», которая испокон веку конкурировала с «Властью и Деньгами». До сих пор было не слишком понятно, кого из кандидатов поддержат Боголюбов и его газета, только какие-то слухи доходили, но, насколько могла судить Лера, Ахмет Баширов, принцепал Боголюбова, еще не принял окончательного решения.

– Помните, в двухтысячном было громкое убийство главного редактора «Вестей»? Тогда говорили, что он как раз Боголюбову дорогу перешел и тот его...

– Это в тебе играет то, что тебя по ошибке называли именем великого режиссера, – объявила Любанова, – снимал бы ты лучше концептуальное кино, господин Роман Полянский!

Первый заместитель неинтеллигентно сопнул носом и отвернулся. Его шикарное имя служило в редакции и ее окрестностях поводом для постоянных шуток с первого дня его пребывания «в должности», уже примерно полгода. Кроме того, он был красив утонченной красотой, любил сладкие духи, слабые сигареты и шоколад. Он носил очки, старательно холил свою щетину, всегда пребывавшую как будто в состоянии трехдневной давности, и очень любил себя. При этом он был исключительно профессионален во всем, что касалось журналистской работы, умело вел сложные переговоры и понимал, что нужно делать для того, чтобы поддерживать репутацию самой лучшей газеты в стране.

«Власть и Деньги» как раз таковой и была.

– Ну что ты сопишь, сокровище? – спросила Любанова. – Не нарекли бы тебя Романом, и не обзывался бы никто!

– Мне не нравится, что мы не знаем, кого поддержит газета Боголюбова.

– Это никому не нравится, – сказал Константинов.

Он в редакционной политике, как и в политике вообще, не слишком разбирался и не понимал, зачем Лера задержала его в кабинете. Вряд ли затем, чтобы он на самом деле в ее отсутствие контролировал журналистов!

– А... в Лондоне не известно, за кого Боголюбов?

– Нет, – отрезала Лера. – Если бы там было известно, я бы тоже знала. Поживем – увидим.

– Ну да, – согласился тезка великого режиссера, – если нас не постигнет участь главного редактора «Вестей»!

– Типун тебе на язык!

И все замолчали. Креативный директор рассматривал свои запонки – на одну даже подышал и потер ее о джинсы, чтобы ярче сверкала. Первый заместитель нарисовал в блокноте еще одну длинную черту и теперь любовался на нее.

Помолчав, Любанова поинтересовалась:

– Ну? И почему никто у меня не спрашивает, что за совет в Филях?

– Да, – сказал Константинов и оторвался от запонки. – Что за совет в Филях?

– Пошли на крышу, – вдруг предложила Лера. – Что-то душно здесь. Прямо беда – в апреле еще снег лежал, в мае жара невыносимая!

Во всех помещениях самой лучшей газеты России, разумеется, работали кондиционеры. В этом офисе никогда не было ни холодно, ни жарко, здесь было уютно, просторно, вкусно пахло, и каждый входящий начинал немедленно чувствовать волнуемый ноздри запах – запах больших денег. Здесь тянуло ударно работать, демонстрировать ум и эрудицию и созидать во имя родины и свободы слова, такой уж офис!..

Пойти на крышу – означало поговорить совсем уж начистоту, без предполагаемой «прослушки». Никто точно не знал, есть в офисе эта самая загадочная «прослушка» или нет, и на всякий случай считалось, что есть.

Любанова распахнула стеклянную дверь, перешагнула низкий порожек, застучала каблучками по разноцветной итальянской плитке, которой был вымощен «патио». Константинов поднялся, а тезка великого режиссера медлил. Он не любил стоять рядом с креативным директором – так сразу становилось очень заметно, что он значительно ниже ростом.

– Ну чего? – спросил Константинов, словно сам у себя. – Пошли, что ли?..

Похлопал себя по коленям, как отряхнул, и вышел следом за главной. Полянский закурил, чтобы было понятно, что он задержался не просто так, а именно для того, чтобы закурить, и потянулся за ними. Любанова смотрела вниз, свесившись через перила.

– Свалишься, – сказал Константинов, подходя.

Ветер трепал ее волосы, казавшиеся на солнце очень черными. У нее были неправдоподобно черные волосы и неправдоподобно голубые глазищи – как у кинодивы. Константинов, как всякий мужчина, ненавидел притворство, или думал, что ненавидит, а потому очень интересовался, что поддельное, волосы или глаза с линзами?

– Высоты боюсь, – сказала Любанова, – до судорог. Тянет кинуться.

– А зачем тогда смотришь?

– Волю закаляю.

Вот так всегда. Невозможно понять, шутит она или говорит серьезно.

Подтянулся Полянский и остановился в некотором отдалении – галстук летит по ветру, волосы развеваются, сигаретка сладко и тонко пахнет. Наполеоновским взором он обозрел расстилавшийся пейзаж, а потом как бы невзначай перевел взгляд на Леру и Константинова. Это означало, что мешать парочке романтически любоваться панорамой новой Москвы он не хочет, но все же пора бы выяснить, что за секретность такая и тайные разговоры.

Лера повернулась спиной к голубому простору, положила локти на перила и согнутую в колене ногу пристроила – амазонка, одним словом, да еще и волосы летят.

– Значит, так, – сказала она и посмотрела по очереди на каждого из сообщников. – Есть у меня одна крамольная мысль. Следующего содержания. Что-то мне показалось, что Сосницкий решил Садовникова кинуть, а вину свалить на нас. То есть конкретно на меня. И поездка наша в Питер – просто...

– Подстава, – закончил Константинов.

– Просто для отвода глаз, – твердо договорила Лера, не любившая жаргон и позволявшая его себе только в разговорах с бандерлогами. – Мы как бы обо всем договоримся, а потом из Лондона скомандуют все остановить, потому что мы плохо договорились. Возможно такое?

Роман Полянский даже про свою сигарету забыл. Она тоненько дымилась у него в пальцах, а он во все глаза смотрел на Леру.

– А... с чего ты это взяла?!

Она сделала нетерпеливый жест:

– Ну... скажем так, мне показалось.

– Тебе *показалось*, что Сосницкий хочет нас подставить?!

– Да, – спокойно сказала она. Ее трудно было взять на испуг, вернее – невозможно.

Константинов молчал.

– Таким образом, мы не получаем финансирования и остаемся должны миллионов... несколько. Мальчишки, у вас есть несколько миллионов на тот случай, если мы их кому-нибудь задолжаем?

– Но, – растерянно начал Полянский, – это же нелогично! Это просто... глупость, извини меня, Лера! Зачем Сосницкому таким странным способом гробить собственную газету, да еще успешную, популярную и все такое? У нас тиражи сумасшедшие, рекламы полно, у нас...

– Ну, допустим, затем, что просто так прикрыть нас он не может, ему нужен повод. Он его искусственно создает, вот и все.

– Да, но зачем?! Зачем?!

– Ну, предположим, затем, чтобы показать властям, что в будущих выборах ни он, ни его деньги участия принимать точно не будут.

– Сосницкий откажется от выборов?! Это невозможно.

– Почему? – спросил Константинов. – По-моему, вполне.

– И по-моему, вполне возможно, – поддержала его Лера. – Он может свой отказ от участия на что-нибудь обменять. На то, что ему сейчас больше всего нужно. К примеру, на гарантии, что в случае возвращения в Россию он не подвергнется ни преследованиям, ни экспроприации, ни национализации и так далее. Судьбу «Юкоса» не разделит. Спокойно займется

своими делами. Все вокруг перестанут повторять, что Вадим Сосницкий Генеральной прокуратурой России объявлен в федеральный розыск и его фотографии разосланы в Интерпол, в Ми-6 и другие места. Он получит свободу передвижений и продолжит ковать свои миллиарды.

– Ему нужны деньги?

Тут Лера Любанова слегка рассмеялась.

– Ну, не думаю, что его интересуют деньги в нашем понимании. Его интересует... ох-хо-хо... ну, скажем, мировое господство. Он пересидел какое-то время, отдохнул, и все – вперед.

– А это... возможно?

– А почему нет?

Константинов все молчал, и его молчание тревожило Полянского. Опять получалось, что тот знает больше, настолько больше, что и говорить ему не нужно, и так все понятно.

– Подожди, – попросил Полянский, который не мог так загадочно молчать, как Константинов. Ему требуются разъяснения, вот пусть и разъясняют, а не молчат загадочно! – Садовников, лидер партии «Россия Правая», на выборах должен получить поддержку СМИ. Самая правая газета в стране – наша, и совершенно логично, что именно от нашей газеты он получит эту самую поддержку...

– Платформу, трибуну и плацдарм, – договорила Лера за него. – Все так.

– Наша газета пиарит его во время предвыборной кампании, и он набирает очки и получает голоса.

– Ну да, да!.. Все как обычно.

– Всем понятно, что его не выберут, да это и не нужно. Нужно на шуметь и заставить людей запомнить себя как радетеля за народные блага. Пока все правильно?

– Склифосовский, – сказала Лера и заправила за ухо летящие волосы. – Короче!

Но Полянский становился упрямым как мул, когда ему было нужно. Это его ценное качество было известно всем, и начальникам, и подчиненным. Из-за упрямства от него когда-то ушла жена, да так до сих пор и не вернулась!..

– Платформу и плацдарм Садовникову предоставляет Вадим Сосницкий. У Сосницкого подмоченная репутация и очень много денег.

– И очень много амбиций, – подсказала Любанова.

– Да. И амбиций. Наша газета принадлежит Сосницкому, и он обещал Садовникову и правому делу поддержку на выборах. И... что? Где подвох? Все это делалось уже десять раз, у каждой газеты и у каждого канала свой кандидат, которого они ведут, или парочка кандидатов! Зачем Сосницкому кидать нас посреди дороги вместе с Садовниковым?!

– Например, чтобы продемонстрировать властям и будущему президенту лояльность, – сказала Лера. – Это в девяносто шестом было непонятно, кто победит, то ли Ельцин, то ли Лебедь, то ли папаша Зю!.. А сейчас-то все понятно. Садовников бодро-весело начинает пиариться в нашей газете, использовать ее как трибуну, рупор и все такое. Проходит несколько месяцев, у Садовникова все хорошо, рейтинг растет, и свои денежки он отрабатывает. В этот момент вдруг Сосницкий перестает его поддерживать. Причем не просто перестает, а закрывает газету – по объективным причинам. Причины могут быть, например, такие. Мы, договариваясь с Садовниковым и подписывая с «Россией Правой» соглашение о сотрудничестве, нарушили пункт сто семнадцать прим Закона о средствах массовой информации, и Минпечать отзывает нашу лицензию. Придраться ни к чему невозможно. Любанова подписала бумаги не глядя. Юристы все проморгали. Садовников моментально теряет все набранные очки, потому что искать равноценную поддержку и платформу у него уже нет времени, а «Власть и Деньги» закрыли. Сосницкий вроде ни при чем, а у нас миллионные неустойки, процедура банкротства и продажа квартир, машин и детей.

– А Сосницкий заодно, – закончил Константинов, – таким образом демонстрирует полную лояльность единственному правильному кандидату. Потому что неправильный слетает, не дойдя даже до процедуры выборов.

– Вот именно, – согласилась Лера. – Ну, как вам схемка?

– Абсолютно неправдоподобно, – быстро сказал Полянский. – То есть, по-моему, это невозможно.

– Очень правдоподобно, – сказал Константинов неторопливо. – И легко технически.

Полянский пришел в раздражение.

– Быть может, я чего-то не знаю, и тогда тебе, Лера, придется мне объяснить. А на первый взгляд вся твоя теория гроша ломаного не стоит. Газета существует уже десять лет. Зачем Сосницкому может понадобиться именно сейчас ее угробить?! Перед самыми выборами?

Она пожала прямыми плечами:

– Я не знаю. Я просто делюсь с вами подозрениями.

– Но они откуда-то взялись, твои подозрения! Да еще перед самым подписанием договора!

Ни одному из них Лера не могла сказать, откуда взялись ее подозрения.

Пусть пока думают, что она просто выдумала их. Решила перестраховаться. Напустить туману. Запутать следы. Что там еще можно сделать?..

– Тогда, может, тебе заболеть быстро и неизлечимо? – предложил Константинов.

– То есть подать в отставку?

– Ты что, – обиделся он, – с ума сошла?! Нет, просто месяцок в Кардиоцентре полежать, потом в Юрмалу поехать, пройти реабилитационный курс, потом еще полечиться, уже от печени, например. А?

– А Садовникова заберут себе Боголюбов и газета «БизнесЪ», да?! Нет уж, на это я пойти не могу! Мне надо посоветоваться с шефом, Михайло Ивановичем!

– Ну и пусть Боголюбов забирает, – сказал совершенно запутавшийся тезка великого режиссера, – если твои предположения правильны...

– А если неправильны? – перебила Лера. – Если неправильны, значит, мы своими руками поднесем конкуренту на блюдечке с голубой каемочкой несколько миллионов долларов, почет, славу и тиражи. Не знаю, как вы, а я не настолько люблю конкурентов.

– Может, потянуть? – предложил Константинов. – Просто потянуть, и все, не три месяца, конечно, а несколько дней.

– Зачем?

– За это время может что-то проясниться.

– Как? Что? И кто будет прояснять? Или частного детектива наймем, чтобы он слетал в Лондон и выяснил у Сосницкого его истинные намерения?

– Да, – согласился Константинов. – Глупость. Но я не знаю, как подстраховаться.

– И я не знаю, – согласилась Лера Любанова. – А великий режиссер знает?

Полянский был растерян.

Пожалуй, впервые за все время работы, за полгода, наверное, Лера увидела его растерянным. Куда только подевался скучающий лорд Байрон?..

– Но ведь Сосницкий... наш. Разве он может нас... сдать?

– Что значит «наш»? Наш – это чей? – Лера сняла ногу с невысокого парапета, зацепилась каблуком, Константинов ее поддержал. – Прежде всего он очень деловой человек, интересы которого простираются по всему миру, а амбиции так вообще до звезд! Что ему какая-то отдельно взятая газета, хоть бы и его собственная? Если деловые интересы перевесят, он о нас даже не вспомнит!

– Это все понятно, – нетерпеливо перебил ее Константинов, – и все-таки как подстраховаться?! Я никаких вариантов не вижу.

– Я тоже не вижу, Саш, – печально сказала Лера. – Поэтому я вам все это и изложила. Для повышения бдительности. Роман, ты должен на переговорах смотреть в оба, как бы я чего не проморгала. Саша, ты здесь тоже должен смотреть в оба. Может, позвонить кому-нибудь? У тебя есть знакомые в газете Боголюбова?

– Ну конечно, есть! Можно подумать, у тебя нет!

– И у меня есть, но я не хочу звонить, чтобы не было лишних разговоров. Ты у нас человек творческий, к политике отношения не имеешь, тебе все простительно. Позвони сегодня или завтра, попробуй узнать, нет ли каких слухов или подозрительных событий.

– Что есть подозрительные события?

– Ну, может, Боголюбов уже повстречался с Садовниковым или что-то в этом роде. Или регулярно встречается. Ну, хоть что-нибудь, что может связывать Боголюбова, Садовникова и Сосницкого! Вдруг это нас куда-то выведет. Позвонишь, поболтаешь?

– Поболтаю, – согласился Константинов. – А ты будь осторожна. Рома, приглядывай там за ней.

Полянский сосредоточенно кивнул.

Они вернулись в кабинет и быстро разошлись по своим делам.

Лера сказала, что ей нужно забрать из химчистки вещи и еще съездить на новую квартиру, где все продолжался ремонт, который должен был закончиться еще месяца три назад. Константинов привычно попенял ей, что она все делает сама, могла бы попросить кого-нибудь, например, его, Константинова, а Лера привычно сказала ему, что полагаться на мужиков не желает, ибо все равно в этом нет никакого смысла.

Полянский постоял, потом пробормотал, что завтра будет ждать ее в аэропорту, и ушел, расстроенный.

Константинов вышел следом и, проводив лорда Байрона глазами, вытащил из кармана мобильник.

– Это я, – сказал он зачем-то, хотя на том конце отлично знали, что это он. – У меня через полтора часа самолет, мне нужно ехать. Нет, она не в курсе. Ну, она же меня и задержала! Я вернусь раньше ее, она ничего не узнает. Никто ничего не узнает.

Мелисса Синеокова ела яблоко и уныло смотрела в стекло, за которым почти до самого леса простирался серый асфальт, а на нем – в ряд – серебристые самолетики, похожие с большой высоты на склеенные модели из детского конструктора. Внизу, под самым окном, неслышно проходили непривычно широкие автобусы. Притормаживали под плоской крышей терминала, выпускали людей и катили дальше. Куда дальше – Мелисса вытянула шею и посмотрела, – было не видно.

У нее за спиной гудел ровным гулом зал ожидания, визжали какие-то дети и жизнерадостно хрюкал и булькал игровой автомат. С левой стороны был крошечный бар, похожий на бар гостиницы «Интурист» в Сочи времен перестройки и ускорения. Вокруг высокой пластиковой стойки располагались три довольно ободранных табуретки и еще пара столиков на шатких алюминиевых ножках. На полках стояли бутылки со спиртным и перевернутые вверх дном рюмки. Кофейный аппарат в углу пускал пар.

Мелисса с удовольствием выпила бы кофе и покурила, но курить здесь было запрещено, и присесть негде, все столики заняты, но она решила, что не уйдет, будет караулить, и как только хоть одно место освободится, кинется и займет его. Лететь в Питер ей не хотелось.

Как-то с утра все не заладилось, и даже предстоящая поездка казалась теперь не праздником жизни, а пустой тратой времени и сил. Мелисса Синеокова доела яблоко, грустно осмотрела огрызок – нельзя ли еще откуда-нибудь откусить – и стала искать урну. В зоне видимости не оказалось никакой урны. Обнаружилась только одна, довольно далеко, возле двери, на которой была нарисована девочка в юбочке, но идти туда нельзя. И так она все время ощущала

повышенное внимание, хоть и водрузила на нос темные очки и повернулась к общественности спиной.

И еще мерещилось странное – вдруг показалось, что в очереди на регистрацию позади нее стоит курьер из издательства Витя Корзун, маялась-маялась, обернулась, нет никакого Вити, а дядька, на которого она уставилась, моментально сложил лицо в сладкую, вопросительную улыбку. Мелисса рассеянно улыбнулась ему в ответ, и вдруг Витя мелькнул уже на улице, за стеклами – неужели опять показалось!

Если это видение, то какое-то неправильное – кому же это в видениях мерещится курьер, а не апостол Петр?! Что это за видение такое – про курьера?!

Может, не лететь?..

Выйти сейчас из зоны ожидания, забрать машину со стоянки и поехать домой, сесть за компьютер – работать, работать и работать!..

Ах, как Мелисса Синеокова любила свою работу! Вот и сейчас, брошенная на полуслове, она манила и притягивала. Словно магнит.

...Значит, так. Пусть тот самый, которому героиня звонила, окажется не тем, про кого она думала, а ее соседом, который подсоединился к телефонной трубке. Нет, не годится, потому что сосед у нее просто какой-то болван, а болван не может присоединиться к линии. И редактор потом скажет, что это... как же он говорит в таких случаях?.. что это шито белыми нитками, вот как.

Ну хорошо.

Значит, пусть героиня звонит, а он в это время приезжает и слышит весь разговор. Он думает, что она разговаривает с убийцей, и решает, что она тоже замешана и он должен ее спасти. Нет, это тоже не годится, потому что тогда выходит, что она должна говорить по телефону как-то так, чтобы было понятно, что это связано с преступлением, а что такого опасного можно заставить ее сказать по телефону?! Она же добропорядочная мать семьи, а не какая-то там профурсетка!

В задумчивости Мелисса Синеокова слопала огрызок, который намеревалась выкинуть, а жесткий яблочный хвостик сунула в задний карман джинсов – не бросать же на пол, в самом деле!

Ремень от кофра, в котором был ноутбук, поминутно съезжал у нее с плеча и тянул за собой щегольскую джинсовую курточку, которую Мелисса обожала. Она поправляла ремень, но он начинал ехать, как только она переставала придерживать его рукой. И сесть, как назло, некуда!..

И зачем только она навек поссорилась с Васькой?! Ну зачем, зачем!.. Она никогда с ним не ссорилась, она умная женщина, знает, как вести себя, и вот на тебе! Поссорилась, да еще накануне поездки!..

Сзади ее вдруг сильно толкнули, так, что почти ткнулась носом в стекло, и проклятый ноутбук слетел с плеча, и она поймала его только в последний момент. Вот была бы катастрофа, если бы он грохнулся на пол! Конец пришел бы ее роману – ужас!

Очень разгневанная, Мелисса Синеокова повернулась, чтобы от души высказать грубияну и наглецу, который ее толкнул, все, что она о нем думает, и обнаружила двух тетюшек, которые таранились на нее, как на заспиртованных сросшихся близнецов из Кунсткамеры.

Мелисса открыла и закрыла рот.

– Извините, – громко и радостно сказала одна из тетюшек. Они были крепкие, полные, цепко держали свои сумки и смотрели на нее снизу вверх. Она была очень высокой, и почти все люди на свете смотрели на нее снизу вверх.

Кроме Васьки, с которым ее угораздило поссориться. Васька смотрел на нее только сверху вниз.

– Ой, а мы вас узнали, – радостно затараторила вторая. – Вы ведь Мелисса Синеокова, да?

Толкнули специально, поняла Мелисса, чтобы я оглянулась. Все ясно.

Она моментально затолкала в себя все слова, которыми собиралась наградить обидчика, и навесила на лицо широкую улыбку. Это называлось «давать знаменитость».

Придется давать, а куда деваться?! Никто ее не заставлял становиться знаменитостью, сама стала!

– Здравствуйте, – сказала она хорошо поставленным голосом. Боковым зрением Мелисса все время отслеживала столики в доперестроечном баре. Вот мужик сложил газету, лениво посмотрел по сторонам и снял ногу с ноги. Может, собирается уходить?

– Ой, а мы все-все ваши книжки перечитали! – затараторила первая. – Все до одной! Вы так хорошо пишете, так жизненно, все про нас! Мы с Раечкой даже библиотечку особую завели, чтобы читать и обмениваться!

– Мы обмениваемся с Галочкой, – подхватила вторая. – И все наши девочки тоже обмениваются.

– Спасибо вам большое! – сказала Мелисса голосом знаменитости и подбавила сердечности в улыбке. – Это очень приятно.

– Ой, а кино нам не понравилось! Это вы кино снимали или не вы?

– Я не снимаю кино. Кино снимают режиссер и продюсер.

– Да что ж вы им не сказали, что убийца совсем по-другому выглядеть должен?!

– Я не участвую в съемочном процессе.

– Ой, а вы нам с Раечкой автограф не дадите?

– Конечно. С удовольствием.

– Только нам не на чем. У вас есть на чем?

У Мелиссы на такой случай был припасен особый блокнотик. Она полезла за ним. Мужик в баре расстегнул свой портфель и уставился в него, как будто соображал, что там такого может быть интересного.

– Да-да, я – Галя, а моя подруга – Рая. У нас и мужики читают! Мой-то позавчера закрылся в туалете и не выходит! Я ему стучу-шумлю, а он, оказывается, там с вашей книжкой засел!

– Ну надо же, – подивилась Мелисса.

У нее было отлично развитое воображение, и она живенько представила себе мужа Раечки в тренировочных штанах и не слишком чистой майке восседающим на унитазах с ее книжкой в руках.

– Ой, спасибо вам большое! Вот спасибо! Нам никто не поверит, да, Галочка?

– Никто не поверит!

– А на телевизоре вы сами снимаетесь?

– Ну конечно, сама.

– А как же вы здесь, когда ваша передача уже через двадцать минут?!

– Ну это же не прямой эфир! Мы в записи выходим!

– Ой, ну надо же! А у меня дочка мечтает в телевизоре выступить, может, вы ей поможете, а? Ну, как-то пристроиться!

Зачем я поссорилась с Васькой, думала в это время писательница Мелисса Синеокова. И он хорош, знает, что в Питер сегодня лететь, и ссорится, тоже мне мужчина! Если бы он был со мной, все было бы легко и просто и эти тетеньки не раздражали бы меня так сильно.

– Я сейчас дам вам телефон, – сказала Мелисса. – Это пресс-служба нашего издательства. Вы позвоните, и вашу дочку запишут на съемки. В качестве зрителя, конечно.

– Нет, а на работу, на работу как ей устроиться?

– Я не знаю, – искренне сказала Мелисса, и то ли у Галочки, то ли у Раечки вытянулось лицо, стало недовольным, как будто писательница заняла у нее сто рублей и только что отказа-

лась отдать. – Нужно искать работу на телевидении, а потом постепенно делать карьеру. Извините меня, пожалуйста!

– Ой, а вы куда же?!

Она протиснулась мимо подруг, которые не отрывали от нее глаз, шмыгнула за стойку с журналами и плюхнулась на шаткий стульчик, с которого только что поднялся мужик с портфелем. Стульчик показался ей утлым и неустойчивым, и высоченной Мелиссе сидеть на нем было неудобно, зато она моментально сняла с плеча осточертевший ей ноутбук и пристроила его в ноги. Потом достала из кармана курточки мобильный телефон и посмотрела в окошечко.

Окошечко показывало время, а больше не показывало ничего. Васька не звонил. А она так надеялась! Она надеялась и думала, что пропустила звонок, не услышала! Впрочем, надежда еще оставалась. Наверное, в зоне досмотра телефон не принимает! Ведь может такое быть? Вполне может!

Тут оказалось, что для того, чтобы заказать кофе, нужно подняться и идти к стойке, а как только она поднимется, место тотчас же займут, это ясно. Вокруг бара дислоцировался народ, нацелившийся на три вожаделенных столика, в надежде, что какой-нибудь освободится. Их, нацелившихся, много – вон в три ряда стоят.

Мелисса беспомощно оглянулась на барменшу. В темных очках она видела не слишком хорошо.

– Девушка! А девушка!

– Стол сейчас вытру.

– Девушка, а можно у вас кофе попросить!

Девушка моментально утратила к Мелиссе всякий интерес и стол раздумала вытирать.

– У стойки заказывайте.

– Я не могу, у меня ноутбук очень тяжелый!

– А мы не разносим. У стойки заказывайте и берите.

– А можно я отсюда закажу?

– У нас со столиков не заказывают. Только со стойки.

Круг замкнулся, поняла Мелисса Синеокова. Не дадут мне кофе. «Со столика» не положено, а к стойке подойти нет никакой возможности.

Если бы Васька был с ней, все ее затруднения разрешились бы моментально. Он воздвиг бы на одно монументальное плечо ее компьютер, на другое, не менее монументальное, дорожную сумку в вензелях и кренделях прославленной европейской фирмы. Мелисса очень гордилась своей сумкой. С ней она чувствовала себя немного принцессой Дианой, совершающей «визит доброй воли». Ей представлялось, что Диана должна была путешествовать именно с такой сумкой.

Васька страшно ругался, когда Мелисса ее купила.

«Что за бред, – говорил он сердито, – что это за сумка, которая стоит полторы тысячи долларов?! Что в ней может стоять полторы тысячи долларов?! В ней даже отделений нет!»

«Да не в отделениях дело, – отвечала Мелисса глупому Василию. – Ну, ты посмотри, какая кожа, и вот висюлочка, а тут, видишь, карманчик и «молния»!»

И она гладила шершавый коричневый бочок с кремовыми буквами, переплетенными между собой, а Васька крутил лобастой башкой и фыркал.

А теперь они поссорились, и он даже не позвонил ей утром, хотя знает, что она должна лететь в Питер, и летит теперь одна, и кто угодно может к ней пристать или украсть у нее сумку с вензелями!

Она снова вытащила телефон с целью проверить, не появилось ли неотвеченных Васькиных вызовов.

Никаких вызовов не появилось.

Тогда она достала старый-престарый органайзер, который когда-то начальник подарил ей на день пролетарской солидарности всех революционных женщин-работниц. Органайзер был толстый, тяжелый, в дерматиновом черном переплете, похожий на старого ворчливого деда. Она столько раз добавляла в него страницы, что он почти не закрывался, кнопочка все время расстегивалась.

Пошарив в сумке, она добыла ручку и на чистой странице написала: «Васька не звонит. Жду-жду, а он все не звонит. Может, он решил меня бросить? Я этого не переживу. Кажется, ей-богу, пойду и утоплюсь. Что я буду без него делать?! Мы вчера поссорились, я в Питер улетаю, а он не звонит! Вот если он еще через пятнадцать минут не объявится, я ему сама позвоню!»

– Девушка, вы будете заказывать или нет?

– Да. Кофе мне, пожалуйста.

– Встаньте и подойдите. Мы со столиков заказы не принимаем.

Тут обнаружилось, что Галочка и Раечка галсами продвигаются к ее столику и уже почти придвинулись вплотную.

Мелисса нацепила улыбку и даже очки на лоб подняла, чтобы «давать знаменитость» по полной программе.

– Ой, я извиняюсь, – сказала та, чей муж в туалете читал Мелиссину книжку, – ой, извиняюсь, но я хотела спросить...

– Да?

– Ой. – Они переглянулись и как по команде вытаращили глаза. – А мы вот все время с девочками спорим, у вас силиконовая грудь или натуральная?

Улыбка Мелиссы даже не дрогнула.

– Натуральная.

– Я же тебе говорила! – сказала Галочка Раечке. – Что я тебе говорила?! А вас по правде зовут Мелисса Синеокова?

– Нет. Это псевдоним.

– А как вас по правде?..

– Меня зовут Мила Голубкова. По паспорту.

– То есть как Мила? – поразились Галочка и Раечка. – Это что же за имя такое?!

– Людмила.

– А-а... – протянули Раечка и Галочка.

Мелиссе показалось, что они разочарованы.

«Мелисса Синеокова» звучало, конечно же, шикарней. А то Людмила Голубкова! Ну, куда это годится?! Разве у звезды может быть фамилия Голубкова?!

В это время зазвонил телефон, и, чуть не опрокинув оставшийся от мужика стакан, который принципиальная барменша так и не убрала, Мелисса схватила трубку.

– Да!

– Милка, это я.

Звонила лучшая подруга Лера Любанова. Очень хорошо, что она позвонила, но Мелиссе хотелось, чтобы позвонил Васька. Вот ничего ей сейчас так не хотелось, как того, чтобы он просто взял и позвонил!..

– Ты где?

– В Шереметьеве. – Она опустила на нос очки и двинулась вместе со своим шатким стулом, чтобы как-то скрыться от Галочки и Раечки, которые продолжали стоять перед ней. – Я в Питер лечу, на съемки.

– Вот так всегда, – сказала в трубке Любанова. – Вот все в Питер на съемки летят, а я одна, как дура, прусь туда же на переговоры!

– Ты в Питер летишь?

– Ну да. Завтра утром.

– Так я завтра отсюда уже уеду, – огорчилась Мелисса. – Что ж ты мне не сказала, что тоже собираешься, Лерка! Я бы все по-двинула и завтра с тобой полетела!

– А ты мне что не сказала?! Я бы все подвинула и сегодня с тобой полетела!

Круг опять замкнулся, подумала Мелисса. Вот ведь какой сегодня день. Как с утра не заладилась, так даже кофе невозможно выпить и с лучшей подругой повстречаться в городе на Неве!

– Ты только не забудь, что в выходные вы у меня на даче.

– Я не забыла, Лер.

– Ну, хорошо, что хоть это не забыла, с твоим-то склерозом!

Считалось, что, как человек творческой профессии, Мелисса все забывает, путает и ничего толком не знает.

– Тогда мягкой тебе посадки, и Ваське привет.

– Васьки нет. Мы поссорились.

– Как?! – поразила Любанова. – А где он?

– Дома, наверное.

– Постой, Голубкова. Ты чего, одна в Питер летишь?

– Ну... да.

– Дура, что ль, совсем?! – грубо спросила Лера. Это она умела. – Куда тебя понесло одну?! Ты ж у нас мировая знаменитость, тебя там сейчас на куски порвут!

– Никто меня не порвет, – быстро выговорила Мелисса, косясь на теток, – никому я не нужна.

– Вот я сейчас позвоню твоему Ваське и скажу, чтобы он срочно чесал за тобой в Шереметьево.

– Посмей только!

– А мне что? Я посмею! Кроме того, мне тебя, дуру, жалко! Это же надо было сообразить, одной переться!

– Ничего со мной не будет. Я женщина-асфальтоукладчик.

– Это нам известно, но полоумных-то вокруг полно!

– Лер, угомонись. Все будет хорошо. И не вздумай Ваське звонить!

Она нажала кнопку отбоя на телефоне и вздохнула.

Галочка и Раечка придвинулись еще ближе и смотрели на нее с жадным любопытством.

– Ой, а кто ж это такой... Вася? Вот вы сейчас говорили!.. Это ваш муж, да?

– Да, – буркнула Мелисса.

– Вот я тебе говорила, что грудь у нее натуральная и муж у нее есть. А дети у вас есть?..

Рядом с ней вдруг резко загремел стул, так что ноутбук сдвинулся и наехал ей на ногу, и усевшийся напротив мужчина загородил ее спиной от любознательных тетушек.

– Что ж ты себе даже грудь не спроворила какую следует? – весело удивился мужик. – Общественность волнуется. Вот объясни общественности, почему у тебя ни фига не силиконовая грудь!

– Привет, – сказала Мелисса и поправила под столом ноутбук.

– Здорово.

Его звали Герман Садовников, и он был лидером какой-то политической партии со смешным названием, то ли «Россия справа», то ли «Правая жизнь», то ли еще что-то в этом духе. Он был шикарный, широкий и высокий, в сером распахнутом плаще, в дорогом костюме, и даже носовой платочек выглядывал из кармана, и пахло от него сигарами и дорогой парфюмерией, все как положено.

Мелисса его ненавидела.

– Коля, – приказал он неприметному молодому человеку в дешевом костюме и бордовом галстуке, охраннику, должно быть, – закажи нам кофе и два двойных виски. Ты все еще пьешь виски?

– Пью, – с ненавистью сказала Мелисса.

– Вот и отлично.

Он повожился на стуле, устраиваясь поудобнее, глянул на тетушек-поклонниц и шутливо на них прикрикнул:

– Брысь!

Тетушки засуетились, ринулись в разные стороны и быстро пропали в толпе.

Герман повернулся, откинулся на спину, склонил голову набок и стал рассматривать Мелиссу.

– Хороша, – оценил он через некоторое время. – Разъелась малость, но по-прежнему хороша. А что же диеты, не помогают?

Она молчала, смотрела ему в лицо.

– А мне помогают, – поделился Герман. – Я в прошлом году пятнадцать килограммов сбросил. Впрочем, я дорого худел, по гемокodu. По группе крови.

– Это я знаю, – сказала Мелисса. – Это когда за пятьсот долларов тебе пишут, что нельзя есть булки и жирную свинину и запивать газированной водой. Это хорошее дело.

– Все язвись?

– Да где мне!

Подскочила девушка, прибрала со стола грязные стаканы, вытерла исцарапанную пластмассу и посмотрела преданно.

– Вам чего, милая? – спросил Герман.

– Мне автограф бы, – смущенно пролепетала девушка, которая ни за что не соглашалась принять Мелиссин заказ «со столика», – ой, вы знаете, как я вас люблю! Все-все перечитала, и мама вас любит тоже! И передачу мы вашу смотрим с удовольствием.

– Спасибо, – сказала Мелисса и потянулась за блокнотиком. – Как зовут вашу маму?..

– Я и вас знаю, – радостно сообщила девушка Герману Садовникову, пока Мелисса старательно выводила «с наилучшими пожеланиями», – вы из Думы, да?

– Да, – сказал Садовников не слишком любезно. Как видно, привык быть в центре внимания, и теперь его задело, что Мелисса его затмила. – И пепельницу нам подайте.

– Да здесь вообще-то нельзя курить, – сказала девушка, – но только для вас подам.

– Спасибо, – поблагодарила Мелисса и протянула листочки с «наилучшими пожеланиями». – Спасибо вам большое!

– А ты, оказывается, популярна.

– Да, – сказала Мелисса Синеокова твердо. – Я популярна.

– Ну молодец, – лениво протянул Герман. – Ты знаешь, я рад, что из тебя что-то вышло. Очень рад. Честно сказать, не ожидал. Думал, останешься ты жопастой дурой, и все.

Она молчала, смотрела на него.

Сколько лет прошло, и не больно уже, и не страшно, и все позади, а все равно внутри как будто вдруг что-то мелко затряслось.

Какой-то жизненно важный механизм засбоил, стал работать в аварийном режиме, замигал всеми аварийными лампочками. Вот сейчас остановится, захлебнется, и с ней что-нибудь случится – в обморок бухнется или упадет, заплачет и начнет биться.

Все возможно. В присутствии этого человека возможно все.

Она посмотрела на свои пальцы, сжавшие телефон, и приказала им разжаться. Они не разжались, и тогда другой рукой она отлепила пальцы от аппарата.

Герман наблюдал за ней.

– Дурочка, – фыркнул он. – Вот дурочка-то! Все такая же истеричка?

Ему нравилось, что он... действует на нее, а в том, что «действует», не было никаких сомнений. Он вспоминал о ней очень редко, только когда случайно видел по телевизору или на каких-то светских мероприятиях. Подходить не решался: кто ее знает, она всегда могла ляпнуть что-нибудь оскорбительное, себе дороже! Но воспоминания были сладкие, волнующие, душевные и притягательные. Все-таки тогда все было по-другому, он был молодой, горячий, и вся жизнь была впереди – ах, время, время, времечко!..

Девушка, метавшаяся от барной стойки к их столику, последовательно выставила пепельницу, два пластмассовых стаканчика – в каждом по глотку янтарной, сильно пахнущей жидкости – и две чашки кофе с пластмассовыми ложечками на блюде.

– Объявляется посадка на рейс 486 до Санкт-Петербурга, – усталым голосом сообщил динамик. – Просим пройти на посадку, выход номер десять.

– Еще посидим, – решил Садовников. – Куда нам торопиться! Ну, твое здоровье!

Он опрокинул в себя стаканчик, подышал, как будто хлебнул самогону, и опять откинулся на спинку стула.

– Что ж ты не через депутатский зал? – спросила Мелисса. – Или ты уже не депутат?

– Я-то? Я депутат. Фракция «Россия Правая», слыхала? Так вот, я ее лидер.

– Слыхала, – согласилась Мелисса и глотнула виски. – Вы на прошлых выборах едва-едва свои четыре процента набрали.

– Это ты так меня подкальываешь, да?

– Нет.

– Дурочка, – с удовольствием сказал Герман и даже засмеялся от удовольствия. – Нет, все вы бабы – дуры! Чем дольше живу, тем больше в этом убеждаюсь. А через депутатский зал я принципиально не летаю. Чего я там не видал? А здесь я... с народом рядом!

– Ря-ядом, – протянула Мелисса. – Извини, Герман, мне нужно идти. Уже посадку объявили.

– Да куда он не денется, самолет этот, – сказал Садовников. – Без нас не улетят. Коля, еще виски закажи там. Ну, а как вообще жизнь? Ну, что ты прославилась, я знаю, это все знают, а жизнь как? Семья? Дети?

Жизненно важный механизм застучал еще сильнее, теперь он бил в горло и желудок, и от этого мягко подкатила тошнота. Тугой комок тошноты, похожий на скрученную вату.

Волосатый комок скрученной ваты в горле.

Она не станет вспоминать. Она не может вспоминать.

Ей было двадцать пять лет, и она забеременела от него, идиотка. Мало того что забеременела, так еще имела глупость ему об этом сказать.

«Идиотка», – стучал моторчик. «Раззява», – визжал моторчик.

Он требовал сделать аборт, а она отказывалась. Во-первых, она сильно его любила, а во-вторых, мама сказала, что нельзя прерывать первую беременность. Это может кончиться плохо. В-третьих, она, романтическая дура, убедила себя, что он тоже ее любит и просто не понимает своего счастья.

Три месяца он не давал ей проходу, настаивал на аборте, и в конце концов, очень удивленная, она сказала ему, что ее беременность не имеет к нему никакого отношения, что она все равно родит и они с мамой и папой...

Моторчик уже не просто трясся, он подпрыгивал и захлебывался, и было ясно, что дальше вспоминать нельзя.

Срок был уже почти четыре месяца, когда Герман явился к ней домой. Выходной день, родители на даче, и она стала поить его кофе и кормить ватрушкой, которую утром пекла мама, так что пахло на весь дом, а ее невыносимо тошнило. Она всегда очень любила запах маминых пирогов, но теперь по утрам ее то и дело рвало, и мама уговаривала ее потерпеть, уверяла, что скоро пройдет.

Что он подливал ей в кофе, она так и не узнала, но вдруг ее повело, в глазах поплыли чернота и зелень и еще какие-то невозможные горящие круги. Она время от времени приходила в себя и опять теряла сознание. Она помнила его машину – уже в лохматом девяносто пятом году у него был лимузин, – и она вдруг словно сознавала себя в этом лимузине, в пижаме и тапочках, неудобно завалившейся на сиденье.

Он привез ее к себе на дачу. Там ее привязали к кровати и сделали аборт, без наркоза и обезболивающих. Она помнила, как возлюбленный и отец ее погибающего ребенка деловито распоряжался, чтобы «тащили на чердак, потому что внизу она все кровью зальет», и какой-то пьяненький мужчинка, от которого несло гороховым супом, луком и водкой, лез ей внутрь, ковырялся и чем-то гремел, а она орала и вырывалась, а потом перестала, когда ничего не осталось – ни ее, ни ребенка, только огромная боль, похожая на те самые жуткие круги в глазах.

Она очнулась не скоро, в крови и грязи, когда уже никого не было на даче, только глуховатая домработница, которая швырнула ей какие-то штаны и велела убираться, пока ее не погнали из «приличного дома грязными тряпками».

– Ошалели совсем, шлюхи! Уж и в дом лезут, шалавы проклятые! Убирайся отсюда, убираться, кому говорят! Подлегла под мужика, а отвечать не хочешь? Изгваздала мне тут все! Пошла отсюда!..

Никто не стал подавать в суд, и отец, вопреки сюжету кинофильма «Ворошиловский стрелок», не пошел с ружьем убивать ее возлюбленного.

Отец ни о чем и не узнал. Он умер бы, если бы узнал, а Мелиссе, тогда еще Миле Голубковой, не хотелось, чтобы из-за нее погиб не только ребенок, но и отец.

Ей самой Герман все объяснил.

– Ты дура совсем, – сказал он, покуривая сигаретку. – Ну зачем мне твой ребенок? У меня карьера, работа, меня пресс-секретарем в Женеву отправляют, я женюсь в июле. Моя девушка – дочь Филиппова, ну, Филиппова, у него компания «ННН», по телевизору каждый день реклама. А кто тебя знает, вдруг ты с меня алименты потребуешь или станешь к ней приставать, чтобы она тебе на ребеночка давала, а у нас с ней все по-честному, любовь у нас с ней!.. Она знает, конечно, что я не последний девственник Америки, но детей у меня нет и не было. А ты не трусь, жопастая! Ты себе найдешь автослесаря, или крановщика, или летчика найдешь, и все будет у тебя тип-топ! Поняла, что ли? И не вздумай в милицию стукнуть. У нас везде свои, и генеральный прокурор вчера у нас на даче соседскую Маринку щупал! Они с отцом подпили, ну, и куражились по пьяной лавочке, козлы старые! Так что, если проблем не хочешь, сиди тихо и спокойно, получай удовольствие от жизни. И матери своей скажи, чтобы получала. Если полезете на меня в открытую, я тебе даже легкой смерти не обещаю. Монтировками забьют да еще трахнут по кругу. Каждую. Поняла, жопастая?!

Она долго лечилась, да так и не вылечилась.

Месяца через два из Министерства иностранных дел, в котором она служила и где когда-то начался роман с красавцем и умницей Садовниковым, ее уволили «по сокращению штатов». А потом у нее какая-то сложная болезнь сделалась, вроде мозговой горячки, и она еще лежала в институте нервных болезней на Шаболовке.

С тех пор прошло десять лет.

С тех пор не было ни одной ночи, когда она не просыпалась бы от собственного воя, и все ей виделась металлическая кровать с сеткой, к которой намертво прикручены ее раздвинутые ноги, и между ними мужик, пахнувший луком и водкой, который ковыряется и страшными инструментами убивает ее почти четырехмесячного ребенка.

Жизнь не кончилась. Жизнь стала совсем другой.

– Кто на Петербург? – истошно закричала рядом тетка в синем плаще и с рацией, которую она смешно держала под мышкой. – Проходим, кто на Петербург! Сюда проходим!

– Дурдом! – пробормотал лидер партии «Россия Правая». – Вроде в Европе живем, а орут как в деревне! Ну, вот теперь пошли!

– Ты тоже в Питер?

– Это ты *тоже*, – сказал он с нажимом. – А я именно в Питер.

Мелисса повесила было на плечо ноутбук, но Садовников мигнул, кивнул, подскочил охранник и снял ноутбук у нее с плеча. Мелисса не давала, но он все равно снял.

– Позволь уж мне поухаживать. – Садовников галантно пропустил ее вперед.

– Да ведь это не ты ухаживаешь, а твой... прихехешник.

– Кто?

– Здравствуйте! – заулыбалась, увидев Мелиссу, девушка на контроле. – А вы Синеокова, да? Мелисса Синеокова? Я все ваши книжки прочитала и передачи смотрю!

– Спасибо вам большое!

– Да какая она Синеокова, она Голубкова! – с веселым глумлением воскликнул рядом Герман. – Не верьте ей, девушка, я это точно знаю!

Девушка посмотрела на него. Мелисса сжала в кармане джинсовой куртки телефон.

Ну, позвони. Ну, позвони же.

Скажи, что ты меня любишь, что я тебе нужна. Что у нас все хорошо.

Ну, пожалуйста.

Они спускались по лестнице, и Герман ее даже под руку придерживал, кавалерствовал изо всех сил.

– Так как семья? Дети?

– Отлично, а как у тебя? Как твоя жена?

– Которая? – весело удивился он. – У меня уже третья.

– А она чья дочь?

– М-м-м, – протянул Садовников, – ты еще и кусаться хочешь? Она дочь Рахимова, президента «Интер-нефти». Двое пацанят, один от той, а второй уже от этой.

Они спустились в квадратное помещение под крышей, где сильно дуло и тянуло сигаретным дымом.

Мелисса достала сигарету и быстро закурила.

Сейчас придется выключить телефон, а он так и не позвонил.

Не позвонил, несмотря на то, что в зале ожидания к ней привязался Садовников!..

– Ну а принудительные аборт ты больше никому не делаешь? Или предохраняться научился? Кто там у вас в комитете по делам материнства и детства? Страхова Тамара? Небось она тебя научила планированию семьи и использованию презервативов по назначению, а, Герман?

Он вдруг сильно испугался. Неожиданно сильно.

Большое, крепкое, белое лицо дрогнуло, и он стрельнул по сторонам глазами и от этого стал похож на рецидивиста Копченого из знаменитого фильма.

– Ты бы держала язык за зубами, – сказал он тихо. – По старой памяти. У тебя все равно ничего нет. Ни свидетелей, ни доказательств.

– Зачем мне свидетели и доказательства, Герман? – спросила Мелисса спокойно. Жизненно важный моторчик затихал, работал уже почти спокойно, постукивал себе. – Я тебе репутацию могу в два счета испортить. Пара публикаций, к примеру, в газете «Власть и Деньги» и еще в каком-нибудь «Бизнесе», и достаточно.

– Я тебе не Тони Блэр, меня на мушку не возьмешь. Ну и что – публикации? Кто в них поверит?!

– Да никто не поверит, – продолжала Мелисса, с изумлением обнаружившая, что он боится! Она видела его испуг, как будто это было написано черной краской на его сером плаще. Огромная кривая надпись – «Я напуган».

– Вот именно.

– Никто не поверит, если Катя Сидорова из Тамбова напишет, что забеременела от Дмитрия Нагиева. А я-то ведь не Катя Сидорова из Тамбова. Мне люди доверяют. Да ты только что видел, наверное!

– Извините, пожалуйста, вы Мелисса Синеокова, да?

– Да. – Она повернулась, нацепила улыбку «даешь знаменитость». – Вам автограф?

– Если можно.

– Конечно, можно. – Мальчишка лет семи, которого женщина держала за руку, заглядывал снизу ей в лицо, и отец улыбался издали. – А как зовут вашего сына?

– Егор. А мужа Дима!

Мелисса подписала всем троим, сигарета ей мешала, и она все время разгоняла дым свободной рукой.

Герман наблюдал за ней.

– Только попробуй что-нибудь вякнуть прессе, – тихо сказал он, как только троица отошла, – и я тебя убью.

– Или я тебя, – предложила Мелисса. – Хочешь? Ты отстал от жизни, Герман! У меня теперь миллион возможностей, много денег и даже собственная служба безопасности!

Тут она приврала немного. Никакой такой службы у нее нет, конечно, но у нее есть Василий. То есть был. До вчерашнего дня.

– Посмотрим, – сказал Садовников задумчиво, будто уже начал прикидывать, как именно он ее убьет.

– Посмотрим, – согласилась Мелисса.

Играла арфа, и журчащие, перетекающие звуки действовали Лере на нервы. Вся обстановка в духе начала прошлого века – латунные ручки, газовые рожки, амур, красный плюш, начищенный медный самовар на гнутых упористых ногах и официанты в русских рубахах – казалась надуманной и слишком претенциозной.

Лера Любанова, которая очень любила этот прославленный отель в самом центре Санкт-Петербурга, его традиционность, аристократическую сдержанность, его обеденные залы в «русском духе», его паркеты и люстры, которая специально выбрала для переговоров именно это место, полагавшая, что только здесь она будет чувствовать себя деловой, успешной и уверенной, теперь сидела и маялась.

Лере Любановой хотелось «на волю».

Исаакиевская площадь за высокими окнами с частыми переплетами была залита солнцем, полосатые «маркизы» трепетали на свежем балтийском ветру, от них на тротуар ложились веселые дрожащие тени. Гигантский купол собора сиял, к широким ступеням то и дело подкатывали туристические автобусы, из которых выплескивались толпы веселых, озабоченных туристов с камерами на животах. В крохотном круглом скверике бегали дети и на лавочках сидели парочки – по одной на каждой лавочке.

Лере хотелось в этот скверик, посидеть на лавочке с сигаретой, а потом, не торопясь, пойти к Исаакию, обойти его со всех сторон, пересечь дорогу, влезть на каменный парапет, окружающий сад возле Адмиралтейства, пройти немного по парапету, спрыгнуть на гравий, дойти до грозного императора на горячем скакуне и постоять рядом. Когда-то она читала, что страшная змеюка, которую придавил копытом императорский конь, вовсе не символ, как впоследствии придумали историки, а просто еще одна точка опоры. Никак не получалось у Фальконе сделать так, чтобы царь и его скакун держались всего только на двух лошадиных копытах, вот и пришлось придумать змею – для поддержки.

Вот так всегда бывает. Чем банальнее объяснение, тем меньше в него верится! Хочется, чтобы было красиво, загадочно и немного тревожно – конь топчет врагов, которые выползают

из нор и силятся ужалить, но они уже повержены, раздавлены, и царь-победитель, вылетевший на самый край Гром-скалы, смотрит только вперед, не удостаивая раздавленного змея взглядом! И при чем тут, скажите, какая-то глупая точка опоры?!

«На волю» нельзя. У нее переговоры. Она должна быть здесь.

И даже когда они закончатся, она все равно не сможет влезть на парапет, окружающий сад Адмиралтейства, и походить по нему, потому что и тогда все равно будет должна.

Должна позвонить в Москву, должна обсудить все с Полянским, который что-то бледен и сильно нервничает, должна позвонить в Лондон и отчитаться. Должна, должна, должна!..

Еще ее раздражало, что этот напыщенный тип Герман Садовников разговаривает с ней как будто свысока, а, с ее точки зрения, это недопустимо. На данный момент времени они абсолютно равные партнеры, и от Леры Любановой во многом зависит, как именно лидер партии «Россия Правая» проведет следующие полтора года. Ударно, толково и с блеском, как спаситель отечества, или уныло потягивая из-за забора, как дворянча на привязи.

Кроме того, ее очень смущала некая личность, которая сидела довольно далеко, полускрытая арфой и колоннадой, забранной по периметру решеткой из позолоченных прутьев. Никогда она не могла разобрать, что это за личность, а ей непременно нужно было выяснить, кто это. Издалека, из-за арфы и колоннады с решеткой, эта личность очень походила на Андрея Боголюбова, владельца газеты «БизнесЪ», и его появление «на том же месте и в тот же час», когда Лера проводила судьбоносные переговоры, могло свидетельствовать о чем угодно и о самом плохом.

Секьюрити Садовникова «охранял» шефа как-то прямо посреди зала, очень нарочито, – смотрите, мол, вот какой это большой человек, у него есть даже собственный охранник! Он сидел спиной к ним, выдвинув стул прямо к арфе, и это тоже не нравилось Лере.

Она была искренне убеждена, что Герман Садовников как таковой никому не нужен, и ходить с охраной на переговоры очень глупо. Впрочем, может, он не нужен как лидер партии «Россия Правая», а нужен как хозяин подпольной фабрики по производству контрафактных кассет и дисков? Может, у него есть такая в запасе?

Единственное утешение было в том, что кофе огненный и очень вкусный, и апельсиновый сок здесь подавали в маленьких стеклянных кувшинчиках, и льняные салфетки были так туго накрахмалены, что твердо лежали на коленях, и тяжелые серебряные приборы были начищены до блеска, а официантки походили на учительниц французского со своими выпрямленными спинами и интеллигентными петербургскими улыбками.

Герман Садовников уже час ходил вокруг да около, закладывал пируэты и виражи, поражал Лерино воображение знаниями международной и внутренней политики, а также дружбой с сильными мира сего.

По его словам выходило, что вчера он обедал с губернатором Санкт-Петербурга, позавчера с мэром Москвы, а третьего дня только было собрался отобедать с президентом и не смог, дела задержали в Вашингтоне. Пришлось президенту одному обедать.

Лера Любанова, которая до сего дня не была близко знакома ни с кем из «правых», все время ловила себя на мысли, что если уж лидер фракции такой болван, то немудрено, что на парламентских выборах эта самая фракция получила полтора места, да и то по чистой случайности.

Впрочем, может, он не болван, а просто считает, что именно так должно производить впечатление на даму?..

– Может быть, еще кофе?

– Да, пожалуйста.

Садовников махнул рукой официантке – учительнице французского – и стал раскуривать сигару.

Должно быть, в книге прочитал, что Уинстон Черчилль, политик всех времен и народов, любил сигары, и теперь тоже любит. Как Черчилль.

– Я ведь так понял, – сказал Садовников, на миг прервав свое занятие, – что вы получили из Лондона недвусмысленные указания, и наша с вами встреча на самом деле чистой воды проформа.

– Указания? – пробормотала Лера и посмотрела на Полянского. Тот моментально поднял брови, да так и оставил их поднятыми в знак чрезвычайного изумления.

– Указания из Лондона, – повторил Садовников терпеливо и стал опять раскуривать сигару, окружив себя облаком дыма. – Мы просто должны подписать бумаги, так сказать, скрепить то, что уже определено.

– Вы думаете?

– А разве не так? Указания получены, и вам остается только их выполнить.

– А... кто получил указания из Лондона? – уточнила Лера. – Роман, ты получал из Лондона указания относительно Германа Ильича?

Полянский уверил, что ничего такого не получал.

– И я не получала. Вот Герман Ильич говорит про какие-то указания! Или парламентская фракция «Россия Правая» всегда живет в соответствии с указаниями из Лондона?

Садовников сладко пыхнул сигарой, прикрыл глаза и усмехнулся.

Он терпеть не мог амбициозных, стервозных баб, уверенных, что они чего-то стоят! Чего ты стоишь, дура? Ну, трахаешься ты с лондонским сидельцем, небось каждую субботу на сеанс летаешь, ну, держит он тебя как главного редактора, ну, ты хоть отчет-то себе отдавай! Да он тебя мог кем угодно назначить, хоть главным редактором, хоть главной балериной Большого театра, хоть главным начальником всех начальников! Сиди себе тихонечко, хлопай своими глазищами, деловую хватку не изображай! Откуда у тебя, бабы, может быть хватка? Еще скажи, что у тебя мозги есть! Нет, ей-богу, он, Герман Садовников, всех баб посадил бы по домам, раздал бы каждой в правую руку ложку, а в левую кастрюлю или сковороду, на выбор, и пусть себе сидят! Вон как у мусульман! Все правильно организовали ребята – на голову платок, на улицу без мужа ни ногой. Если хорошо себя ведут, их кормят, а плохо, так их в реке топят, и все идет отлично! Его, Германа, третья жена, дура душой, впрочем, как и две первые, так и делала – просиживала бикини на пляже в Ницце и на Кипре, тратила отцовские миллиончики. То виллу купит, то «Ламборджини», то вдруг шубу из невиданного меха. Не видать ее, не слышать, где там она, ау-у-у! Впрочем, прислуга доносит: выпивать начала, зараза, от скуки и безделья, а заняться нечем. Чем ее займешь?.. Ребенка ей он уже сделал одного, так она его в глаза не видала, этого ребенка-то! Мамки, няньки, гувернеры, бонны, да в конце концов тесть с тещей татарских кровей уволокли его к себе на воспитание. Воспитывать они его будут!.. Тесть в прошлой жизни начальником вахты был на вышке, из него воспитатель дай бог каждому! А теща в тресте ресторанном за арифмометром сидела, тоже воспитательница аристократов, она навоспитывает, пожалуй!.. Бриллианты пудовые, в Париж на завивку летает, зубы в Лондоне вставляет, а носовой платок до сей поры в рукаве носит, засунутый за обшлаг, и сморкается, как в водопроводную трубу дует!..

– Валерия Алексеевна, – начал Герман, потешаясь, – мы прекрасно понимаем друг друга, не делайте вид, что не знаете, о чем идет речь. И давайте уже заканчивать наши с вами беседы. Я только вчера прилетел, меня губернатор ждал, пришлось сразу к нему ехать!.. Бумаги о том, что ваша газета... как она называется? «Бизнес и власть»?

– «Власть и Деньги», – тихо напомнил Полянский.

– Да-да, именно, как это я запомнил?.. Так вот, бумаги о том, что газета поддерживает на выборах нашу фракцию, уже готовы. Если господин Сосницкий не считает нужным вводить вас в курс дела, то я не имею на это никаких полномочий! – И он мило улыбнулся. – Но тем не

менее уверяю вас, что наше предполагаемое сотрудничество будет происходить с его полного одобрения. Он мне сам позавчера...

– Что? – уточнила Лера.

– Он позавчера мне по телефону сказал, что все наши предварительные договоренности остаются в силе, и он даст вам указание просто подписать несколько листочков с разными пунктами. Такие листочки называются договором.

– Позавчера у Вадима не работал телефон, – сердечно сказала Лера. – Какие-то проблемы со спутником.

Но мелкий бабий укус Садовникова ничуть не обескуражил.

– Ну, может быть, я ошибся. Значит, не позавчера, а накануне. Знаете, у меня столько работы, что я иногда путаю дни недели. Так что, если у вас нет ко мне никаких вопросов, встречу можно заканчивать.

– Зачем тогда было ее начинать? – спросила Лера. – Я убеждена, что мы *на самом деле* должны договориться.

– Ну, мы с Вадимом уже обо всем договорились, уверяю вас!..

Тут подряд произошло два события.

Широкие двери старинного лифта, который важно ходил в золотой клетке под часами, неторопливо разъехались, и из него вышла очень высокая молодая женщина в джинсовом костюме. У нее был замученный вид, а на носу темные очки.

– Мила! – закричала Лера и полезла через ноги Полянского. Тот посторонился. – Милка! Высоченная остановилась и посмотрела по сторонам в недоумении.

– Милка, ты же сказала, что утром будешь уже в Москве!

Мелисса Синеокова подняла на лоб очки и повернулась совсем в другую сторону, не в ту, где была Лера, и неуверенно улыбнулась равнодушной тетке иностранного вида. Тетка удивленно улыбнулась в ответ.

Лера подлетела и дернула ее за плечо:

– Дура, ты куда смотришь! Разве я оттуда кричу?

– Лерка! Откуда ты взялась?!

– У меня переговоры, – зашептала Лера Любанова и незаметно показала на Садовникова с Полянским, которые не отводили от них глаз. – Во-он с тем козлом. Козел называется Герман Садовников, он лидер правой думской фракции. Он меня уже извел, честное слово!

– Да, – сказала Мелисса Синеокова негромко, и глаза у нее сузились. – Я его знаю. И вправду козел.

– Почему ты не в Москве?

– Съёмки внезапно отложили. Я их жду.

Лера подбоченилась.

– Как это ты их ждешь?!

– Ну, продюсер позвонил и сказал: извините, пожалуйста, у нас все откладывается на два дня. Ну, не отменять же, раз уж я все равно здесь. Вот я теперь жду. – Она говорила и отводила глаза, совершенно точно зная, что Лера сейчас будет ругаться.

Лера принялась ругаться:

– Слушай, Синеокова ты моя, все-таки ты ненормальная! Ты же звезда первой величины, черт тебя побери! Какого рожна ты торчишь в Питере и ждешь съёмок, если они отменились, как ты выражаешься! Немедленно садись на самолет и дуй в Москву! Тебе больше делать нечего, только съёмок ждать?!

– Да, но я все равно уже здесь...

– Здесь! Ты сейчас здесь, а через два часа будешь в Москве! Васьки на тебя не хватает! Звони ему немедленно, пусть он тебя встречает!

– Валерия Алексеевна! – негромко, но очень-очень внушительно позвал Садовников. Внушительность его голоса перекрыла даже звук ручейков, растекавшихся от арфы.

Лера повернулась к нему спиной.

– Звонить я не буду, – сказала Мелисса Синеокова, знаменитая писательница. – Я на него обиделась.

– Ну и дура. Он тебя что, побил?

– С ума сошла?!

– Значит, оскорбил словом?

– Не хочу я рассказывать!

– Послал бог подругу, – под нос себе пробормотала Лера Любанова, – ничего толком не добьешься, двух слов не может связать! Сидит одна в гостинице в Питере, ждет съемок! Угораздило же!

– И вообще у меня температура, – сказала Мелисса Синеокова печально. – Тридцать восемь и семь. Представляешь?

Лера закатила глаза.

– А куда тебя несет, сокровище, с такой температурой?! Тебе лежать надо! Возвращайся в номер и ложись немедленно, я к тебе сейчас приду. Ты в каком?

– В четыреста шестнадцатом, только лежать я больше не могу, полдня лежу. Я в скверик выйду, на солнышке посижу и вернусь. А ты приходи ко мне. Только одна, без... этих.

– Еще мне не хватало этих по чужим номерам водить! И как это так получается, что как только Васька отвернется, тебя обязательно по башке стукнет? В прошлом году упала так, что ходить не могла, из машины вывалилась, помнишь! А он только за сигаретами отошел!

– Ничего я не помню, – упрямо сказала Мелисса, которой не хотелось думать о том, как ей плохо без Васьки. – Иди, они уже замучились тебя ждать. А я посижу на лавочке и вернусь.

– Я тебя заберу в Москву сегодня, – вслед ей сказала Лера. – Температура у нее, а она в Питере съемок ждет, которые отменились!..

Она смотрела, как Мелисса Синеокова идет по просторному и чистому холлу, застланному поверх мраморной плитки коврами, как кивает и улыбается всем входящим и выходящим, как внезапно чихает и утирает нос, как отступает с дороги, потому что навстречу ей в высокие двери вдруг ввалилась целая толпа людей.

Толпа как-то моментально распространилась по всему помещению, между ваз и колонн. В центре ее вышагивал высокий человек в длинном пальто. Он не шел, а именно вышагивал, по сторонам не смотрел.

Лера моментально его узнала.

Ахмет Баширов, один из самых богатых и удачливых предпринимателей, непримиримый враг Вадима Сосницкого.

Сердце вдруг застучало. Только что не стучало, как будто и не было у нее никакого сердца, а тут объявилось!

Что это может значить?..

Совпадение? Случайность? И тот человек за колонной, похожий на Андрея Боголюбова, тоже случайность?..

Или Сосницкий задумал какой-то сложный спектакль, и теперь они все просто играют роли, разевают рты, делая вид, что говорят, и водят руками, делая вид, что жестикулируют, а невидимый кукловод из Лондона дергает за ниточки? Или тут что-то другое?..

Но что? Что?..

Мелисса скрылась из виду – ей было наплевать на Баширова и Сосницкого, – и Лера осталась совсем без всякой поддержки. На Полянского в этом смысле надежды нет никакой.

– Валерия Алексеевна!

Она вернулась за столик, краем глаза наблюдая за передвижениями Баширова по лобби-бару, в котором они сидели. Вот он скинул пальто на руки одного из охранников, вот кивнул официантке, вот неторопливо оглядел всех сидящих, одного за другим.

У него были очень темные волосы, широкое нерусское лицо и узкие внимательные глаза. Татаро-монгольское иго.

– Ахмет Салманович пожаловал, – сказал Садовников негромко, и Лера поняла, что он нервничает. – Прошу прощения, я должен поздороваться.

Неторопливо, как будто унимая свой страх, он поднялся, и сделал несколько шагов, и замер, остановленный охраной.

Охрана Баширова сильно отличалась от охраны Германа Ильича – амбала, в единственном числе восседавшего на стуле посреди лобби-бара. Их было четверо, и все с одинаковыми бульдожьими лицами и витыми проводами микрофонов, засунутыми сзади за воротники одинаковых пиджаков. Во все стороны они одинаково поворачивали головы, как будто никак не могли найти, на чем бы им сосредоточиться, и Германа Ильича отсекали уже на подступах к Баширову.

– Ахмет Салманович!

– А-а, здравствуй, Герман!

Узкие темные глаза скользнули по председателю думской фракции, а заодно и по Лере с Полянским, – и Баширов прошел мимо, не подав председателю руки.

Лера отвернулась.

Нехорошо это. Каким бы там ни был Садовников, но унижать людей при всем честном народе недостойно. Ей-богу, недостойно.

За чистым стеклом изливалось весеннее яркое солнце, сиял Исаакий, скакала собака по изумрудной майской траве скверика, и на лавочке в отдалении, сгорбившись, сидела писательница Мелисса Синеокова, поминутно прикладывая к носу платок.

Садовников вернулся за стол. Смотреть на него Лере было неловко.

– Ну, – преувеличенно бодрым голосом объявил он, – я думаю, что пора заканчивать. На следующей неделе жду вас в моем офисе, Валерия Алексеевна, мы подпишем договор о сотрудничестве и, помолясь, начнем.

– Я готова посмотреть договор прямо сейчас.

– Сейчас у меня его нет, извините. Да и место, прямо скажем, не слишком подходящее. Господину Сосницкому я передам, что вы произвели на меня самое благоприятное впечатление.

– Герман Ильич, – сказала Лера твердо. – Будьте осторожны. По-моему, вы выбрали неправильную линию поведения.

– Отчего же?

– Оттого, что я не секретарь редакции. Я главный редактор газеты «Власть и Деньги». Это совсем другая позиция.

– Вы думаете? – усомнился Садовников. – Хорошо, учту.

Полянский, которому этот наглый индюк уже давно надоел, вытащил телефон и стал тыкать в кнопки.

Садовников, не глядя, бросил в раскрытую папку со счетом какие-то купюры, сделал знак охраннику и подождал, пока тот подаст ему плащ.

– Мы закончили и возвращаемся, – говорил в трубку Роман Полянский. – Константинову передайте, чтобы не забыл про машину.

– Ну, до свидания, – сказал Герман Ильич и сделал любезное лицо. – Позвольте только вопрос напоследок, Валерия Алексеевна?

– Да, конечно.

– А кто эта женщина, с которой вы говорили у лифта? Очень знакомое лицо.

- Мелисса Синеокова, знаменитая писательница. Очень неплохие детективы. Не читали?
- Я не читаю подобного рода литературу. Времени жаль. А... она здесь живет?..

– Да, – язвительно сообщила Лера, – представьте себе! В четыреста шестнадцатом номере!

Герман сверху вниз посмотрел на нее. Вид у него был озабоченный.

– Ну, в таком случае до свидания, рад был встрече.

Сдержавшись, чтобы не сказать грубость, Лера кивнула. Полянский коротко поклонился.

Они проводили думского деятеля взглядами и как по команде уставились друг на друга.

– Что это было? – наконец спросила Лера. – Что это за комедию и фарс он тут разыгрывал?!

– Черт его знает, – сказал Полянский, сел и потер лицо.

– Мне кажется, он просто мечтал, чтобы я плюнула ему в лицо и сказала, что он может убираться ко всем чертям! Или это все... игра?

– Черт его знает, – повторил тезка знаменитого режиссера.

На улице, за высокими окнами с декадентскими переплетами разгорался скандал, который неожиданно привлек внимание Леры.

Охранники отеля пытались выпроводить со свободного пятачка напротив парадной двери какую-то грязненькую «Газель». Ее водитель размахивал руками, пытаясь что-то объяснить, срывал бейсболку и бил ею о колени, но не уезжал. Сзади причалил огромный, как слон, туристический автобус, из которого высыпали японцы. Их была уже целая толпа, а они все продолжали и продолжали сыпаться, как будто там, внутри автобуса, их хорошо утрамбовали перед перевозкой.

Садовников стоял на тротуаре, снисходительно наблюдая за перепалкой охраны и погонщика «Газели». Он разговаривал по телефону, как будто указания давал. За толстым стеклом, за декадентскими переплетами окон не было слышно никаких уличных звуков, и тут еще арфа изнемогала над ухом.

Садовников постоял, потом сунул телефон в карман, обошел грузовичок и неспешно направился через дорогу на ту сторону, где вдоль оградки скверика стояли машины.

Водитель «Газели» вдруг махнул рукой, что-то длинное сказал напоследок, еще раз ударил кепкой по коленке, впрыгнул в свою машину и захлопнул дверь. Грузовичок испустил синее облачко дыма и стал выруливать с пятачка. Японцы потянулись в отель, нагруженные рюкзаками, маленькие и очень старательные. Отдыхали и изучали достопримечательности Санкт-Петербурга они тоже очень старательно – у всех были камеры, фотоаппараты на тот случай, если вдруг камера забарахлит, небольшие бинокли для лучшего рассматривания красот, карты, путеводители и разговорники.

Вы не скажете, как пройти в библиотеку?..

Яичницу с беконом, пожалуйста.

Мне очень понравился (не понравился) ваш город.

Интересно, а вариантами в скобках кто-нибудь когда-нибудь пользуется?..

Садовников дошел почти до своей машины, когда вдруг что-то случилось. Лера не поняла, что именно.

Голуби порхнули в разные стороны. Какая-то машина резко затормозила и остановилась напротив входа. Охранник Садовникова странно присел и схватился за голову, а у тех, что прогоняли «Газель», сделались растерянные лица. Громадный черный джип, дремавший на углу Большой Морской, вдруг сорвался с места, потом резко затормозил, и из него выпрыгнул человек и побежал, прижимая рукой ухо, в котором был микрофон. Мелисса Синеокова в отдалении неловко поднялась с лавочки и сначала пошла, а потом быстро побежала к оградке.

– Там что-то случилось, – тревожно сказала Лера. – Слышишь, Ром?..

– Где?

– Да вон, на улице!..

Охрана Баширова по всему лобби-бару вдруг пришла в движение, они странным образом передислоцировались, и в одну секунду оказалось, что спинами они закрывают от окон своего патрона.

– Там стрельба, – тихо, но внятно сказал кто-то из них.

Арфа смолкла.

Лера бросилась к выходу, по мраморным плитам простучали ее каблучки. Навалившись, она распахнула тяжеленную дверь, которую всегда отворял швейцар, но сейчас его на месте и в помине не было.

Все увеличивающаяся толпа людей собиралась на тротуаре и на проезжей части. Лера не могла разглядеть, что там происходит. Она перебежала дорогу, ввинтилась в толпу и замерла, некрасиво приоткрыв рот.

Почти уткнувшись головой в колесо какой-то машины, на асфальте лежал Герман Садовников. Он лежал, неловко подогнув под себя руку, так неловко, что Лера подумала, что наверняка он ее отлежит, если останется в этом положении еще немного.

И, только заведя шустрый темный ручеек, подбиравшийся к колесу машины, она поняла, что Герман лежит, потому что он... умер.

Убит.

– ...громкое убийство, произошедшее сегодня в самом центре Санкт-Петербурга. Выстрелом из пистолета был убит лидер фракции «Россия Правая» Герман Садовников. Свидетели происшествия утверждают, что видели мужчину, убегавшего по Исаакиевской площади в сторону Вознесенского проспекта через несколько секунд после того, как один за другим прогремели три выстрела. Прибывшие на место происшествия сотрудники Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности обнаружили в сквере брошенный пистолет с глушителем, традиционное оружие наемных убийц. На вопрос нашего корреспондента о том, как будет организовано расследование, следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам ответил, что в данное время идет опрос свидетелей. Убийство было совершено днем, в сквере и на улицах было много людей, поэтому у правоохранительных органов есть надежда на то, что вскоре появятся какие-то детали, проливающие свет на происшествие. В настоящее время в городе введен план «Перехват», сотрудники ДПС досматривают все подозрительные машины.

Лера сделала телевизор потише – по всем каналам повторяли одно и то же. Дотошные энтэвэшники упомянули и о ней, сказали, что в отеле погибший лидер правой фракции встречался с главным редактором газеты «Власть и Деньги» Валерией Любановой. О том, что Ахмет Баширов оказался поблизости от места преступления, упомянули тоже, но вскользь, как бы давая понять, что господин Баширов, конечно же, не может быть ни в чем замешан и даже подозревать его глупо.

Мелисса Синеокова трубно сморкалась в ванной, лила воду и вздыхала.

Лера нервно ходила по комнате из угла в угол.

Мелисса все не выходила. Лера остановилась и прислушалась.

– Мила! Сколько можно?! Ну, выходи уже!

Вода перестала течь, вздохи тоже прекратились, и на пороге показалась знаменитая писательница.

– А?

– Ты что, оглохла? Выходи, хватит там сидеть!

– Да я уж вышла, – справедливо заметила писательница.

Мимо Леры она протиснулась к широкой кровати, застланной льняным покрывалом, улеглась и до подбородка натянула плед – мерзла. Лера снова принялась ходить, и звук ее каблучков ввинчивался Мелиссе прямо в голову и затихал, только когда Любанова ступала на ковер.

– Ну? – остановившись, спросила Лера. – И что ты на все это скажешь?

И она кивнула на телевизор, в котором, теперь уже без звука, показывали все то же самое – Исаакиевскую площадь, высокие двери отеля, угол Большой Морской и полосатые ленты, огородившие место происшествия.

– А что я могу сказать? Я толком ничего не видела. Я сидела, а он мимо меня проскочил, очень быстро. Никаких примет я не запомнила. Да они меня уже спрашивали! – И Мелисса тоже кивнула на телевизор.

– Ну, ты же у нас автор детективов! Что тебе подсказывает твое детективное чутье?

– Да ничего оно мне не подсказывает, – сказала Мелисса и повернулась на бок. Ее знобило, температура, как видно, поднималась. – И вообще мне на него наплевать. Убили и убили.

– Ты что? – как будто даже обиделась за Германа Садовникова Лера. – С ума сошла?!

– Да ну его, – пробормотала Мелисса и прикрыла глаза. – Я его терпеть не могу.

– А меня? – спросила Лера, подсаживаясь к ней на кровать. – Меня ты можешь терпеть? Не открывая глаз, Мелисса улыбнулась.

– Тебя пока могу.

– Тогда расскажи мне, как все это было.

– М-м-м... Ну, зачем тебе? Или ты хочешь провести независимое журналистское расследование?

– Я хочу понять, что происходит, – твердо сказала Лера. – Потому что у меня такое впечатление, что меня сдали.

Мелисса открыла глаза.

– Кто? Кому? Зачем?!

– Кому и зачем, не знаю. А сдал Сосницкий.

– Он же твой... патрон. Зачем ему тебя сдавать?

– Я не знаю! – нетерпеливо сказала Лера. – Понятия не имею! Вот слушай. Да не спи ты, а слушай, горе мое!

– Я слушаю, слушаю, – пробормотала Мелисса, подтянулась и села.

– Мы должны были подписать с Садовниковым договор о сотрудничестве. О том, что в нашей газете в оставшиеся до выборов полтора года будут выходить материалы о нем как о кандидате в президенты. Сосницкий дал добро, и мы поняли, что поддерживаем Садовникова. Толком я не знаю, обещал ли он «России Правой» еще и денег, но наш договор как раз... денежный. Потому что материалы мы, как ты сама понимаешь, размещаем не бесплатно.

– Ну да, а как же иначе. Конечно, за деньги.

– Я была уверена, что мы подпишем договор и потихоньку начнем его раскручивать. По крайней мере, Сосницкий дал мне понять, что именно так все и будет. Как обычно. Потом, правда, я усомнилась, но это... другой разговор.

– Какой – другой?

Лера нетерпеливо передернула плечами и заправила за уши буйные черные кудри, которые лезли ей в глаза и мешали говорить.

– Все получилось очень странно. Садовников разговаривал со мной так, словно, во-первых, он значительно больше меня знает, во-вторых, ему моя газета ни за каким чертом не нужна, а в-третьих, он совершенно уверен в том, что наша встреча чистая проформа. Он чуть не зевал, когда со мной разговаривал.

– Он всегда так делает.

– Что значит, всегда? Ты что, знаешь его?

Мелисса пожалала плечами:

– Да так. Встречались пару раз, еще в прошлой жизни. Я одновременно с ним в МИДе когда-то работала. Только я была никто, клерк, а он начальник департамента какого-то. Я уже забыла.

Лера не стала вдаваться в подробности – и напрасно.

– Это все очень подозрительно, понимаешь? Почему-то в лобби оказался Баширов и еще какой-то мужик, со спины очень похожий на Боголюбова.

– Кто такой Боголюбов?

– Владелец газеты «БизнесЪ», ты что, не знаешь? Они наши прямые конкуренты, и я не понимаю, как он оказался в том же месте, где у меня были назначены переговоры с Садовниковым!

– А что тут такого-то?

– Да то, что до последнего времени никто не знал, кто получит заказ от «России Правой», мы или они! Вроде бы получили мы, а они остались с носом. Но откуда Боголюбов мог узнать, что мы сегодня и именно здесь встречаемся с Садовниковым?! Или меня кто-то из своих сдает?

– А что, у тебя в редакции не знали, с кем и когда ты встречаешься?

– Нет, – твердо сказала Лера. – Не знал никто, ну, о встрече в Питере знали, но о гостинице я никому не говорила. Даже Роме Полянскому, ну, тому красавцу, с которым я сидела за столом.

– Я не обратила внимания.

– Ну понятно, – язвительно протянула Лера, – ты ни на кого не обращаешь внимания. Странно еще, что на Ваську обратила. Впрочем, на него трудно не обратить, больно здоровый!

– Он мне не звонит, – сказала Мелисса и отвела глаза. – Он со вчерашнего дня так со мной и не помирился.

– Ах, боже мой, что за дела! – Лера опять заправила за уши волосы. – Позвони и помирись сама.

На это Мелисса ничего не ответила.

– Да, – вспомнила Лера. – Даже Роман не знал. То есть он знал, что мы встречаемся с Садовниковым в Питере, но где и когда, я ему не говорила до последней минуты. Нас просто встретила машина и привезла в гостиницу, только и всего.

– Ну, вот, как автор детективов, хочу тебе сказать, что это означает только то, что никто из ваших в убийстве не замешан.

– Почему?

Мелисса пожала плечами:

– Потому что оно явно спланированное, а если никто из ваших не знал, где вы встречаетесь, то и убийство планировать не мог.

– Да это все понятно! Мне непонятно, почему его убили практически у меня на глазах, зачем?! И днем, и в присутствии охранника!

– Охранник не помог, как видишь. Подстрелили как миленького.

– Знаешь, – сказала Лера, – ты с таким удовольствием это говоришь, что мне противно! Все же он был человек! Че-ло-век! И его убили у нас на глазах!

– Ну и ладно. – Мелисса отвернулась к окну, за которым в голубом небе пылал златоглавый Исаакий. – Мне нет до него никакого дела. Мне наплевать. Я даже думать о нем не хочу.

– Да это же убийство!

Мелисса вздохнула:

– Есть такие преступления, за которые убийце нужно орден давать, а не в тюрьму сажать. В этом случае я бы точно орден дала.

Лера засмеялась.

– Милка, у тебя припадок необъяснимой ненависти! Тебе нужно выпить чаю с коньяком и медом.

– У меня на мед аллергия. И потом, он не помогает от ненависти!

– Слушай, – вдруг сказала Лера, – а может, это ты сама его убила? Может, и не было никакого человека, который быстро побежал в сторону Вознесенского проспекта? Или был, но просто бегун, участвующий в весенней эстафете, к примеру, а? А ты дождалась, пока он выйдет из отеля, прицелилась – и чпок! Готово дело. А потом выбросила пистолет и пошла посмотреть на свою работу. Как тебе такой сюжет для романа?

Мелисса Синеокова, Людмила Голубкова, вдруг так изменилась в лице, что Лера Любанова перепугалась. Она решила, что знаменитая писательница сейчас хлопнется в обморок.

– Мила, ты что?

– Ничего. – Она взялась за лоб, очень холодный и влажный, и некоторое время посидела так, с рукой, прижатой ко лбу. – Но, если хочешь знать, я на самом деле очень рада, что его убили. И давай больше не будем говорить об этом.

Давай больше не будем говорить об этом. Эта фраза, как будто из кино, словно сказанная кем-то чужим, окончательно перепугала Леру. Она слишком хорошо знала свою подругу, чтобы просто «перестать говорить об этом».

Я знаю гораздо больше, чем могу сказать, вот как Лера поняла эту фразу.

Я знаю очень много, но ничего тебе не скажу, вот как поняла свою подругу главный редактор самой популярной в России газеты.

Тут в дверь номера постучали, и Лера пошла открывать, а Мелисса опять улеглась на подушки и по уши натянула плед.

– Лера, извините меня, пожалуйста, за вторжение.

– Проходи, Рома, не стесняйся. Правда, у нас тут больные и раненые, но это не страшно. Они все одеты.

Роман Полянский вошел в просторную комнату, осененную золотым сиянием близкого Исаакия, и неловко замер, увидев лежащую на кровати знаменитую писательницу.

– Здравствуйте.

Писательница выглянула из-под пледа.

– Прошу прощения, я не в форме, – слабым голосом умирающей вымолвила она, но вдруг, словно заинтересовавшись, приподнялась на локте и посмотрела пристально. – Присаживайтесь, пожалуйста.

– Вежливая наша, – пробормотала Лера из-за спины Полянского. – Ложись, не вскакивай! Что случилось, Роман?

– Мне только что позвонили из «России Правой», – тихо и быстро начал Полянский, но остановился, взглянув на Мелиссу, которая смотрела во все глаза и слушала во все уши. – Наверное, нам надо обсудить это наедине.

– Наедине?

– Лера, у нас проблемы.

У Полянского было такое лицо, что Лера моментально поняла – что-то *на самом деле* случилось, серьезное, важное, и это изменит всю ее жизнь.

– Лера, может быть, нам лучше спуститься вниз?

Любанова покосилась на подругу, у которой теперь из пледа торчал только измученный красный нос.

– Хорошо, сейчас. Иди, Роман, я тебя догоню.

Она проводила его до двери, вернулась и еще постояла над красным шерстяным холмом, который длинно и тяжело вздыхал.

– Я сейчас поговорю с Романом, закажу тебе чай, виски, лимон и мед. Ты все это у меня на глазах выпьешь и сожрешь, – сердясь, сказала она. – Потом я позвоню твоему продюсеру и скажу, что все съемки отменяются. Потом позвоню Ваське и велю, чтобы он встречал нас в

Шереметьево, я забираю тебя с собой в Москву. И не смей мне возражать! – прикрикнула она, потому что холмик протестующе завозился.

После некоторого молчания знаменитая писательница Мелисса Синеокова сказала отчетливо:

– Я так рада, что эта скотина сдохла! Ты даже не можешь себе представить.

Потом она резко села и посмотрела на Леру измученными красными глазами:

– А вот этот человек, который только что заходил, все время был рядом с тобой?

– В каком смысле?

– Ну, когда стреляли, он точно сидел рядом с тобой?

Лера засмеялась:

– Ну да. Мы прилетели из Москвы на одном самолете, приехали в гостиницу на одной машине, потом все время просидели за одним столом. А что такое?

Мелисса помолчала.

– Ничего. Но если бы он не сидел с тобой за одним столом, я могла бы поклясться, что это именно тот человек, который пробежал мимо меня после выстрела. В сторону Вознесенского проспекта.

– Этого не может быть.

– Я знаю, – печально сказала Мелисса, – но что я могу поделать, если так оно и есть?

Со ступеней Исаакиевского собора был отлично виден круглый скверик, обтянутый по периметру полосатыми лентами, которые трепетали на ветру. Не слишком густая толпа стояла вокруг, и все время подъезжали и уезжали машины.

Константинов прошел металлическое ограждение, поднялся на ступеньки и еще раз посмотрел туда.

У него было довольно много времени, которое необходимо на что-то употребить, и он решил употребить его на собор, единственное место, которое помнилось ему из того Ленинграда, в который он приезжал еще мальчишкой.

Тогда собор показался ему не просто большим, а громадным, как небо. Почему именно как небо, он не знал, но оттуда, с сумрачных небес, прямо на него спускалась огромная палка, увенчанная начищенным медным диском, и отец объяснял, что это маятник Фуко и он показывает вращение Земли.

Маленький Саша не понял, как маятник показывает это самое вращение, но ему представлялось, что Земля вращается как раз вокруг этого маятника с начищенным медным диском.

Нынче в соборе не было маятника, но огромность собора взрослому Константинову показалась еще более ошеломляющей. Он не слушал экскурсовода – в собор пускали только «с экскурсией», – он стоял, задрав голову вверх, к каменным прохладным небесам, и думал о своем.

Дело, приведшее его в Петербург, было сложным и опасным, и ему хотелось, чтобы равнодушные небеса хоть в чем-нибудь ему помогли, и он просил их об этом.

Он просил, не слышал никакого ответа, но заставлял себя думать, что там, наверху, его точно кто-то слышит. Некто добрый и справедливый, кто непременно ему поможет.

Молитва должна оставаться без ответа, сказала ему как-то Лера Любанова. Потому что если тебе станут отвечать, то это уже будет не молитва, а переговоры.

Ах, как бы ему хотелось, чтобы это была не молитва, а переговоры!..

Он отдаст деньги, примет решение и больше не станет об этом думать. Он освободится сам, освободит женщину, которая ему дороже всех на свете, и все кончится.

Как в волшебной сказке.

Принцесса спит в хрустальном гробу. Потому что злая волшебница заколдовала ее, и королевич Елисей через леса и моря скачет на своем гнедом жеребце, и ему помогают ветер, и месяц, и туча...

Константинов зажмурился и потряс головой.

Петербург странно действовал на него, как будто наркотик. Вот уже и видения начались. Королевич Елисей, надо же!..

Он сбежал по широким ступеням, еще раз, напоследок, глянул на собор, пересчитал колонны. Он много раз слышал, что они стоят без всякого фундамента, только под действием собственной тяжести, и держат своды, купол и крышу, и все никак не мог понять, как это – под действием собственной тяжести, пока рядом какой-то мужик не сказал своему сыну, который тоже не понимал и тоже спрашивал «как»:

– Ну, как, как, сынок! Вот как стакан на столе стоит, так и колонны стоят!

И все же это невозможно было себе представить, хоть Константинову давно уже было не десять лет.

А как же ураганы, шторма и знаменитые питерские наводнения, когда вода в Неве поднимается до самого Медного всадника? А колонны, такие огромные, просто стоят, как стоит на столе стакан, – и все?!

Он посмотрел на часы, понял, что должен идти, и пошел по Малой Морской, решив обогнуть оцепление возле отеля и красные, дрожащие на ветру ленточки.

Он вернется в Москву раньше Леры и Полянского, и никто ни о чем не узнает.

Никто ни о чем не должен узнать.

Улица была не слишком широкой, но очень прямой, и слева, в просветах между домами серого камня, он все время видел близкий шпиль Адмиралтейства с золотым корабликом, и с той стороны прилетал ветер, свежий и холодный, от которого горели щеки и мерзли руки. Там, за домами и Адмиралтейством, была Нева, широкая, свободная, своенравная, совсем непохожая на Москву-реку, а еще дальше Финский залив и Балтика, и студёные серые волны с белыми барашками, и зеленые башенки «сторожевиков», и трубы пароходов, которые ждут ночи, когда в городе разведут мосты.

Константинову очень хотелось посмотреть Неву и мосты, и, ловя себя на этой мысли, он пугался своего «равнодушия».

Он должен думать совсем о другом. Он должен думать о «деле», а вовсе не о том, как это выглядит, когда среди ночи мосты поднимаются и расходятся в разные стороны, освобождая дорогу кораблям.

Малая Морская очень быстро вывела его на Невский проспект, и, покрутив головой, он быстро сообразил, куда должен идти, и повернул направо, в сторону Московского вокзала.

Встреча у него была назначена на Невском, и он считал дома, опасаясь, что пройдет мимо кофейни, в которой должен был встречаться. На Невском было полно кофеен.

Еще здесь было полно людей, как будто какой-то праздник случился, пестро одетой молодежи, и старушек-туристок в кроссовках и куртках с капюшонами, детей поменьше в колясках, с мамами и папами, детей побольше, стайками или целыми классами, которых привезли на экскурсию. Двери магазинов были распахнуты настежь, откуда-то тянуло запахом кофе, и изда-лека слышались призывы отправиться на теплоходную экскурсию по каналам и рекам Санкт-Петербурга.

Константинову хотелось по каналам и рекам и не хотелось «встречаться».

Он никогда не делал ничего такого, что собирался сделать сейчас, и ему было неудобно, маетно, как будто он по ошибке надел утром слишком тесные башмаки, и теперь они давят, жмут и уже до крови растерли пятки, но поделать ничего нельзя – не станешь же разуваться среди улицы! И приходится терпеть, скрипеть зубами, и каждый шаг дается с трудом, а надежды

на освобождение никакой! И даже вечером, когда удастся освободиться, все равно не отпустит, и болеть будет долго, и не заживать, и кровоточить.

Константинов все считал дома. Нужно ему место оказалось на той стороне Невского проспекта, и пришлось еще искать пешеходный переход, чтобы перейти. Невский был устроен как-то так, что перейти его просто посередине оказалось невозможным, и в этом, почудилось Константинову, тоже таилась какая-то особая питерская организованность, отличная от московской.

Он вошел в кофейню, поискал свободный столик, не нашел и устался на девушку в переднике, которая издалека бежала к нему. В руках у нее был поднос, заставленный кофейными чашками и пустыми стаканами. В двух тесных залах ровно гудели голоса и сильно пахло табаком и кофе – такой привычный, такой успокаивающий запах!..

– Вы курите? – спросила подбежавшая девушка и улыбнулась ему быстрой улыбкой.

– Да, – признался Константинов.

– Тогда в тот зал проходите, пожалуйста. Там есть свободные места.

Скинув с плеча рюкзак, Константинов протиснулся между тесно стоявшими столиками к каменной арке, разделявшей два зала, огляделся и сел за единственный свободный столик, где была пепельница, красный цветок в узкогорлой вазе и разноцветная карточка с описанием «десертов» в металлической подставке.

Константинов изучил «десерты» с непередаваемо сложными названиями и достал сигареты. Курить ему не хотелось, но он сильно нервничал и должен был чем-то заняться.

– Вы уже готовы сделать заказ?

– Готов, – сказал Константинов. – Двойной эспresso, минеральную воду со льдом и лимоном и еще вот это.

Тут он ткнул в карточку. Официантка проследила за его пальцем и кивнула.

– Кофе, воду с лимоном и льдом и вишневую макамбу в шоколадной глазури. Все правильно?

– Макамбу так макамбу.

Макамба по неизвестной причине напомнила ему Тамилу Гудкову, редактора отдела «Business-леди».

Девушка отошла, и Константинов на всякий случай проверил свой рюкзак, который не давал ему покоя. Рюкзак был на месте.

Он не видел, откуда к его столику приблизился человек в бейсболке и кожаной курточке – человек как человек, самый обыкновенный. Алюминиевый стул отодвинулся с резким скрежетом, и Константинов поднял глаза.

– Ну, здравствуйте, – сказал подсевший к нему. – Вы Константинов?

– Как вы меня узнали?

Человек небрежно пожал плечами:

– В Интернете посмотрел. Там ваша редакция в полном составе представлена.

– Понятно.

Официантка принесла кофе и воду и вопросительно посмотрела на соседа Константинова.

– Я ничего не буду.

– Хорошо. Сейчас я принесу еще ваш десерт.

– Сладенькое уважаете, – протянул человек и откинулся на спинку стула. – Понятно. Ну, мне с вами расслаживаться некогда, и сладкое я не люблю. Значит, так. Вы мне деньги, а я вам... то, ради чего вы приехали. Где деньги?

Константинов кивнул на рюкзак.

– Здесь все?

– Да.

– Отлично, – сказал человек. – Давайте, и я пойду.

– А где информация? – спросил Константинов.

– Рома, то, что ты говоришь, – невозможно, – твердо сказала Лера Любанова.

Но когда она еще только договаривала это «невозможно», она твердо знала, что ее первый заместитель ничего не выдумывает, не сочиняет историй и не бредит.

Он говорит то, что есть на самом деле.

Но этого не может быть!

– Набери мне Торца.

Лев Валерьянович Торц, коммерческий директор газеты «Власть и Деньги», отозвался сразу же:

– Да, Валерия Алексеевна. Тебе Роман все передал?

– Передал, но я ничего не поняла. Объясни мне.

На том конце трубки завздыхали и завозились.

– А что мне тебе объяснить? Я действовал в полном соответствии с твоими указаниями. Как только ты мне позвонила, это было... секундочку, сейчас я взгляну... это было ровно в двенадцать тридцать, я немедленно подписал договор, потому что представитель «России Правой» сидел напротив меня с этим самым договором в руках. Договор абсолютно стандартный, на каждой странице виза Садовникова, все как следует. Я его подписал, один экземпляр оставил себе, а второй отдал на руки представителю, и мы разошлись. Его фамилия... секундочку, сейчас взгляну... его фамилия Наседкин Анатолий Петрович. Вот, собственно, и все.

Лера опустила в ближайшее кресло. Роман Полянский стоял над ней, и у него был растерянный вид.

Лера переложила телефон в другую руку и заправила за ухо волосы.

– Лев Валерьянович, это я все понимаю, но только я тебе не звонила! Ни в двенадцать тридцать, ни в тринадцать. И даже в четырнадцать не звонила!

– Валерия Алексеевна!

– Лев Валерьянович!.. Этого не может быть, потому что *я тебе не звонила!* Ты это понимаешь или нет?!

Коммерческий директор заволновался.

– Но... нет, в этом необходимо как следует разобраться! Это же очень просто проверить... у меня же есть определитель. Погоди, я посмотрю еще разок, хотя я твой голос ни с каким другим не мог перепутать!..

В трубке у Леры заиграла бодрая музыка, а Лев Валерьянович исчез.

Лера подняла глаза на Полянского.

– Роман, я не понимаю! Какой договор подписал Торц?! Что это за... сумасшествие?!

Полянский присел рядом.

– Мне позвонили из «России Правой» и сказали, что в связи с трагической гибелью их лидера все наши договоренности аннулируются, и газета должна вернуть деньги, полученные от них сегодня днем.

– Какие деньги?!

Музыка в трубке смолкла, и опять возник коммерческий директор:

– Валерия Алексеевна, я все проверил, у меня русским языком написано – Любанова! Вызов в двенадцать тридцать!.. Я сейчас нарочно мобильный телефон выключу, чтобы случайным образом, так сказать, не утратить свидетельство того, что ты мне звонила, и не поставить себя в двусмысленное положение!

– Лев Валерьянович, да какое может быть положение, если я тебе не звонила?! Полянский мне только что сказал, что «Россия Правая» требует вернуть ей деньги, которые мы якобы получили. Лев Валерьянович, ты получал какие-то деньги?!

– Нет уж, голубушка, вот тут уж я точно могу сказать, что никаких денег я не получал и никаких финансовых документов не принимал и никому не отдавал.

Лера Любанова вдруг совершенно обессилела, как будто выстояла три раунда на ринге против Майка Тайсона.

– Значит, так. Найди мне Константинова, пусть он срочно перезвонит. Проверь все сегодняшние банковские переводы, кто, откуда и за что переводил деньги газете. Желательно, чтобы к моему приезду были готовы банковские выписки со счетов за... ну, скажем, за последний квартал.

– Голубушка, но их же делать надо неделю! Сколько через нас денег проходит!

– Значит, сделаете за оставшиеся полдня, Лев Валерьянович!

– Да я-то всей душой, но ведь банк!..

– Договорись с банком, Лев Валерьянович!

– Да я-то всей душой...

– Договор, который вы подписали, и все данные на того представителя «России Правой», который к вам приходил, факсом мне в гостиницу, прямо сейчас! Роман, узнай у портье номер факса. И еще отправьте мне на электронную почту, я посмотрю из здешнего бизнес-центра.

– У меня нет в электронном виде, – сказал Торц несколько оскорбленным тоном. – Откуда же?! Мне... на бумаге принесли! Как же я мог подписать... в компьютере!

Ссориться с коммерческим директором в такой трудный момент не входило в Лерины планы, и она сказала помягче:

– Лев Валерьянович, ты же видишь, что происходит какая-то ерунда! Ты говоришь, что я тебе звонила, а я не звонила! Роману позвонили и сказали про деньги, которые перевели на наш счет, а ты говоришь, что нам никто не переводил никаких денег! Одна надежда на то, что мы с тобой найдем все концы и свяжем их воедино.

– Голубушка, я всей душой, но ведь я-то ни при чем, ни при чем!..

– А кто при чем? – тихо спросила Лера.

Вернулся Полянский, и, продиктовав коммерческому директору номер факса, Лера нажала кнопку «Отбой».

Они помолчали.

– Может, кофе? – спросил Полянский неуверенно.

– Я больше не могу, – призналась Лера. – У меня и так сердце выпрыгивает.

– Тогда текилы?

– Вот только текилы мне сейчас и не хватает!

– Вряд ли здесь подают валерьянку, – сказал Полянский задумчиво. – Но можно попробовать спросить. Уверен, что для нас найдут.

Лера поднялась и прошествовала за колонну. Столик, за которым давеча сидел Ахмет Баширов, был свободен. Лера подумала и села на диванчик – кажется, Баширов сидел именно так.

Для полноценного мозгового штурма ей нужен был Константинов, именно Константинов, а не тезка великого режиссера, утонченный, встревоженный и растерянный.

– Значит, так, – сказала она и сильно потеряла лицо. – Садовников убит. Его убили практически у нас на глазах. Мало того, его убили на глазах у охранника, его собственного, и на глазах у охраны Баширова, что значительно серьезней. Мила сидела в скверике на лавочке и видела какого-то человека, который после выстрела пробежал мимо нее и исчез. Она так сказала. По телевизору тоже все время говорят про какого-то человека, который бежал в сторону Вознесенского проспекта. Первое и очень странное. На углу был черный джип. Он сразу поехал и остановился прямо перед этим окном. Чей это джип?

– Откуда мы можем знать, чей он? – неуверенно спросил Полянский, как будто принимал участие в викторине и опасался, что даст неправильный ответ.

Команда прощается с вами. Вы самое слабое звено!..

– Очевидно, Баширова, потому что из него выскочил человек точно в таком же пиджаке и точно с таким же проводом за ухом, как у охранников Баширова.

– Как это ты разглядела?.. – пробормотал Полянский, который ничего такого не заметил.

– Охранники Баширова – профессионалы. Почему они не догнали убийцу, не завалили его и не сдали властям?! Ну, его же все видели! В «Новостях» сто раз повторили, что он бежал в сторону Вознесенского проспекта, и Милка его тоже видела!

– Видела? – помедлив, переспросил Полянский, и Лера вдруг вспомнила, как знаменитая писательница говорила, что мимо нее пробежал именно Полянский, который все время сидел с Лерой за одним столом.

Нет, не мог он нигде бегать. Он сидел рядом с Лерой. Даже думать об этом глупо.

– Второе и очень странное. Почему Садовников так вел себя с нами, словно точно знал, что никакой совместной работы у нас не будет? Он что, был уверен, что его прикончат?

– Почему?

– Ах, господин Полянский, вам бы кино снимать, ей-богу! Да потому что он так старался вывести меня из себя! Зачем ему было меня злить? Для дальнейшего плодотворного сотрудничества это не годится, а тогда зачем? Или он не собирался со мной сотрудничать? А если не собирался, зачем он со мной встречался?!

– Ты все усложняешь, Лера.

Она прищурила голубые глазищи и посмотрела на Полянского так, что ему захотелось прикрыться накрахмаленной салфеточкой.

– А деньги, которые с нас теперь требуют, – это что такое? Это я придумала? Или ты придумал? Или Лев Валерьянович придумал? Что это за деньги и где мы их возьмем?! Мы что, их получили уже? И что это вообще за дикая схема – по моему якобы звонку Лев подписывает невесть с кем договор, и этот «невесть кто» тут же переводит нам деньги. Хорошо бы, кстати узнать, сколько там денег! И перевел ли их он?

Она помолчала.

– А помнишь, я перед отъездом в Питер говорила, что Сосницкий заварил какую-то кашу и как бы не пришлось нам продавать квартиры и машины?

– Ты еще сказала – детей, – напомнил Полянский.

– Как видно, придется продавать, – сообщила Лера мрачно. – А это означает, что затея принадлежит Сосницкому, и я была права.

– Сосницкому принадлежит идея убить лидера партии «Россия Правая»? – тихо-тихо, одними губами, спросил Полянский. – Только для того, чтобы угробить нашу газету?

Возле полированной конторки топтался посыльный с большим букетом, и Лера рассеянно вспоминала, что где-то уже видела человека в бейсболке, он принимал какое-то участие в последних событиях, но никак не могла вспомнить где. Консьержка что-то вежливо ему объясняла, охранник из-за высоких дверей переместился поближе и теперь фланировал мимо посыльного с незаинтересованным лицом, только изредка посматривал исподлобья.

И вообще казалось удивительным, что жизнь отеля никак не изменилась, несмотря на то, что рядом с ним произошло такое... страшное событие. Служащие оставались такими же любезными и приветливыми, кофе пахло так же вкусно, люстры так же призывно и весело сверкали, и уют был все таким же декадентским.

Маленький островок в океане.

У нас все хорошо, что бы ни происходило вокруг. Мы всегда готовы принять вас, напоить кофе и накормить плюшками и устроить все так, чтобы вам успешно работалось и хорошо отдыхалось.

Да, мы не можем изменить и упорядочить весь хаос и неуют окружающего мира, но здесь, за нашими стенами, вас ждут приветливые улыбчивые люди, тихая музыка, вкусная еда

и удобные постели. Мы не можем изменить мир, но здесь, за нашими крепостными стенами, вы можете... передохнуть. Мы не возражаем. Мы сделаем все, чтобы вам было спокойно и уютно.

«Все мне радостно и ново, запах кофе, люстры свет, мех ковра, уют алькова и сырой мороз газет!...»

Улыбнувшись своим мыслям и неведь откуда взявшемуся Бунину, Лера проводила глазами посыльного в бейсболке и вернулась к тому тревожному и скверному, что было у нее на душе и от чего ее не могли защитить даже крепостные стены отеля.

– Рома, найди мне Константинова. Почему он не перезванивает? Разыщи, пожалуйста, и...

Телефон у нее зазвонил, и она, в полной уверенности, что объявился именно Саша, не глядя, нажала кнопку:

– Алло.

– Валерия Алексеевна?

Она быстро отняла телефон от уха и посмотрела. «Разговор № 1» – было написано в окошечке.

– Да.

– Это Андрей Боголюбов. Вы... знаете меня?

– Бо-го-лю-бов, – одними губами произнесла Лера. Полянский стремительно придвинулся и сунул ухо в телефон. От его уха тонко пахло какими-то сладкими духами, так что у Леры моментально защипало в носу.

– Мне хотелось бы с вами поговорить. У вас есть пять минут времени?

– А вы... где?

– Здесь. Я вас вижу. Вы сидите с помощником на диване, у вас глупый вид, потому что вы оба слушаете один телефон!

Вот черт! Заставив себя не смотреть по сторонам и не искать его взглядом, она спросила небрежно:

– Здесь – это где?

– В ресторане напротив, через холл. Может быть, мы поговорим?

– Хорошо, – сказала Лера и поднялась. – Мы идем.

– Отлично.

И голос в трубке пропал.

– Пошли, – сказала она Полянскому и сунула телефон в карман. – События развиваются стремительно.

В тот момент, когда они вошли в ресторанные двери, из лифта под часами вывалилась Мелисса Синеокова, беспрестанно сморкавшаяся в огромный клетчатый платок.

Этот платок – Васькин, конечно, – неведь как попал в ее сумку с вензелями и теперь, в ее одинокой простуженной жизни, служил единственным утешением.

Кивнув швейцару, Мелисса вышла на улицу, прищурилась на солнце и зябко поежилась. Температура все поднималась, и она мучительно мерзла, тряслась просто.

– Такси? – спросил швейцар, и Мелисса помотала головой, ей не нужно было такси. Оцепление уже сняли, полосатые ленты размотали, только на той стороне, где замертво упал бедный лидер правой фракции, еще проводились какие-то «следственные действия» – стоянка была расчищена от машин, стояли железные турникеты и ковырялись и курили люди.

Мелисса смотрела, наверное, одну секунду, и тут к подъезду подъехала машина, довольно грязная и не слишком новая, и шофер, потянувшись через сиденье, открыл ей переднюю дверь:

– Садитесь.

Согнувшись почти пополам и вздыхая, она полезла в машину, уселась, кое-как пристроила ноги, чихнула и утерла нос.

– Куда мы едем?

– Недалеко, – непонятно ответил шофер, нажал на газ, и машина пересекла площадь и покатила в сторону адмиралтейского садика. Слева был Исаакий, и Мелисса все выворачивала шею, чтобы посмотреть на него поближе, но строительный забор испортил весь вид. Машина не спеша продвигалась по узкому проходу между длинным желтым домом и серым строительным забором.

Восхитительное сочетание, особенно для воспаленных глаз.

– Да что это она выдумала? – невнятно из-за платка спросила Мелисса у водителя. – Она же знает, что я болею!

Ни впереди, ни сзади не было ни одной машины.

Как ни в чем не бывало водитель пошарил под сиденьем, вытащил из-под него какую-то штуку, взялся за нее поудобнее – Мелисса смотрела с интересом – и деловито пустил струю прямо в лицо знаменитой писательнице.

Она замахала руками, вытаращила глаза, стала хватать ртом воздух и уже через секунду ничего не видела и не слышала.

Когда она обмякла на сиденье и закатила глаза, водитель перестал закрываться рукавом, опустил стекло со своей стороны, перехватил руль и нажал на газ.

Баллончик полетел в окно. Машина повернула налево.

В пустом четыреста шестнадцатом номере, под красным пледом надрылся мобильный телефон, который Мелисса, конечно же, позабыла.

«Вызывает Василий» – было написано на экранчике.

Эта надпись почему-то всегда казалась Мелиссе очень смешной.

Полянский, под каким-то предлогом вышедший из ресторана, издали, из-за стеклянной стены, покачал головой отрицательно. Значит, Константинова не нашел.

Да что за дела такие?!

– Вы будете обедать?

Лера с удовольствием пообедала бы, но температурная писательница, страдающая в номере, невидимо зывала к ее совести. Надо бы отправить кого-нибудь к ней в номер за билетом – его нужно поменять на сегодняшнее число. Лера была неумолима – она заберет ее в Москву и сдаст с рук на руки Василию. Еще не хватает, чтобы Синеокова заполучила воспаление легких и вогнала нацию в тоску и печаль!

Нация очень любила Мелиссины детективы.

– Я-то в любом случае пообедаю, – сообщил Боголюбов. – С голоду подыхаю. Жена решила меня салатами взять. Любовью она меня не добила, так теперь на салаты перешла, и вот от них-то я и сдохну скоро!..

Полянский подошел, официант выдвинул ему стул, он уселся и сразу же заложил ногу на ногу, как бы демонстрируя, что с ним никакого панибратства быть не может.

– Пообедаем? – спросила у него Лера. – А то что же господин Боголюбов будет один стараться!

Полянский пожал плечами.

Иногда Лера его ненавидела. Ну что это такое?! Ей необходима действенная поддержка, а он сидит себе, пожимает плечами, толком ничего не говорит, зато ногу на ногу шикарно закладывает.

Именно из-за Полянского и своего раздражения она приняла решение:

– Пожалуй, я буду обедать. Вы здесь бывали раньше, господин Боголюбов? Что тут есть вкусного?

– Называйте меня Андреем.

– А вы меня Лерой.

– О'кей. Вкусно здесь все. Русская кухня, как вы можете заметить. Блины с икрой, семга, щи буфетские и нарзан. Водку вы пить, конечно, не будете?

Вопрос был задан так, что ответить на него можно было только «конечно, буду», чтобы не показаться ханжой и лицемером, то есть лицемеркой, и Лера ответила:

– Конечно, нет.

– Понятно. А вы, господин Полянский?

– Боюсь, что нет.

– Ну, я так и знал. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Трезвый пьяному не товарищ.

– Гусь свинье, – поправила Лера. – Русская народная мудрость.

– Вот именно, мудрость. – Боголюбов быстро заказал себе обед – и блинов, и икры, и борща с пампушкой, и утку с брусникой, и «лафитничек».

Лера подумала и заказала все наоборот.

Салат с рукколой, протертый суп, суфле и рюмку порто.

Боголюбов посмотрел уважительно.

– А вы... где учились?

– В университете.

– Нет, вот этому, – и он кивнул в спину официантке, уносившей Лерин заказ, – как производить впечатление на мужчин в ресторане.

Полянский усмехнулся. Он заказал салат «Столичный» и котлету по-киевски, а посему непонятно было, как именно он усмехается – с гордостью за Леру или с презрением к ней.

– Этому, уважаемый Андрей, научиться никак нельзя. Это само приходит. В процессе, так сказать, жизни. Или не приходит.

Боголюбов вытащил хлеб из корзинки и стал жевать, отрывая куски ровными белыми зубами. На пальцах у него осталась белая и тонкая, как пыль, мука, и он старательно вытер пальцы о льняную скатерть.

– Напрасно вы так уж стараетесь, – сказал он, прожевав. – Нам с вами детей не крестить, жениться я на вас не могу, уже женат, а так... Чего же попусту бисер перед свиньями метать?..

Лере принесли ее порто, и она сделала осторожный глоток.

– Хорошо, – сказала она. Порто был отличный. – Только вы тоже особенно не утруждайтесь. Если хотите что-то сказать, говорите, а нет, так я съем свой суп и пойду. У меня подругу угораздило здесь заболеть.

– Подругу?

– Мелисса Синеокова – моя подруга, и она заболела.

– Это которая... то ли на телевидении, то ли на радио, да? Такая высокая?

– Она пишет детективы.

Боголюбов еще отломил кусок хлеба.

– Я всякий мусор не читаю. Времени жаль. Но вполне готов уважать вашу подругу и ее тяжелую болезнь. Продолжительную?

– Да нет, пока не слишком.

– Ну и слава богу. Валерия Алексеевна, – он замолчал, подождал, пока официант расставит перед ними салаты и закуски. Официант расставлял долго, очень старался, чтобы было красиво и «достойно».

Руккола изумрудной горкой, салат «Столичный» торжественно-советской майонезной кучкой, русские блины на широкомордой купеческой тарелке и разная икра в вазочках.

Боголюбов, проигнорировав многочисленные ножи и вилки, взял блин рукой, свернул и откусил половину его, как отрезал.

Лера с отвращением смотрела, как двигаются мощные челюсти, словно у бульдога.

– Я хотел вам вот что сказать, – начал он, прожевав, – Садовников, покойник, никакие контракты с вами подписывать не собирался и никакое стратегическое партнерство на будущих выборах не планировал. Это я вам точно говорю.

– Откуда вы знаете?

– От верблюда, – сказал Боголюбов, кончиком ножа подцепил из вазочки икру и заел ею блин.

Лера подумала, что сию минуту швырнет ему в голову хрустальную мисочку со льдом. Она даже представила себе, как лед пополам с икрой потекут по его физиономии. Ах, как бы это было замечательно – швырнуть.

Полянский пожал плечами:

– Лера, кажется, мы теряем время, а у нас еще очень много дел. Мы просим извинить нас, господин Боголюбов, но нам некогда разгадывать ваши шарады. У нас самолет скоро.

Такая неожиданная поддержка со стороны утонченного тетки великого режиссера сразу успокоила Леру, и видение Боголюбова с вазочкой для льда на голове перестало маячить у нее перед глазами.

Боголюбов помолчал.

– Да ладно, – сказал он наконец, – прошу меня извинить, или как говорят в таких случаях в вашем кругу?..

– В каком таком кругу? – уточнила Лера.

Боголюбов ничего не ответил, и стало ясно, что некое испытание, которое он зачем-то им устроил, закончено и можно наконец переходить к делу.

– Так с чего вы решили, что Садовников не собирался подписывать договор с нами?

– Потому что он уже подписал его со мной.

Лерина вилка стукнула о фарфор.

Полянский перестал жевать салат «Столичный».

Голуби замерли за стеклом.

Официанты окаменели в причудливых позах.

Мир остановился.

– Что? – переспросила Лера и посмотрела на свою стукнувшую вилку. – Что?

Мир ожил, и задвигался, и задышал, но это был уже не тот мир, в котором Лера заказывала себе салат из рукколы и рюмку порто, а какой-то другой. Совершенно незнакомый.

– То, что слышали, – миролюбиво сказал Боголюбов. – Несколько дней назад в обстановке строгой и чрезвычайной секретности господин Садовников подписал со мной договор. Хотите посмотреть?

– Хочу, – хрипло сказала Лера.

– Тогда добро пожаловать в мой офис. С собой у меня бумаг, естественно, нет, но, если на самом деле хотите, я вам его покажу. Так уж и быть.

Лера посмотрела на Полянского. Полянский посмотрел на нее.

Саша Константинов, первый друг и советчик, где ты?..

Боголюбов свернул второй блин, зачерпнул им икру и отправил в рот.

– Зачем вы мне это рассказали?

– Затем, что у вас неприятности, – безмятежно сообщил Боголюбов. – Причем крупные, насколько я могу судить. Я вполне допускаю, что Садовникова вы не заказывали, но ситуацию вы точно не контролируете. Я просто хотел вас предупредить.

– Зачем Садовников сегодня встретался со мной, если у него на руках был подписанный договор с вами?

– Откуда же мне знать, голубчик? – воскликнул Боголюбов тоном деревенского фельдшера. – Откуда мне знать?!

– А откуда вы узнали, что он со мной сегодня здесь встречается?

Боголюбов посмотрел на нее. Он смотрел все время только на нее, вовсе игнорируя Полянского.

– От Садовникова.

– А зачем Баширову нужно было присутствовать при нашей встрече?

– Вы себе льстите, по-моему, – невозмутимо жуя, сказал Боголюбов. – Какое может быть Баширову дело до вас и вашей встречи с кем-то там?! Вот про себя я могу точно сказать, что я при-ехал специально, чтобы посмотреть, как Герман станет морочить вам голову.

– Для чего вы хотели на это смотреть?

– Унижение врага, – сказал Боголюбов наставительно, – почти смерть врага. Наслаждение для усталых глаз.

Лера Любанова стиснула кулачок и посмотрела в окно. Вечернее солнце отражалось от стекол домов на той стороне проспекта, и чувствовалось, что там, за окнами, очень хорошо, приветливо, ясно.

Там Балтика, весна, невский ветер.

А здесь, внутри, – противно и гадко.

– Кто убил Садовникова?

– Здравствуйте! Приехали! – удивился Боголюбов. – Вы же умная девушка! Что вы идиотские вопросы задаете?

– У меня не осталось других.

– Ну хорошо, – сказал Боголюбов, положил локти на стол и подался к ней, – могу сказать вам совершенно точно: я его не убивал.

– Но вы... знали о том, что готовится его убийство.

– Да нет же! Ничего я не знал! Такими вещами не делятся, знаете ли!

– Кто мог его заказать? Ваш принципал?

– Мой кто?..

– Ахмет Салманович Баширов.

Боголюбов помолчал:

– А почему тогда не ваш? Вадим Петрович Сосницкий? Он тоже вполне мог заказать Садовникова, если вы думаете, что заказал Баширов!

– Я не понимаю, что здесь делал Баширов! – визгливым тоном произнесла Лера. – Ну, вы-то развлекались, а он что тут делал?!

– Э-э, – протянул Боголюбов, – это уж вы сами у него спросите, а я не знаю!.. Так что, если хотите договор, приезжайте завтра в мой московский офис. Только не присылайте никого, в руки не дам, будете читать при мне. Это не от недоверия к вам, а из простой предосторожности! Садовников убит, причем практически в моем присутствии, правоохранительные органы заинтересуются, и что же я им предъявлю, если вы договор мой своруете?

– Послушайте, – сказала Лера, – что вы себе позволяете? Я вам не жена и не мамаша, так что держите себя в руках.

– Не мамаша, – согласился Боголюбов. – Это точно: не мамаша!..

Он огляделся и вытер сальные пальцы о льняную скатерть.

– Так что поливайте фикусы и высылайте деньги. Не пугайтесь, это такая присказка у нас была в полку.

– Если бы вы так старательно не изображали пролетария умеренного труда, мне было бы легче с вами беседовать, – сухо сказала Лера. – А за информацию спасибо.

– Да пожалуйста. Обращайтесь.

– Завтра я к вам подъеду и посмотрю договор. А каким числом он подписан?..

– Точно не скажу, но уже недели две прошло.

– Ах две недели!.. – пробормотала Лера.

Две недели назад она летала в Лондон и все подробно обсуждала с Сосницким – как именно газета «Власть и Деньги» станет поддерживать на будущих выборах «Россию Правую». Выходит, он вызывал ее в Лондон, обсуждал с ней будущее и знал, что никакого будущего уже нет?!

Что за игру он ведет? Зачем он ее ведет? С кем ведет? Не с ней же, Лерой, на самом-то деле! Она слишком мелкая сошка, чтобы с ней играли такие великие люди, как Сосницкий и Баширов!

Или она оказалась... между ними, как между молотом и наковальней? Но почему, почему?.. Между ними никогда не было борьбы. По крайней мере, явной. Они давно поделили сферы влияния, и деловые интересы их никак не пересекались – те, которые были легальными.

Может быть, нелегальные пересеклись? И что тогда делать ей, Лере Любановой?

В молчании она доела свой суп, допила порто и сказала, что должна идти. У нее подруга больна, самолет скоро и все такое.

Так что до завтра. До встречи в московском офисе.

Боголюбов выслушал ее с начальственным интересом – солдафон проклятый, у них в полку принято было пошучивать, ишь ты!.. – и поднялся.

– До встречи, – сказал он. – А врите вы не слишком талантливо. Лучше бы про бабушку врали, чем про больную подругу, это... традиционной как-то. Болеет, лежит, мне к ней надо!..

– Ну и что? – не поняла Лера.

– А ничего, – сказал Боголюбов. – Просто ваша подруга еще час назад уехала из гостиницы. Я в окно видел, как она садилась в машину.

Бэзил Gotten Пивных и Алекс Killer Кузьев приволоклись на московский поезд задолго до его отхода.

Вокзал был тесный и довольно замусоренный, сильно отличавшийся от московских вокзалов, которые в последнее время принялись почему-то драить до блеска, чуть не с порошком.

Народу было очень много, все куда-то спешили, неслись, волокли сумки и детей, нищие за круглой афишной тумбой стояли цыганским табором, милиционер свистел в свисток, машины разворачивались на круглой площади. И венчала вакханалию надпись красными буквами: «Добро пожаловать в город-герой Ленинград!»

– А почему Ленинград-то? – спросил Алекс у Бэзила, тараща красные воспаленные глаза. – Где Ленинград, а где мы?..

– Ленинград и Петербург – это одно и то же, а если не знаешь, посмотри в Инете, там все написано! Тундра неасфальтированная!

– Посмотрю, – сказал обидевшийся на «тундру» Алекс. Рюкзак болтался у него за спиной и мешал. Он скинул рюкзак на заплыванный асфальт и вытер со лба пот.

Зря они вчера весь вечер пили пиво – вот оно теперь и выходит! Всю ночь по очереди они бегали в сортир, а теперь истекают потом, как будто в сауне сидят, хотя на улице не слишком жарко. Но что же делать, если по правилам положено, чтобы «крутые программеры» принимали водку и «догонялись» пивом! Нельзя же правила нарушать! Кроме того, если они не будут пить пиво литрами, девчонки могут подумать, что они «ботаны» – ботаники, значит, недоделанные, – котята и щенята.

А они не щенята и котята, а «крутые программеры»!

Впрочем, после всего того, что они наворотили в Петербурге, от них назавтра, может, вообще мокрого места не останется и будет всем наплевать, щенята они, котята или «программеры»! Может, их убьют сейчас. Или завтра. Или послезавтра.

Зачем, зачем только они взялись за все это дело?!

Главное, бабок так и не получили! То есть вообще несколько бабок им не дали, ни копейки! И ни один, ни второй не знали, что теперь делать.

Им обоим мучительно хотелось пойти в милицию – там же эти самые менты, Ларин с Дукалосом, которых по телевизору показывают, – и во всем признаться. Они, может, и дадут по шее, но потом пожалеют, а главное, все быстро разрулят, всех спасут, а самих «крутых программистов» вытащат из передраги!

Конечно, они не могли сказать друг другу, что надо бы пойти и сдать, все хорохорились, все петухами глядели и отчасти Наполеонами, но оба понимали, что дело плохо.

В том, что они попали в передрагу, не было никаких сомнений. Они еще бодрились, еще хвастались друг перед другом, какие они молодцы и как ловко все это у них получилось, но было очевидно, что ничего не получилось!.. Получилось... преступление. Да еще какое!

Самое страшное то, что они и думали об этом именно так, именно этим словом – преступление, – и ничего нельзя было с этим поделать.

– Мне надо отлить, – признался Алекс Killer Бэзилу. – Как думаешь, где здесь сортир?

Бэзил Gotten посмотрел по сторонам в поисках заветной стрелки, но ничего похожего не нашел. Была стрелка с чемоданами, стрелка с чашкой кофе и еще стрелка с мамашей и ребеночком. А больше никаких стрелок не было.

– Пойду на улицу, – решил Алекс Killer, – за будку. Я видел, там бомжи отливали.

Бэзилу не хотелось оставаться одному, но не мог же он сказать напарнику, «крутому программисту», что боится!..

– Валяй! – сказал он. – А рюкзак я посторожу.

Встали они неудобно, посреди торговых путей, в них постоянно тыкался народ, коляски с багажом больно ударяли в ноги, бабки ругались, дети вопили, в общем, не самое лучшее место!

Проводив глазами Алекса Кузьева, Бэзил Пивных огляделся, поднял рюкзаки и поволок их к стеночке, разрисованной краской из баллончиков и исписанной неприличными словами. В другое время он почитал бы, насладился, а нынче было не до наслаждений. Все нынче было не так и даже неприличные слова на стене не читались!..

Ну ладно бабки, шут с ними, с бабками!.. Нет, не с теми, которые ругались и волокли свои сумки, а с теми, которых им не дали, хоть и пообещали. Заказчик с ними так и не встретился, хотя время и место было оговорено заранее, еще в Москве. Общались они исключительно по телефону, но даже когда они догадались, что их «кинули», «кинули» самым примитивным способом, как младенцев, и они «пробили» телефонный номер по специальной и очень секретной базе данных, оказалось, что он зарегистрирован на какую-то Людмилу Ивановну Кашееву, 36-го года рождения, номер паспорта такой-то!

Подвела база!..

Бэзил вздохнул и поправил бейсболку, под которой было жарко и чесалось. Снимать ее он не стал. Снимешь, и куда ее девать?.. Козырек пластмассовый, в карман не сунешь, в рюкзаке она, зараза, сломается! Вот и приходится на башке таскать!

Бейсболка, как и пиво, как и специальные, очень крутые штаны, были своеобразным вызовом начальству, хоть бы и отсутствующему.

Заставляете нас на работу в пиджаках, как у «папиков», таскаться, галстуки, блин, носить, так мы хоть в свои законные выходные оторвемся!.. Отрывались они как могли – никто, никто не смог бы подумать про них, что они покладистые котята!

И даже та вчерашняя девчонка у стойки с таким соблазнительно проколотым пупком, самая красивая из всех, смотрела на них благосклонно и так же, довольно благосклонно, выслушивала полвечера поток сознания, который они по очереди извергали, поток, замешанный на «натуральном солоде» и крутом программистском сленге! И она-то уж точно не приняла их за покладистых котят, но в полночь за ней вдруг приехал какой-то дядька в джинсах и белой майке.

Дядька твердыми шагами пересек танцпол, подвалил к ней и что-то стал втолковывать ей на ухо, а она поначалу мину скорчила, а потом нехотя слезла с высокого барного табурета, стащила за хвост свою сумочку и поволоклась за ним.

Нет, измелчал, измелчал народ! И девчонки измелчали! Они с Алексом полвечера икру перед ней метали, а она – готово дело!.. Ушла с дядькой!.. Вроде секретарши Марьянки из редакции, блин горелый!

– Да ты че, урод? – возрился на него кто-то, точно такой же, как он сам, в необыкновенных штанах и бейсболке, когда он спросил про девчонку, кто, мол, такая, и вернется ли, и что это за хрен моржовый к ней подвалил. – Да это ж Натаха! А чувак – охранник! У нее папашка знаешь кто?

Бэзил решительно не знал, кто у Натахи папашка, а тот, другой, но точно такой же, как он сам, объяснял как-то путано, и из его объяснений было понятно только, что Натахин папашка крутой перец.

– Она в Лондоне лямку тянет, – пританцовывая на месте и прихлебывая из банки «натуральный солод», орал на ухо Бэзилу случайный знакомец. Орал он изо всех сил, а Бэзил все равно слышал через слово, так гремела музыка. – Учится, типа того! Сечешь? Ее папашка только так отпускает, потусоваться малек, а потом все, кранты. Этот кекс приходит и забирает ее. Подвалить-то к ней можно, а дальше – кирдык!

Бэзил Gotten кивал, тоже пританцовывал и опять кивал, и что-то так поганно ему сделалось, просто сил никаких не стало.

В клуб они потащились после того, как сделали всю предварительную работу и заказчик сказал им, чтобы завтра они были на месте, потому как именно завтра и начнется «игра». Уже тогда они были до полусмерти напуганы, потому что поняли, что влезли в какое-то совсем уж темное дело, но храбрились и несколько раз повторили друг другу, что отказываться ни за что не будут – у них-то игра как раз уже пошла!..

Завтрашний день обещал быть хлопотным во всех отношениях, и на сон грядущий они решили непременно тусануться. Питерские друзья – виртуальные, из сети, – подсказали, в какую сторону надо двигаться, чтобы получить максимум удовольствий, как раз в этот клуб. В клубе они подвыпили и расслабились, и мир вокруг немного подобрел, а потом они и девчонку ту заметили, у стойки – ах как хороша, как свежа, как нетронута! В нетронутости Бэзил и Алекс разбирались отлично! И еще отличалась она чем-то от остальных, не только тем, что была красива, но и еще какой-то... интеллигентностью, что ли!..

Бэзил даже на ходу ее приревновал к Алексу, еще ведь неизвестно, кого она предпочтет на эту ночь, да и городок незнакомый, этот самый Питер, куда ее вести-то?! В Москве у него «берлога», отдельная «хата», и там все устроено для того, чтобы приводить подружек, а здесь заказчик загнал их в какую-то жуткую квартиру, где то ли уже шел ремонт, то ли еще только должен был начаться.

Она вроде бы была благосклонна к обоим, а Бэзила слушала даже больше – должно быть, потому, что тот больше говорил. Алекс напускал на себя загадочность и то и дело выдавал всякие туманные фразы, намекал на то, что он значительней, глубже болтливого Бэзила, который просто лох и курит на работе бамбук. А тот все думал, куда же он ее поведет, он в городке под названием Питер вообще ничего и никого не знает – не на матрас же в квартиру, где то ли шел, то ли должен начаться ремонт! В общем, старались они изо всех сил, и тут такой облом!.. Увели Натаху!

Мимо Бэзила валил нескончаемый поток людей, занятых своими делами, мамыши волокли детей, потные дядьки тащили чемоданы, старухи тянули какие-то узлы, и милиционер в синей рубашке с темными разводами под мышками за что-то отчитывал маленького усатого носильщика. Носильщик, кажется, почти не слушал, а, навалившись перетянутым пузом на высокую ручку тележки, качался туда-сюда.

Когда же Леха уже объявится?! Ой, то есть Алекс, Алекс!..

В зале ожидания, заполненном до отказа, были какие-то палатки с едой, а Бэзилу хотелось есть, ему всегда хотелось есть после «возлияний». В желудке было как-то противно, пусто и в то же время тягостно, и ему казалось, что сосиска в тесте с острым кетчупом очень бы его подкрепила. Он даже палатку присмотрел, там торговала симпатичная девчонка в зеленой кепочке. Конечно, не такая симпатичная, как Натаха из бара, но все же лучше остальных. Он дождется Алекса, сбегит на него рюкзаки и подвалит к девчонке. Может, удастся приятно поговорить, и в голове, и в животе полегчает.

Пыльный телевизор с выпуклым доисторическим экраном беззвучно вещал что-то на стойке посреди зала ожидания, и Бэзил, окончательно соскучившийся ждать, обливаясь пивным потом, подволок рюкзаки поближе к ящику – все равно до поезда еще долго, надо же чем-то заняться!..

По телевизору показывали новости, и в углу было написано мелкими буквами: «Прямое включение из Санкт-Петербурга», и Бэзил подивился тому, что город, в который они пожаловали для того, чтобы обогатиться и закрепить за собой славу крутых хакеров, угодил в хронику!..

Показывали какую-то огромную церковь с куполом, а может, не церковь, а собор, улицу, забитую машинами, памятник с конем, круглый скверик, по периметру обтянутый полосатыми лентами.

Что-то там случилось, понял Бэзил, потому что у корреспондента с микрофоном был испуганно-восторженный вид.

– Ты куда делся-то?! – над ухом у него завопил Алекс Кузьев. – Я пришел, а тебя нету, я думал, ты того... тебя того...

– Чего? – взорвался Бэзил Пивных.

– Да ничего! – рявкнул Алекс. – Сам знаешь чего!

– Ничего я не знаю! А ты чего?! Очко заиграло, да?

– Да пошел ты!

– Сам пошел!..

Наверное, они навтыкали бы друг другу в зубы – «крутые программеры», которых решительно никто не мог принять за покладистых котят, – если бы не близость милиционера с кругами под мышками и не народ вокруг. Они понимали, что ни в коем случае не должны привлекать к себе внимание и лучше бы им убратся подобра-поздорову из города-героя Ленинграда, по случайности оказавшегося Санкт-Петербургом.

– Глянь! – Алекс схватил за руку Бэзила и повернул лицом к пыльному экрану. – Глянь, Васька, там... там...

Он показывал пальцем и разевал рот, как большая перепуганная рыба, и Бэзил повернулся и посмотрел.

Камера в телевизоре, где все еще была надпись «Прямое включение из Санкт-Петербурга», показывала толпу, собравшуюся возле каких-то машин, и ту самую церковь на заднем плане, и в толпе, очень близко, они оба вдруг увидели... начальницу.

Голубые глазищи прищурены, черные волосы развеваются, как у ведьмы.

Бэзил Gotten и Алекс Killer со страху подались оба в одну сторону, столкнулись затылками и уставились друг на друга. Бэзил Gotten даже бейсболку с головы содрал. Без нее «крутому программёру» полегчало, голову обдал свежий ветерок, чуть-чуть охладил перегревшийся системный блок.

– А чего это там случилось? – запоздало спросил Алекс у Бэзила. – Убили, что ль, кого?

– Откуда я знаю?

– А... она там откуда?

– Да я не знаю! Что ты вяжешься ко мне!

– Да я не вяжусь, а только после того, как мы ей... – Он оглянулся по сторонам, понизил голос и продолжал: – А только после того, что мы сделали, она нас не простит.

– Да она не узнает! – не слишком уверенно возразил Бэзил. – Откуда ей узнать-то?

– А если там... убийство?

– Ну и чего? Мы при чем?

– А мы при том, что, может, из-за нас...

– Да ты че?! – зашипел напарник и тоже заоглядывался по сторонам. – С дуба рухнул?! Как из-за нас-то?! Нас там не было и нет, и все шито-крыто! Мы чего делали? С компом игрались, а больше ничего! Нет у нас законов, чтобы за комп сажали!

Они не обратили внимания, что спиной к ним стоит стильно одетый мужик и внимательно их слушает. Их шептания и оглядывания кончились тем, что к ним все-таки подвалил тот самый мент с разводами на рубаше и попросил предъявить «документики».

Бэзил Gotten и Алекс Killer «документики» предъявили, и мент долго и придирчиво их изучал.

– А в Питере где останавливались?

Бэзил на ходу сочинил, что у питерских друзей, и даже улицу назвал, на этой улице был тот самый клуб, где они вчера так неудачно тусанулись. Полтавская, вот как улица называлась!

Мент спросил, когда у них поезд, и на этот вопрос они тоже ответили правильно, отдал им паспорта и пожелал счастливого пути.

– Папаш, – залихватским голосом спросил мента Алекс, – а чего это у вас стряслось-то? Вон по телику показывают!

Мент обернулся на телик, устало вздохнул и сказал, что депутата пристрелили, да не просто депутата, а начальника других депутатов из партии «Россия Правая».

– Хоть бы эти выборы кто догадался отменить! – закончил пояснения папаша-милиционер, – а то ведь сейчас начнется беспредел и дележка, я вам точно говорю!

– А... за что его?

– Да кто ж знает, за что! Усиление по городу провели, в этом году двенадцатое, – сказал словоохотливый дядька, – а предыдущие одиннадцать так никто и не отменил. Вот и выходит, что по сравнению с первым января нас усилили в двенадцать раз! Во дурдом-то, а?

– Дурдом, – согласился Бэзил.

– Там еще какие-то шишки из Москвы, – пожаловался мент, – газетные или еще какие-то, ребята сказали. Да еще этот, Баширов!.. Замордуют нас теперь фээсбэшники и эмвэдэшники! Все говорят Петербург – криминальная столица, криминальная столица!.. А какая столица, когда понаедут всякие, а мы отвечаем за их безопасность, да?!

– Тяжело, – посочувствовал Бэзил.

– Да уж, – согласился Алекс.

– Так что езжайте в свою Москву, ребятки, – добрым голосом сказал дядька, – не отсвечивайте! Не ровен час, в обезьянник загребут, с нашими усилениями!

И пошел, шаркая пыльными ботинками по грязному полу и зорко поглядывая по сторонам в поисках нарушений – видать, вспомнил про «усиление».

«Крутые программеры» смотрели ему вслед.

– Говорил я тебе, – прошептал Алекс.

– Да что ты мне говорил, – тоже шепотом огрызнулся Бэзил.

Дураком надо быть, чтобы не связать убийство депутата, начальницу и то, что они делали по заданию неведомого заказчика!..

Все ясно, все ясно, вон оно что!.. Замышлялось именно убийство, и в него оказалась замешана Любанова, а вместе с ней и они, Бэзил Gotten и Алекс Killer, попавшие, как кур в оцеп, в эпицентр криминальных событий!..

Нет, нужно срочно рвать когти в Москву, сидеть там, не высовываться и делать морду кирпичом – ничего не знаем, ничего не понимаем, о чем идет речь, не соображаем.

Теперь самое главное вернуться в столицу раньше начальницы, чтобы она ни о чем не узнала!..

– Вась, – жалобно сказал рядом Леха, который все смотрел вслед менту, – выходит, что мы...

– Выходит, – перебил Бэзил мрачно, – а все тебя проперло – давай, давай, настоящее дело, настоящего бабла отвалят кучу! Дернул меня черт с тобой связаться!

– Да-а, со мной, а сам-то!.. Может, того... может, Константинову рассказать, а?

Наверное, это было неплохое предложение, Константинов из всех, кто работал в редакции газеты «Власть и Деньги», был самый добрый и никогда над ними не насмехался и не считал их покладастыми котятками! Но как же Бэзилу было согласиться, если именно на Константинова положила глаз красотка Марьяна и именно из-за него отказывалась выпить с ним рюмку чая в кафешке «Сапоги да гвозди»!

– Нет уж, – твердо сказал Бэзил. – Сами наворотили, сами и разберемся, не маленькие.

Они еще постояли, а потом печально поволоклись к перрону, ждать, когда подадут поезд.

– Петрович! Петрович, ты че?! Заснул, что ли?

– Я не заснул, – себе под нос злобно сказал Василий Артемьев и потряс хилое тельце мобильного телефона, как будто собирался вытрясти прямо оттуда чертову Мелиссу Синегокову. – Мне некогда.

– Петрович, тудыть твою за ногу!.. Там транспорт пришел, Шурка не знает, че с ним делать, то ли в отстойник отправлять, то ли... А ты вчера не распорядился!

– Я щас!.. Сказал же!..

– Петрович!

Он нажал кнопку «отбоя» и сунул телефон в нагрудный карман.

– Чего, чего?! Я не распорядился, потому что он еще вчера должен был прийти, этот самый транспорт!..

Он выскочил из «кабинета», который был отгорожен от цеха тоненькой фанерной стенкой, и помчался туда, куда его призывали, – транспорт не транспорт, черт его разберет!.. В цеху бухало, гудело и шумело, рабочий день в разгаре, все как всегда!

Должность его громко называлась «начальник металлургического производства», а сам себя он называл «в каждой бочке затычка». После того как в мучениях скончалась Советская власть, светлая ей память, из обычного инженера-«производственника» Василий, как и все ему подобные, как раз и переквалифицировался в эту самую затычку!

А как же иначе? Хочешь жить, умей вертеться!.. Собственники моментально разгонят всю богадельню, если богадельня перестанет приносить доход, вот и кумекаешь день и ночь, как бы денжат побольше добыть для родного завода. Когда получается – хорошо, когда не получается – начинается! Бессонница, скверное настроение, рыбалка с другом Димкой, считай, не рыбалка, а сплошные возлияния под худосочную уху и продолжительный базар о жизни и бабах. Подолгу пить он не мог, начиналась мутота в голове и в желудке, сердцебиение, страх, что сейчас помрешь, и какая-то гадливость, отвращение к себе поднимались – на что тратится жизнь, зачем, почему?..

Потом ветер менялся, находились какие-то решения, и все опять шло хорошо – вон транспорт пришел, надо отгружать, а как теперь отгружать, если все накладные вчерашним днем закрыты! Давай разбирайся с накладными, Василий Петрович, и с транспортом разбирайся, а вечером совещание у директора – какие-то гаврики с Украины нагрянули, подавай им прокат!..

Небось будут просить, чтобы дешевле отдали, и их можно понять. В Подмоскowie покупать никаких денег не хватит, только у них в Малороссии, видно, все производства стоят, рады хоть за какие деньги купить, тем более, говорят, американцы им подкидывают на «развитие».

Так что он толком не знал, кто он такой – то ли инженер-металлург, как в дипломе написано, то ли менеджер, то ли снабженец!

Василий Артемьев если и знал что-нибудь про себя совершенно точно, так это как раз то, что он решительно не предназначен для роли любовника знаменитости!..

Нет, может, и есть мужчины, которые для этой роли предназначены и хорошо ее играют, и их фотографии с подписями «Анастасия Волочкова с бойфрендом у бассейна» и «Ксения Собчак с бой-френдом на приеме» печатают в глянцевах журналах и продают по сто пятьдесят рублей в киосках возле метро.

Василию Артемьеву казалось, что покупать макулатуру по сто пятьдесят рублей так же глупо, как взять себе в любовницы эту самую знаменитость. Впрочем, и взять-то ее негде!.. Бойфренд, твою мать!..

Андрей Макаревич, которого Василий очень уважал, как-то пел про то, что «звезды не ездят в метро». Печально пел, потому что, по его выходило, что этим самым звездам негде добыть нормальную девушку и завести с ней нормальных детей, в метро-то они не ездят!.. А там, на небосклоне, у них все сплошные уроды. Василий в метро тоже не особенно ездил, хоть и не звезда, но с тех пор, как лет в двадцать купил свою первую машину, раздолбанную рыжую «копейку», пополам с другом Димкой купил, так и перестал в метро ездить.

С тех пор прошло пятнадцать лет, «копейку» сменила «четверка», потом «шестерка», а потом старенькая иномарочка неизвестной породы, которая ласточкой летала – по крайней мере, ему тогда так казалось. Потом были другие машины, которые он помнил и теперь, и вся жизнь практически так и измерялась – машинами.

В метро он не ездил, но нормальных девчонок вокруг было пруд пруди, и Василий Артемьев никогда никаких затруднений в этом вопросе не испытывал.

Поначалу были сокурсницы по станкостроительному институту – специальность «Машины и механизмы», – потом симпатяшки из заводоуправления, потом симпатяшки из бухгалтерии, потом лапочки из ОНТИ, отдела научно-технической информации, потом незамужние инженерши. Инженерши и те, что из ОНТИ, были образованные, умные, читали книжки и приглашали к себе ночевать не на первом свидании, а примерно на третьем, и очень этим гордились.

Как это ни странно, Василий Артемьев, то ли в силу природной чистоплотности, то ли оттого, что мать всегда говорила правильные слова об ответственности и чувстве долга, очень скоро от всего этого бабского внимания устал.

Ему надоело просыпаться поутру в чужих крохотных квартирах, на цыпочках пробираться в ванную, чтобы не разбудить родителей, спавших в соседней комнате, и младшую сестру, спавшую на балконе, принимать душ среди чужих, незнакомо пахнувших вещей, бесшумно обуваться и тихо-тихо притворять за собой дверь – чтобы никто не услышал. При этом он точно знал, что все слышат, что все обитатели квартиры осведомлены о том, что происходит за тонкой дверкой из ДСП, о том, что дочка «опять кого-то привела». Иногда его знакомили с родителями, и он знакомился, маялся, делал внимательное лицо, когда предполагаемый тесть рассказывал о том, какой он, тесть, был отличник на производстве, а предполагаемая теща, поглядывая въедливо и придирчиво, о том, какие у нее «на даче» плантации огурцов. Предполагаемая невеста смотрела в скатерть, как бы в смущении, хотя – Василий знал это совершенно точно – никакого смущения не испытывала. Или испытывала известное женское волнение, происходящее от того, что в дом пожаловал «жених».

Лет в тридцать он решил, что всю эту мороку пора как-то заканчивать. Пора «остепениться», «завести семью и жить нормальной жизнью», тем более все институтские приятели

уже были взрослые дядьки, имели детей и жен, и не по первому разу. А Василий Артемьев все ходил в «женихах», все ночевал по чужим домам, изредка приводил к себе подружек, которые так же зорко, как и их мамочки, поглядывали по сторонам, оценивали, прикидывали. Почему-то ему было неприятно, когда девицы приходили к нему в квартиру, и он всячески старался от их визитов уклоняться, и не понять было, в чем дело. Но как-то не готов был он делить невесту с кем свою личную жизнь, свой диван, свою кухню, где все было именно так, как ему хотелось, – кофейная машина, маленький столик с диванчиком, телевизор на подставке, его собственный мир, который был ему важен и нужен гораздо больше, чем девицы.

Одна, помнится, уселась за его компьютер, вошла без разрешения и, когда он пришел из ванной, уже вовсю читала его почту. Ту он вытурил без разговоров, даже ради секса не оставил – еще не хватает!..

Так что «остепениться» у него не получалось, а когда получилось, то все вышло как-то безрадостно и вовсе не так, как ему хотелось.

То ли он был очень занят на работе и ему некогда было проводить время с семьей, то есть с только что появившейся женой, то ли старый черт вмешался и напакостил, непонятно.

Ему нравилось думать, что именно старый черт. Читал он когда-то у Толстого историю про старого черта и трех чертенят, которые пожаловали на землю, чтобы людям тут голову морочить, и она ему очень понравилась. Василий не помнил ни сути, ни морали, но помнил, что пакостили они как-то смешно, и так им и не удалось как следует озадачить людей!

Так или иначе, семейная жизнь у него не заладилась.

После девушек из цеха, девушек из бухгалтерии, девушек из ОНТИ и еще откуда-то ему хотелось... других отношений, и он выдумал, что в браке у него именно такие и будут. Чего-то особенного ему хотелось, красивого, как в кино, или... чистого, что ли, хоть и не любил он это слово, которое могло означать, что все предыдущее было «грязным», а это неправда!

Но он все выдумывал, выдумывал...

Ему хотелось, чтобы его встречали с работы поцелуем, а провожали кружкой горячего сладкого кофе, который он очень любил.

Ему хотелось в выходные поехать с ней за город, да хоть на рыбалку, и в полном душевном покое сидеть над чистым и тихим озером, слушать, как плещется рыба, смотреть на туман, поднимающийся от воды, и всласть молчать, потому что за неделю на работе он наговаривался до тошноты и волдырей на языке.

Ему хотелось по субботам валяться на диване и смотреть кино, любое, которое показывают по телевизору, и чтобы она пристроилась рядом и тоже смотрела и ничем его не раздражала.

Ему хотелось ходить с ней в гости, гордиться ею, смеяться над ней, целоваться с ней, воспитывать ее, и чтобы она воспитывала его – но как-нибудь так, чтобы его это тоже не раздражало.

Ему хотелось жить с ней одной жизнью, и он совершенно не учел того, что у нее есть *собственная*, и эта ее реальная жизнь сильно отличается от той, которую он придумал!

Кофе она не варила и не любила и его кофейную машину, которую он с такой гордостью приволок на ее кухню, спровадила под стол, потому что места было мало, и ставить некуда. У него на кухне места было еще меньше, но у него-то она стояла! Из-под стола машина куда-то быстро пропала, и так он потом ее и не добыл обратно, пришлось после развода новую покупать.

Целоваться она любила, но почему-то считала, что ее поцелуи – это награда и он еще должен ее заслужить. Из постели он моментально изгонялся, если приходил домой подвыпив или позже обычного, чего она терпеть не могла. В ее представлении о жизни женатый мужчина должен первым делом служить семье, а уж потом родине, в том смысле, что с работы нужно

приходить вовремя, и если не приходишь, значит, сам виноват – не будет тебе ни ужина, ни любви, ни ласки.

С телевизором по субботам тоже ничего не вышло, по субботам была «дача», куда нужно непременно ехать помогать родителям. Эта самая «дача» сидела у него в печенках. Он городской человек, в пятом поколении городской, и никакие прелести вскапывания матушки-земли и бросания в нее мелкой пожухлой картошки не приводили его в восторг. Тем не менее нужно было ехать, вскапывать и бросать, иначе теща с тестем обижались до смерти.

Он пару раз привез подарки – и не угодил. То ли и вправду подарки были плохие, то ли у них совсем не совпадали вкусы, но его жена, внимательно изучив их, долго гундосила, что нечего тратить деньги на всякую ерунду и лучше бы он купил не то, а это, и что он больше бензина сжег, по магазинам мотаясь, чем удовольствия доставил.

И с рыбалкой, и с друзьями, и со всем остальным вышла незадача. Она ловко хозяйничала в квартире, все у нее блестело и сверкало, постель всегда была чистой, и рубашки он менял каждый день. Но за всю свою жизнь она, кажется, не прочитала ни одной книги и однажды сказала, что зря Наташа Ростова бросилась под поезд, могла бы еще жить и жить. Зачем Тургенев так плохо все придумал!

Сказала она это жене приятеля, которая окончила филологический факультет университета, и Василия, «счастливого мужа интеллектуалки», еще долго травили этой самой Наташей, которую придумал Тургенев!..

Почему-то она считала, что с той минуты, как в паспорте был поставлен штамп, Василий Артемьев полностью и целиком принадлежит ей, так же как его время, силы и деньги, и страшно удивилась, когда он вдруг, вскоре после свадьбы, сказал, что должен куда-то отвезти мать.

Подумав, жена устроила ему скандал с разбирательством и подробным разъяснением, что мать теперь не имеет к нему отношения, что теперь у него на первом месте должна быть жена, что только ее, жену, он и должен туда-сюда возить, а мать тут ни при чем!..

Он не был к этому готов. Он любил родителей, которые ничем и никогда его не обременяли и вообще были нормальными ребятами, и он не понимал, почему должен с боем вырываться на день рождения отца, почему должен отпрашиваться и объяснять, сколько денег он потратил на подарок!

Он протянул года полтора, наверное, а потом развелся, причем его намерение развестись ввергло жену в состояние шока. Она-то считала, что у них все хорошо, мечтала ребеночка родить, а тут такой удар!..

Он пережил, переболел и дал себе слово больше никогда и никому не морочить голову. Видимо, не создан он для счастливой семейной жизни, что ж тут поделаешь!

Опять началось все сначала, симпатяшки из бухгалтерии, лапочки из отдела кадров, и одна вдруг среди них попала – экскурсовод из музея!.. Чужие квартиры, на цыпочках по коридору, в ванной незнакомо пахнущее полотенце, телефонные разговоры, нежные sms-записочки «Я от тебя балдею», утром, когда нужно уезжать, надутые губы и весь вид – сплошной укор.

И все это с каждым разом становилось все скучнее и скучнее, и вдруг подтвердилось давнее подозрение, что так теперь и будет до конца, и усилия ничем не вознаграждаются, потому что и в постели, по большому счету, все одно и то же, и ничего нового придумать невозможно!..

Тут-то она и свалилась ему на голову, эта чертова знаменитость, эта Мелисса Синеокова, у которой не отвечает телефон, и он уже второй день мечется и не знает, куда деваться от тоски, злобы на себя, на нее и на весь мир!

Василий Артемьев, начальник металлургического производства, «в каждой бочке затычка», распорядился насчет отгрузки, подписал какие-то акты, наорал на сменного мастера, забежал в свой «кабинет», где было почти так же шумно, как и в цехе, и снова набрал ее номер.

Не отвечает! Не отвечает, чтоб ей пусто было!..

Ему бы время выждать, ему бы перестать ей звонить, ему бы делом заняться, которого было так много, что аппарат на столе, желтый конторский телефон советских времен, подпрыгивал от звона, так его распирали те, кому нужен сегодня Василий Артемьев, а он не мог ни на чем сосредоточиться!..

Куда она делась? Ну куда?!

Сейчас он даже не мог вспомнить, из-за какой ерунды они поссорились, у него вообще была короткая память на эти дела, он запоминал только то, что было ему дорого, а остальное благополучно забывал.

В общем, поссорились, да так, что она улетела в Питер одна, чего никогда не случалось с тех пор, как в ее жизни появился он, Василий Артемьев.

В пылу ссоры он сказал, конечно, «скатертью дорога» и «счастливого пути», и хлопнул дверью, и уехал к себе, и в своей крохотной квартирке, от которой совершенно отвык, быстро и равнодушно напился – чтобы заснуть и спать до утра, ни о чем не думать и ни в чем не сомневаться.

Он спал, пока был пьян, проснулся часов в пять, совершенно трезвый, мрачный и несчастный. Провалившись до семи, он принял ряд очень мужских решений, которые в общем и целом сводились к одному и тому же – звонить не буду, мириться тоже не буду, пусть сама звонит и мирится!..

Тут-то и обнаружилось, что его жизнь «со знаменитостью» коренным образом отличается от всех предыдущих его жизней! Раньше, приняв такие удобные решения, он им бы и следовал, и наплевать ему было бы, позвонит или не позвонит, помирится или нет.

Подумаешь! Найдется следующая лапуля из отдела сбыта, с которой он так же хорошо станет проводить время, как и с предыдущей, из управления делами!

Оказалось, что ему нужно только, чтобы его чертова «знаменитость» объявилась в его телефоне и в его жизни, чтобы все встало на свои места, чтобы перестало кровоточить, потому что кровоточило, да так, что прикоснуться страшно!

Оказалось, что ужас от того, что все может разладиться так легко, так просто, на счет раз, гораздо сильнее гордости, потому что на гордость ему в какой-то момент стало наплевать, а ужас он чувствовал все время.

Оказалось, что ему плохо в его квартире, которую он всегда так любил, где стоит его драгоценная кофейная машина и компьютер! Оказалось, что стены давят, давят прямо на череп, и еще на грудь, и от этого тяжело дышать и хочется подержаться за сердце, чтобы как-то помочь ему.

Утром, переменив свои похвальные и очень мужские решения, он поехал к Мелиссе.

Открыл дверь и понял, что ее нет, так и не прилетела, хотя собиралась вернуться тем же вечером! Когда она была дома, все менялось. От входной двери он чувствовал ее присутствие – запах духов, яблочной шарлотки, чистоты, как будто от свежеевыглаженного белья, слышал мерное цоканье клавиш за дверью, где она строчила свои романы, и немыслимую музыку. Она любила тяжелый рок, и Василия Артемьева ее музыкальные пристрастия очень веселили.

Как был, в ботинках и куртке, он прошел в спальню, толкнул в сторону тяжелую дверь гардеробной и заглянул в угол. Ее любимой сумки с вензелями не было на обычном месте – точно, не вернулась!

И весь день пошел насмарку.

Он стал ей звонить примерно с середины дня и теперь не мог остановиться, все звонил и звонил.

Дура чертова, куда она могла деться?! Затесалась сниматься в кино? Присутствовать на открытии зоосада? Участвовать в благотворительном марафоне?! Учить чеченских детей русскому языку? Сбирать на Невском деньги в фонд помощи деда Мазая и его зайцев?

Все это с ней вполне могло случиться, любой из вариантов он допускал как возможный. Потому что она такая. Чокнутая.

Он уехал с работы около восьми часов – после встречи с «украинскими товарищами» начались возлияния, и он должен был присутствовать, хотя бы и без возлияний. Водителя у него не имелось, он всегда ездил за рулем сам, а до Москвы было не слишком близко. Когда воодушевившиеся и породнившиеся металлурги затянули песню, Артемьев решил, что, пожалуй, можно уехать, не возбуждая излишнего любопытства, почему он не пьет и куда это ему так срочно понадобилось, и сел в машину, и завел мотор, и свирепо посмотрел на Мелиссино место, справа.

На сиденье лежали ее темные очки, хотя он сто раз говорил ей, чтоб не оставляла очки на сиденье! Уже была история, когда она села на них и раздавила. На очки наплевать, а порезы они потом долго лечили и страшно веселились, что теперь должны практиковать тантрический секс, ибо человеческий им недоступен по причине того, что до задницы невозможно дотронуться, и что она, как Владимир Ильич Ленин, будет работать, стоя за конторкой!

Вот такая у них была замечательная жизнь, и все разладилось!..

Телефон зазвонил, и он схватил его, как мальчишка, чуть не уронил и почти заплакал от горя, когда оказалось, что звонит Лера Любанова.

– Лер, – рявкнул он, не поздоровавшись, – я еще на работе, так что говори быстрее!..

– Вася, она пропала, – растерянно сказала в трубке Любанова.

Он никогда не думал, что у нее может быть растерянный голос, даже представить себе не мог.

– Я ее встретила здесь, в Питере, в гостинице. У нее температура поднялась, она... в номере лежала. А потом я отошла на встречу, вернулась, а ее нет. Телефон остался, а ее нет!..

– Так, – сказал Василий Артемьев. – Хорошо. А сумка? Она взяла с собой сумку?

– Да нет же, Вася! И не выписалась, и на рецепшен ничего не сказала! Даже билет вот, на столе!

– А эти ее съемки?

– Звонила! – в отчаянии крикнула Лера. – Они сказали, что ее не ждут, что у них все перенеслось и она об этом знает!

– Так, – повторил Василий. – Хорошо. Я сейчас приеду.

– Как? – поразились Лера. – Мы в Питере, а ты в Москве!

– Ну да, – сказал Василий. – Вот я из Москвы в Питер и приеду.

Лера Любанова не знала, куда деваться от бессилия и злобы. Никаких следов Мелиссы Синеоковой, ни единого!..

Полянский улетел тем самым рейсом, которым они должны были вернуться оба, а Лера дождалась Артемьева, который по-явился только ночью. Почему-то она была уверена, что, появившись, он немедленно во всем разберется, все расставит по своим местам, найдет Мелиссу и даже, может быть, того, кто стрелял в Садовникова, но ничего такого утешительного не случилось.

Артемьев, бледный до зелени, посидел с ней в лобби, выслушал все, что она рассказала, и приказал звонить в милицию, а сам отправился разговаривать с консьержкой.

Вернулся он очень быстро и очень сердитый.

– Они все поменялись, – злобно сказал он Лере. – Эти ее даже не видели! Те, которые видели, будут только через два дня. А у тебя?.. Ты звонила?..

– Васенька, да я сразу позвонила, как только она пропала, только ничего хорошего. Никаких действий они предпринимать не будут, пока родственники не напишут заявление, а заявление в милиции примут через три дня. – Она потеряла уставшие от табачного дыма и электри-

ческого света глаза. – То есть, наверное, я бы смогла заставить их взять заявление, но я же не родственница!

Артемьев смотрел на нее.

Он тоже не был Мелиссе родственником, как это ни странно.

У него в паспорте не было написано, что он – муж, и первый раз в жизни он остро пожалел об этом. Какая-то у него была теория насчет того, что штампы и всякое такое прочее очень затрудняют жизнь мужчине и создают у женщины иллюзию, что она привязала его к себе навсегда. После развода он дал себе слово, что больше ни за что не будет «жениться», то есть ставить в паспорте штамп, одного вполне достаточно.

Дорого бы он дал сейчас, чтобы этот самый штамп откуда-нибудь появился – просто для его собственного спокойствия, просто для того, чтобы он мог время от времени заглянуть туда и прочитать, что он муж! Муж Мелиссы.

В отеле его все знали, потому что они часто вместе с Мелиссой наезжали в Санкт-Петербург по делам, и очень любили именно этот отель, и всегда в нем останавливались. Все сочувствовали ему, потому что Лера к его приезду уже подняла панику – знаменитая писательница пропала! – все готовы были помогать и быстренько сделали ему карточку-ключ от ее номера.

Но что карточка, когда ему была нужна Мелисса!

Они сидели и молчали, и Артемьев пил уже вторую чашку кофе, когда Лера, толкнув его плечом, сказала тихонько, что должна улететь в Москву.

– Я завтра, то есть уже сегодня, – она посмотрела на часы, и впрямь сегодня! – Я сегодня позвоню всем, кого смогу найти, из МВД, из прокуратуры. У меня приятель на Петровке работает, Игорь Никоненко. Майор, кажется. Может, он нам что-то посоветует! Но мне нужно лететь, потому что с меня какие-то деньги требуют, а я даже не знаю, какие именно.

– Конечно, – согласился Василий Артемьев. – Лети.

И они опять помолчали.

– Я думаю, она найдется, Вася. Господи, небось на какие-нибудь ночные съемки ее позвали, и она поехала! Новогодний огонек записывать! Она же никому не может отказать!

– Поехала и тебя не предупредила?

Да. Это маловероятно.

– И меня не предупредила! – продолжал Артемьев. – С ней такого не бывает, Лер! И потом, я ее приучил докладывать, где она и что с ней. Сто раз говорил – доехала, позвони! Долетела, позвони! Задерживаешься, позвони!

Он вдруг почти сорвался в крик, и Лера успокаивающе положила ладонь ему на рукав.

– А тут, видишь ли, поссорились мы! – Он стряхнул ее руку. – И не успокаивай ты меня, я не маленький! Мы поссорились, и она мне не позвонила! Я домой приехал, а ее уже нет! Я думал, она без меня не полетит!

– У нее же расписание, Вася. Как она могла не полететь?!

– Да не знаю я, как она могла! Не полететь не могла, а пропасть могла, да?!

Он изо всех сил заставлял себя думать, что с ней ничего не случилось, хотя знал совершенно точно – случилось.

Любанова тоже знает это, поэтому и говорит всякие невероятные вещи про новогодний огонек и ночные съемки! Он точно знал расписание, и в нем не было никаких огоньков!

– Если она до завтра не найдется, я вернусь в Питер, – сказала Лера. – Слышишь, Вась?

– Слышу.

– Но сегодня мне нужно быть в Москве. Будем какие-нибудь силы подключать. Я тебе оставляю телефон приемной губернатора Санкт-Петербурга, ее помощника зовут... – и она продиктовала, как зовут помощника. – Сейчас еще ночь, я звонить не стану, а утром позвоню и предупрежу, что тебе может понадобится помощь. Слышишь?

– Слышу.

Какая помощь может понадобиться ему от помощника губернатора? Помощник поднимет по тревоге все военные гарнизоны, и они проверят каждый дом, каждый угол, каждую подворотню и каждую машину?!

Машину, подумал Артемьев. Она уехала на машине.

– Лера, – спросил он, – а ты видела машину, на которой она уехала?

– Нет, – сказала она быстро. – Не видела. Я вообще не видела, что она уехала, это мне Боголюбов сказал, с которым я обедала. Он сказал, что я вру неубедительно, потому что моя больная подруга уехала, а я все говорила, что должна к ней подняться!

– Значит, твой Боголюбов видел машину?

– Наверное... да.

– Мне нужно с ним поговорить.

– Прямо сейчас?

Он свирепо посмотрел на нее, и она послушно достала телефон из нагрудного кармана пиджака. Почему-то Лера часто носила телефон в нагрудном кармане так, что свешивалась маленькая хрустальная обезьянка, прицепленная к аппарату.

Она достала телефон, и обезьянка нестерпимо сверкнула под ярким электрическим светом.

Три часа утра. Вряд ли в это время Андрей Боголюбов станет с ней разговаривать, а если и станет, то наверняка решит, что она ненормальная! Он и так с ней... не особенно уважителен.

– Але. Але. Говорите!

– Аллю? – растерянно повторила Лера, которая никогда и ни от чего не терялась.

– Какого хрена вы мне звоните среди ночи?! Утра не могли дожидаться?!

– Прошу прощения, Андрей, моя подруга, ну, которая была больна...

– Дай мне трубку, – проскрипел Василий Артемьев.

– Чего подруга?! Вы знаете, который час?!

Лера отдала трубку Артемьеву и покачала головой – ничего он от Боголюбова не добьется!

– Слушай, друг, – сказал Василий в телефон, – ты извини, что среди ночи, но время не ждет. У меня жена пропала, и, говорят, ты видел, как она в машину садилась. – Он немного послушал и стал делать Лере знаки, чтобы та дала ему чем и на чем записать. Лера достала из сумочки блокнотик и ручку. – Так. Так. Я понял. А номер нет, конечно?.. Ну, понятно. Давай. Спасибо тебе, друг.

Он вернул Лере телефон с качающейся хрустальной обезьянкой и сказал задумчиво:

– Он говорит, старенький «жук» или что-то в этом роде, маленькая машинка. Водитель был в бейсболке. Номер он, конечно, не запомнил, но питерский.

– И что это значит?

Василий пожал плечами.

– Ну, хотя бы то, что ее увез кто-то местный, а не из Москвы! – Слово «увез» далось ему с трудом, никак не хотело выговариваться. – А где она была, когда этого депутата застрелили?

Лера кивнула на окно, за которым начинало синеть и небо как будто поднималось, делалось прозрачней.

– Вон там. В сквере, на лавочке. Она вышла, потому что у нее голова болела, и она сказала, что целый день сидит безвылазно и у нее уже сил нет.

Артемьев помолчал.

– Лер, а она... никак не может быть с ним связана, с трупом? Как его фамилия? Корзинкин?

– Садовников, – поправила Лера. – Да нет, не может, Вася. Как она может быть с ним связана? Она в политике не работала никогда, если только на каком-нибудь приеме познакомилась...

– На каком-нибудь приеме она одна не бывает, а если бывает, то мне потом все рассказывает, – сказал Артемьев мрачно. – Про Садовникова она точно никогда не рассказывала.

– Ну вот видишь...

– Да ничего я не вижу!..

Она уехала к первому рейсу, около шести часов, а Артемьев, помаявшись по отелю, который поутру зажил обычной веселой и деятельной жизнью, поднялся в Мелиссин номер.

Он понятия не имел, как станет ее искать, но все же понимал, что любые поиски придется отложить хотя бы часов до девяти, когда начнут работать «организации». Какие именно «организации» должны начать работать, он тоже осознавал не слишком отчетливо.

В номере, где с ночи оставались задернутыми плотные шторы, он первым делом распахнул их, раздвинул в разные стороны, потому что мрак в душе и еще в комнате был невыносим. За окном оказался круглый скверик со скамейками, так хорошо и давно знакомый, и золотой купол Исаакия сиял в чистом голубом небе, и деревья зеленели победительно – жизнь продолжается, что бы там ни случилось!

Василий Артемьев посмотрел на постель, расстеленную горничной «на ночь» – с откинутым одеялом, взбитыми подушками и напечатанным на карточке предложением «континентального завтрака». Он никогда не мог взять в толк, что такое этот континентальный завтрак, и Мелисса ему непонятно объясняла, что он чем-то отличается от английского, а в отелях бывают только континентальные и английские!..

На столике лежал ее телефон, который она, конечно же, позабыла, и в отчаянии и безнадёжности Василий сел на белую постель и посмотрел ее «вызовы».

Нет, вчера она ему не звонила. Они поссорились, и она ему не звонила.

Зачем они поссорились?..

Ее любимая сумка с вензелями стояла на полке, и, отложив телефон, Василий заглянул в сумку. Джинсы, водолазка, белье, туфли в пакете, острый каблук прорвал дырку. Зарядник для телефона и запасные очки в замшевом футлярике – и ничего, что могло бы помочь ему в поисках.

Он вытряхнул все из сумки, разложил на постели, потом замычал сквозь зубы, сгреб все в один огромный ком и затолкал обратно.

Мучительное, как зубная боль, чувство скрутило мозг.

Здесь ее вещи, ее штучки, ее туфли и зубная щетка в ванной, все выглядело так, как будто она никуда не исчезала, – не было только ее самой, и оказалось, что это почти невозможно терпеть.

Невозможно, невозможно!..

Да ладно, сказал он себе. Что ты киснешь! Все будет хорошо, просто потому, что не может быть иначе. Я приказал себе, чтобы все было хорошо, значит, именно так и будет.

Он подошел к окну, вытащил из белой вазы черную виноградину и съел. Виноградина ввязла в зубах, как поролон.

Почему нужно ждать три дня, чтобы зарегистрировать пропажу человека?! Почему нельзя начать искать немедленно, прямо сейчас, всех поднять по тревоге, всем раздать описание примет?! Слово-то какое – приметы, как из протокола!

Артемьев еще послонялся по маленькому номеру, потом умылся очень холодной водой и лег с той стороны, где не было откинута одеяло, чтобы не ложиться на Мелиссино место. Лег и покосился на ее подушку.

Где ты, черт тебя побери?! Где ты можешь быть?! Что случилось с тобой в ту минуту, когда ты вышла из отеля?! Зачем ты вообще из него вышла?! У тебя поднялась температура, вот и лежала бы себе спокойно, нет, понесло тебя куда-то! Почему с тобой вечно что-то случается, стоит только мне отвернуться?!

Он то ли спал, то ли не спал, замерзал от того, что беспокойство ледяной глыбой лежало рядом с ним, как раз на Мелиссином месте, и он даже во сне все время обжигался об него.

Часов в девять, совершенно разбитый, он принял душ, вытерся Мелиссиным полотенцем, поправил на кровати смятое одеяло и вдруг в нише прикроватной тумбочки обнаружил старую-престарую записную книжку в растрепанном переплете, из которой во все стороны вылезли листы с желтыми краями.

Артемов вытащил пухлую книжку, расстегнул ремешок, которым она была застегнута, и перелистал.

Черт его знает, что это такое было, дневник не дневник!.. Даты стояли какие-то странные, непонятные – десять лет назад, вот как давно Мелисса начала в нем писать! Почерк у нее тогда был совсем другой – тоненький, неуверенный, как будто она долго раздумывала над каждым словом и выводила его с трудом.

На первой странице после записи «Людмила Голубкова, общий отдел Министерства иностранных дел, ведущий специалист, телефон 2-12-21» было начертано: «Ты проклянешь в мученьях невозможных всю жизнь за то, что некого любить!»

И подпись: «А. Блок».

Артемов усмехнулся тихонько.

Он не знал, какой девчонкой была его чертова знаменитость всего десять лет назад! Он повстречал ее, уже когда она стала знаменитостью, и эта строчка из Блока многое ему о ней рассказала.

На второе февраля десять лет назад была назначена встреча в 714-м кабинете с некоей Верой Николаевной из отдела кадров, а на четвертое с неким «Вяч. Мих.», должно быть Вячеславом Михайловичем, неизвестно из какого отдела.

Артемов перевернул страницу на блестящих пружинках. Больше «деловых» записей в ежедневнике не было, появились обрывочные, начатые и брошенные, без дат. Тогдашняя Людмила Голубкова записывала какие-то впечатления о своей тогдашней жизни.

Можно это читать или нельзя? Предназначено это для кого-то, кроме нее, или не предназначено?

Он секунду подумал, разом отмахнул все страницы и нашел последнюю запись. Он долго отводил от нее глаза, как провинившаяся собака отводит взгляд от разорванного коврика, который хозяин сует ей под нос, а потом быстро прочитал – словно в холодную воду кинулся.

«Васька не звонит. Жду-жду, а он все не звонит. Может, он решил меня бросить? Я этого не переживу. Ей-богу, пойду и утоплюсь. Что я буду без него делать?! Мы вчера поссорились, я в Питер улетаю, а он не звонит! Вот если он еще через пятнадцать минут не позвонит, я ему сама позвоню!»

Василий Артемов перевел дух.

Все нормально, сказал он себе. Вот теперь все хорошо.

Ничего хорошего не случилось, больше того, ничего не изменилось по сравнению с тем, что было пятнадцать или пять минут назад, но жизнь после прочтения этой короткой записи в древнем ежедневнике стала совсем другой.

Она думала о нем, переживала и собиралась звонить. Все в порядке. Она не сбежала с толстым командировочным немцем или дюжим длинноволосым финном, чтобы отомстить ему. Она по-прежнему с ним.

Хорошо бы еще выяснить, где именно.

Он перелистал ежедневник, наскоро соображая, все-таки прилично или неприлично его читать и поможет ли это чтение ее найти, когда взгляд вдруг зацепился за редкое имя – Герман, – старательно написанное неуверенным детским почерком Милы Голубковой десятилетней давности.

Зацепившись, он начал читать и уже не мог остановиться.

Любанова просмотрела договор, сдвинула брови и начала сначала. Не было никакой необходимости читать заново – она все отлично поняла и с первого раза, но глазам своим не поверила.

Боголюбов курил в кресле напротив, осыпал себя пеплом и стряхивал его пятерней, на костюме оставались серые следы, как будто от пыли.

– Да, а что это за псих мне ночью звонил? – вдруг спросил он и перестал возить пятерней по костюму. – К тому же с вашего телефона!

Лера на секунду подняла на него глаза и опять уставилась в договор.

– Не псих. Он муж Мелиссы Синеоковой, которая пропала.

– А она все-таки пропала? – весело удивился Боголюбов. – Я бы на ее месте тоже пропал ненадолго. А то небось со всех сторон одолевают – тут подруги, тут муж, тут поклонники! Поди с ними со всеми справишься! Только и остается, что пропасть ненадолго.

– Вы не знаете ничего, – процедила Лера, – и не говорите!

– Да чего я не знаю, голубчик мой! Все я знаю! Подхватил ее под ручку какой-нибудь питерский корсар да и увлек в глубины! А вы сразу панику поднимать! Вы же тоже девушка, должны понимать, что ничто романтическое вам не чуждо.

– Нам – это кому?

– Вам – это вашему полу, неустойчивому во всех отношениях! У вас же центр тяжести смещен, вот и качает вас из стороны в сторону!

– Послушайте, – сказала Лера и перевернула страницу договора. Зря перевернула, потому что злилась так, что не поняла ни слова из того, что было на этой странице написано. – Это у вас центр тяжести смещен! И вероятнее всего, в голове. Зачем вы ерунду говорите?..

– У меня как раз не смещен, я-то среди ночи добрым людям не звоню! Или вы чего... на самом деле в переживания ударились?

– Когда вы подписали договор с Садовниковым?

– Да там же написано, голубчик! На первой странице, во-он, от какого там числа?

Лера посмотрела, от какого числа.

Она делала умное лицо, задавала вопросы и листала договор оттого, что решительно не знала, как прояснить ситуацию, которая с каждой секундой выглядела все более запутанной.

Значит, Садовников не собирался вести свою предвыборную кампанию через газету «Власть и Деньги». Он уже подписал договор с газетой «БизнесЪ». Значит, Сосницкий, который, по идее, должен был поддерживать Садовникова и «Россию Правую», об этом не знал?! Но как это возможно?!

И это только первый, самый прозрачный пласт ледяной глыбы.

Дальше становилось только темнее, тяжелее и глуше.

Кто убил лидера правых? Зачем?! Как это может быть связано с Башировым, который почему-то оказался практически на месте преступления?! Откуда Боголюбов узнал о том, что Лера встречается с Садовниковым именно в это время и в этом месте?! Как выбить из него правду?!

– Господин Боголюбов...

– Андрей, Андрей!.. Что вы, право слово, что за церемонии, мы же свои люди!

– Господин Боголюбов, откуда вы узнали, где и когда я встречаюсь с Садовниковым?

– От Садовникова, откуда, откуда!.. Я уже говорил вам, почему вы не верите! – буркнул Боголюбов. – Он ко мне заезжал, что-то темнил относительно Сосницкого, вроде у них там какие-то свои дела, и сказал заодно, что будет в Питере с вами встречаться, голову вам морочить!

Лера подняла глаза, хотя смотреть на Боголюбова ей не хотелось – очень уж раздражал, и она была уверена, что на лице у нее все написано и он легко это прочтет.

– У Садовникова дела с Сосницким?

– Ну да. А что такое? Вадим Петрович «Россию Правую» очень щедро финансировал, вам это должно быть хорошо известно, вы же у нас... девушка Сосницкого!

– Послушайте, господин Боголюбов! Вы не понимаете или притворяетесь? Если у Садовникова были дела с Сосницким, значит, он обводил вокруг пальца Баширова?

Боголюбов немного подумал.

– Почему?

– Да потому что Баширов и Сосницкий враги! Именно потому, что они враги, мы с вами конкуренты, а не соратники! За вас платит Баширов, а за меня Сосницкий!

– Это еще большой вопрос, кто за кого платит! Я Ахмету Салмановичу не только славу, но и денежки приношу, очень даже неплохие!

Лера Любанова чуть не завывала сквозь стиснутые зубы.

Сговорились они все, что ли, выводить ее из себя!

В Москве Константинов, до которого она наконец дозвонилась, говорил каким-то странным, растерянным тоном, постоянно переспрашивал и мямлил, и в конце концов Лера сердито спросила у него, не пьян ли он. Константинов тем же странным тоном сказал, что не пьян, как будто скрывал, что пьян, и обещал перезвонить.

– Что значит – перезвонишь?! – закричала Лера. – Ты что, с ума сошел?! У нас проблемы, а я тебя почти сутки ищу!..

Но оказалось, что она кричит в пустоту, Константинов из трубки исчез.

А теперь еще и Боголюбов!..

– Дело не в том, в убыток вы работаете или прибыль приносите, – сказала она очень медленно. Она знала, что для того, чтобы не сорваться в крик, нужно говорить очень медленно. – Дело в том, что Садовников поддерживал Сосницкий, а договор Герман подписал с вами, то есть фактически с Башировым. Сие есть факт лжи и обмана с его стороны, или ваш патрон и мой патрон уже давно обо всем договорились, а мы с вами так ничего и не поняли?

Это была попытка некоего тактического хода, разведки боем – не бог весть какая разведоперация, конечно, но лучше, чем ничего. Если Боголюбов сейчас скажет, что сепаратный мир между Башировым и Сосницким для него факт давно известный и, так сказать, достоверно установленный, значит, все еще хуже, чем она могла предположить. Значит, «сдали» ее одну, Боголюбова и возглавляемый им «БизнесЪ» пожалели, оставили в «резерве главного командования».

– Здрасти, – сердито сказал Боголюбов. Не только сердито, но и вполне искренне. – Мой патрон и ваш патрон договориться не могут. Они враги, так сказать, патологические, от природы, никакие договоренности между ними невозможны!

– Вы так в этом уверены?

– Уверен, – буркнул Боголюбов. – Уверен!

Лера посмотрела внимательно:

– Значит, Садовников обманывал обоих – и Баширова, и Сосницкого? Собирался подписать договор с Сосницким, а подписал с Башировым? А Баширов ни сном ни духом, выходит?..

– Откуда я знаю, что там выходит? Вы договор прочитали? Прочитали! Ну и валите отсюда! У меня... у меня работа стоит.

– Пардон, – сказала Лера, – что у вас... стоит?

Ей нужно было хотя бы пять минут, чтобы понять, он и вправду не думал о том, что его сотрудничество с Садовниковым выглядит странно, или так искусно притворяется?!

– И без пошлых острот, без острот, пожалуйста! Я вообще не знаю, зачем показал вам договор, из чистого благородства только!

– А договор с Садовниковым за спиной у Баширова – это у вас из чистого альтруизма, что ли? Или из любви к искусству? Или у вас хобби – водить олигархов за нос?

– Я не вожу за нос олигархов!

– Да что вы говорите?! А непонятные договоренности с политиками из конкурирующего лагеря – это как называется?!

Боголюбов пошарил по столу, кинул в рот сигарету, пожевал и прикурил.

Нет, кажется, не притворяется. Кажется, ему на самом деле не приходило в голову, что Герман Садовников, действуя таким странным образом, подставляет под удар не только Леру, но и его самого.

Выходит, не было никаких прямых указаний от Баширова?! Или были?.. Как узнать?..

– Что вам нужно? – Он выдохнул дым и посмотрел на Леру внимательно. Кажется, впервые за это утро. – Нет, не подумайте, что я хоть на минуту усомнился... в правильности своей позиции, но...

– Но дело в том, что у вас нет никакой позиции, – договорила за него Лера. – Вы же человек подневольный, так же, как и я. Вам указание дали, вы его выполнили, правильно? Указание подписать договор с Садовниковым вы получили от Баширова?

Боголюбов все смотрел на нее, как будто прикидывал, что именно можно ей сказать.

– Да, – подтвердил он неохотно. – Конечно.

– И вам в голову не пришло, что это странно, ибо Садовникова всегда поддерживал Сосницкий, враг Баширова?

– Да пришло, пришло!.. – с досадой сказал Боголюбов, вышел из-за стола и стал ходить по кабинету, у Леры за спиной. Она делала над собой усилие, чтобы не оглядываться на него, не выворачивать шею. – Конечно, пришло. Но... вы же понимаете... как я мог прояснить этот вопрос? Даже если б я спросил у Ахмета Салмановича, вряд ли он бы мне ответил!

– Значит, неприятности не только у меня, но и у вас, – констатировала Лера с некоторым злорадством. – Как только фээсбэшники и журналисты докопаются до вот этого, – и она постучала красным ноготком по договору, – а они докопаются, у них сразу возникнут к вам вопросы. И к Баширову тоже, между прочим.

– Да идите вы к черту! Пугать она меня будет! Вы договор прочитали, который я вам показал по крайней душевной доброте? И давайте чешите отсюда, рабочий день в разгаре!

– Договор вы мне показали не по крайней душевной доброте, а потому, что после убийства Садовникова вы засомневались в том, что к этому делу вас никак невозможно притянуть! Вы знаете, что я заинтересованная сторона, больше того, я еще и обойденная сторона, и решили подстраховаться. Вы показали мне договор, чтобы я убедилась в том, что все именно так, как вы говорите, и могла бы дальше продолжать свои изыскания, которые выгородят меня и, возможно, выгородят вас! Я точно знаю, что я не убивала Садовникова, и вы, видимо, тоже точно знаете, что его не убивали.

– Дикость какая! Конечно, я его не убивал.

– Но дело в том, что ситуация гораздо сложнее, господин Боголюбов!..

– Ну вот, опять! Что за церемонии, право слово! Называйте меня просто Андрей. Можно Андрюша. Или Андрейка.

– Да перестаньте вы паясничать! – крикнула Лера.

Боголюбов остановился у нее за спиной, взял руками за спинку ее кресла, так что она почувствовала его запах, – запах чужого, неприятного ей человека.

– Послушайте, – сказал он ей в самое ухо, и она сильно выпрямила спину, пытаясь хоть чуть-чуть отстраниться. – Чего вы добиваетесь?

– Того, чтобы вы осознали серьезность положения.

– Ну, я осознал. Дальше что?

– Устройте мне встречу с Башировым.

– Тю! Матушка! Куда вас понесло?

Лера сделала движение, вывернулась и поднялась со стула. Боголюбов почти висел у нее на плече, и это было невыносимо.

– Никуда меня не понесло. Но мы только что выяснили, что у вас тоже проблемы. У меня проблемы, и у вас тоже. Помогите мне, а я помогу вам.

– Каким образом вы мне поможете?

– Я должна спасти свое честное имя, – сказала Лера. – Заодно спасу и ваше. Это проще, потому что с вас, по крайней мере, никто не требует денег, которые вы якобы получили по подложному договору и без единого финансового документа.

– Свят, свят, свят. А с вас требуют?

Она оставила вопрос без ответа.

– Так что насчет встречи с Башировым?

– Да ладно вам, девушка! Или вы думаете, что я с ним вась-вась?

Лера терпеть не могла подобных выражений, просто ненавидела!..

– Я полагаю, что моя встреча с Башировым и в ваших интересах тоже.

Боголюбов вернулся за стол, кинул в рот еще одну сигарету, прикурил, посыпал себя пеплом и сказал, что подумает.

Лера поняла, что победила, встречу он ей организует. Теперь нужно точно ответить самой себе на вопрос, *что именно* она станет говорить олигарху.

Ей придется хорошенько подумать и посоветоваться с кем-нибудь. Лучше всего с Константиновым, который так странно разговаривал с ней сегодня утром!

Вспомнив про Константинова, Лера совершенно определенно почувствовала, как зачесалось у нее между лопаток, верный признак беспокойства. Она быстро попрощалась с Боголюбовым, который теперь задумчиво стряхивал пепел в пепельницу, все время промахивался, и бумаги у него на столе были серыми от мелких летучих хлопьев.

Лера посмотрела на хлопья, брезгливо сморщила нос и вышла из кабинета.

Некоторое время он сомневался, куда поехать, домой или сразу на работу, и решил все-таки, что должен заехать домой.

Константинов ненавидел таксистов, дежуривших возле вокзалов. Ненавидел хамство, навязчивое приставание, за которое все время хотелось дать в зубы, ненавидел «сто долларов в один конец», но его собственная машина осталась в гараже, а вызвать тачку из издательства было никак нельзя. Никто не должен знать, что он провел вчерашний день в Санкт-Петербурге, и уж тем более редакционный водитель.

Он вышел из здания, подреставрированного и разукрашенного к какому-то летию Москвы и нынче уже изрядно облезшего, нашел физиономию поприличней и сел в машину, которой физиономия управляла.

Сейчас он приедет домой, выпьет кофе, переоденется, ибо поездная нечистота всегда была ему в тягость, и поедет на работу.

Он не любил врать и понимал, что врать придется.

Любанова не должна знать, как ее заместитель провел вчерашний день, тем более в свете всех приключившихся событий.

Машинка ловко увернулась от ямы, подло вырытой посреди проезжей части, как бы специально для того, чтобы в нее с разгону сгали всякие невнимательные водители, надсадно рыкнула и вырулила к светофору перед Садовым. Время еще раннее, так что есть надежда, что до Сокола они доберутся быстро.

Итак, что мы имеем?..

Мы имеем внезапное убийство лидера партии «Россия Правая» в центре «криминальной столицы», совершенное на глазах у десятков людей обыкновенных и у нескольких людей необыкновенных, о которых сегодня упомянули в новостях.

Эти «необыкновенные» – знаменитая писательница Мелисса Синеокова, которая почему-то сидела в сквере на лавочке, как самый обыкновенный человек. Валерия Алексеевна Любанова, главный редактор газеты «Власть и Деньги», которая непосредственно перед стрельбой мирно пила с убиенным кофе. Главный редактор газеты «БизнесЪ», которого принесло именно в этот час и именно в то место, где совершилось убийство, и – внимание! – Ахмет Салманович Баширов, личность широко известная не только в отечестве, но и за пределами его, по слухам, самый влиятельный человек в державе после Тимофея Ильича Кольцова или даже наравне с ним.

Константинов позвонил Полянскому, чтобы узнать, чем закончились переговоры. Вот это да!

Странно, что Сосницкий Вадим Петрович из Лондона не нагрянул на такую судьбоносную встречу! Стоило бы ему нагрянуть, хотя бы для того, чтобы своими глазами увидеть, как человек, которому он доверяет свои деньги и даже некоторым образом имидж, за милую душу сдает его самого конкурирующему олигарху. И при этом не испытывает ни раскаяния, ни угрызений совести, ничего такого, что помешало бы ему вкусно пить кофе, обращать внимание на хорошеньких женщин в баре и все такое. По крайней мере, Константинов именно так себе все и представлял. Он плохо знал Садовникова, видел всего несколько раз в жизни, но устойчивое недоверие к политикам подсказывало Константинову, что именно так все и было – Садовников проданся Боголюбову и газете «БизнесЪ» легко и непринужденно: такие, как он, всегда продаются легко.

Если, конечно, им предлагают соответствующую цену.

Так что пристрелили его правильно, туда ему и дорога, но странностей очень уж много.

Днем, в центре города, да еще и на глазах у охраны!.. Причем не только у собственной охраны Садовникова, но еще и на глазах у охраны Баширова, а это гораздо серьезней!

Константинов усмехнулся с некоторым самодовольством, прищурился и посмотрел в окно. Не было ничего хорошего в том, о чем он думал, но все же ему нравилось, что он так ловко обвел всех вокруг пальца.

Никто не должен знать, что он ездил в Питер, – и никто не знает. Никто не должен знать, чем он там занимался, – и никто никогда не узнает, кроме единственного человека, ради которого он проделал все это!..

Никто не сможет его победить – и глупы те, кто думает, что его так легко взять за жабры. Он не дастся. Одного раза с него вполне достаточно.

Наверное, он начал задремывать. Машинка ехала быстро, пофыркивала, потряхивала содержимое, а этим содержимым как раз и был Константинов, и привиделось ему то, старое, что больше никогда не должно повториться.

Он студент, просто студент, и это ужасно. У него нет денег и связей, он не курит травку, не носит пиджаков с фамилиями знаменитых модельеров на подкладке, не подъезжает к зданию МГИМО на шикарной новой «девяточке», сверкающей вишневым лаком. Он поступил в вуз по «квоте».

Была «квота» на нацменьшинства и на военнослужащих. Константинов как раз и был военнослужащим, да еще и «афганцем»! Он попал в Афганистан под самый занавес, в восемьдесят шестом году, и в боевых действиях не участвовал, но военного горюшка хлебнул вволю. Он поступил в МГИМО не потому, что ему очень хотелось стать нашим посланником в Зимбабве и значительно сверкать очками, зубами и невиданными переливчатыми костюмами или участвовать в «перестройке и ускорении», а потому, что вуз был престижный и туда можно было попасть «за просто так».

Константинов попал и мучился потом пять лет – он оказался изгоем, а очень трудно быть изгоем, когда тебе двадцать два года и очень хочется, чтобы весь этот мир, огромный и прекрасный, пусть бы и не принадлежал тебе, но уж, по крайней мере, был бы на твоей стороне!

Весь мир ополчился против него.

У него были самые плохонькие джинсы, самые низкооплачиваемые родители и еще дурацкий портфель из кожаменителя, купленный на малаховском рынке, вместо тех упоительно кожаных, в которых носили свои книжки все остальные! И ручка у него была за сорок пять копеек; они еще страшно пачкались, эти ручки, и пальцы у него вечно были покрыты фиолетовыми несмываемыми кляксами.

Однажды он кому-то из сокурсников сказал нечто нелицеприятное о «королеве курса» Брушевой, а именно, что ее прекрасное лицо отнюдь не «обезображено» интеллектом. Ей донесли. Она была не только дура, но еще и подлая и мстительная. Мсть тоже была подлая и глупая, как сама Алиса.

Саша даже не сразу понял, кому и когда он перешел дорогу, но только вдруг на собрании курса Алиса Брушевая обвинила его в том, что он ее... изнасиловал.

Константинов сидел дурак дураком, ничего не понимал и только глупо улыбался, пока Брушевая, глядя в пол и покручивая, как бы в сильном волнении, бриллиантик на тонком аристократическом пальце, рассказывала, «как это было».

Рассказ был замечательный, с подробностями, со слезами, с детективной линией – Константинов заслушался даже, пока у него не потребовали объяснений. Когда потребовали, он опять до конца не понял, чего они от него хотят, не думают же на самом деле, что он изнасиловал дочку бывшего члена Политбюро, которую в институт привозил шофер на черной «Волге» с номерами «МОС»!

Он с ней, кажется, вообще не сказал ни одного слова, на семинарах она садилась далеко от него, у окна, с Димой Долговым, у которого отец служил в ООН, и, по слухам, Дима должен был сразу распределиться туда же, а это сулило большие перспективы будущей спутнице Диминой жизни. «В ООН» – тогда звучало точно так же, как на межпланетную космическую станцию.

Нет, нет, гораздо лучше станции!..

Саша Константинов, бывший воин-афганец, сын низкооплачиваемых инженерно-технических родителей, весьма средний студент, тяготящийся после армии своим вынужденным школьным положением, больше всего на свете любивший почитывать на диване Роберта Хайнлайна, захлебывая его крепким чаем и заедать черным хлебом с толстым куском любительской колбасы, вдруг оказался... уголовным преступником.

То есть на самом деле. То есть именно так оно и вышло. Без дураков.

Наверное, его посадили бы и расстреляли, тогда еще были расстрельные статьи, – да и без статей изнасилование дочки «члена»... шутка ли! – если бы не вмешался декан Александр Иванович.

Декану Александру Ивановичу не было никакого проку от студента Константинова. Одна морока, а проку никакого. Ни денег, ни славы этот студент не мог бы добавить декану, но почему-то тот студента пожалел. Или он просто оказался порядочным человеком?..

Декан Александр Иванович на своей собственной черной «Волге» приехал к дому родителей Константинова в Бибирево, долго вылезал из нее, а вылезши, так же долго оглядывался по сторонам, неспешно и с усмешечкой, как будто все увиденное его страшно забавляло.

Константинов смотрел на него с балкона. Тогда он все дни торчал на балконе, твердо решив, что выпрыгнет в ту же секунду, как только за ним придут из милиции. «Дело» раскрывалось, и прийти должны были уже вот-вот. В комнате, за стеклянной балконной дверью, пыльной от липового цвета, который летел от пахнущих медом и лугом деревьев, постоянно плакала мать. А когда не плакала, все звонила по знакомым, все искала кого-то, кто мог бы «помочь», все бестолково предлагала деньги, и все время разные суммы, очевидно, от отчаяния. Однажды предложила почему-то сто двадцать семь рублей и сорок копеек, или это все, что у них с отцом было?..

Александр Иванович, вдоволь наоглядывавшись и наусмехавшись, остановил какую-то бабушку, тащившую из гастронома пудовые сумки то ли с сахаром, то ли с мукой, и стал неслышно о чем-то ее выпрашивать. Константинов все смотрел, свесившись через перила и лениво прикидывая, прыгнуть ему уже или пока воздержаться.

Он даже представил себе, как летит, раскинув руки, лицом к земле, и в груди у него замирает и останавливается сердце, и он чувствует, как оно замирает, как ударяет в последний раз, и он знает, что больше оно уже не ударит, и нужно пережить еще только одно – удар об асфальт, после которого ему, Константинову, станет наплевать на милиционеров и на Алису Брушевскую!..

Должно быть, он думал об этом долго, потому что вдруг Александр Иванович оказался у него за спиной и бесцеремонно потянул его за майку.

Мать, похожая на суслика, вытянувшегося перед своей норкой в струну, маячила на заднем плане, прижимала руки к груди. Декан посмотрел на Константинова, фыркнул и осведомился строгим голосом, вправду ли его студент осуществил плотское познание Алисы Брушевской силой и без ее согласия.

Именно так он и выразился.

Константинов независимо пожал плечами, независимо поставил ногу в тапочке на прожавевшую балконную арматуру и независимо вскинул голову.

Александр Иванович сообщил, что из этих его телодвижений ничего не понял и просит студента отвечать по существу.

И тут с Сашей Константиновым, бывшим воином-афганцем, который два года проторчал в Джелалабаде, который умел, не пьянея, пить медицинский спирт, раз в год встречался с однополчанами на кургане близ Москвы-реки, специально далеко от людей, чтобы не пугать их пьяными слезами и песнями про «черный тюльпан», от которой рвались гитарные струны, вот с этим самым Сашей и случилась истерика.

Он заплакал, закричал, завыл и с ужасом понял, что *видит* себя, рыдающего и бьющегося об арматуру балкона, как будто сверху и сбоку, и видит мать, которая бежит, протискивается в узкую стеклянную дверь с кувшином в руке, и видит, как из этого кувшина на его дергающееся и орущее лицо льется вода. Видит, как сторонится декан Александр Иванович, переступает ногами в модных трехполосных кроссовках. Он был большой модник, носил всегда джинсы, кроссовки и шикарные клетчатые твидовые пиджаки, которые привозил с семинаров из Шотландии, и факультетские барышни по нему вздыхали, даром что декану было уже за пятьдесят!..

Потом Константинов перестал рыдать и биться, как-то моментально пришел в себя, вытер с лица воду и трезво посмотрел на мать и Александра Ивановича.

Декан, морща нос, осведомился, все ли со студентом в порядке, и повторил свой вопрос.

Саша сказал очень усталым голосом, что, разумеется, никого он не насиловал – сдалась она ему, эта Брушевская! – и даже не разговаривал с ней, и вообще, кажется, ни разу не подходил к ней ближе чем на пушечный выстрел.

И декан камня на камне не оставил от всех обвинений в его адрес.

В два счета он доказал папе-Брушевскому, что его студент никогда не был ни на какой даче и вообще не осведомлен о том, где эти дачи располагаются! Кроме того, на даче есть охрана, не та, которая сторожит самого папу, та подтвердит что хочешь, даже то, что на участке живет небольшой сиреневый венерианец, а та, которая сторожит въезд-выезд, а также забор. У этой охраны нет никакой информации о том, что вышеупомянутый студент хотя бы раз был приглашен на вышеупомянутую дачу и действительно туда приезжал. Кроме того, в тот самый день и час, когда Алиса Брушевская подверглась грязному насилию, студент Константинов выступал на соревнованиях по стендовой стрельбе, так сказать, защищал честь факультета, и кто угодно может это подтвердить, ибо все его там видели! Соревнования продолжались

до вечера, а после соревнований Константинов с парочкой приятелей отмечал победу в кафе «Шоколадница», что напротив стадиона «Динамо», где их тоже все запомнили, так как они там очень на шумели. Но и это еще не все!.. В метро, куда они пытались ввалиться без жетонов и без студенческих, их остановил милицейский патруль, вызванный бдительной бабушкой-вахтершей, и они оставшиеся полночи проторчали в «обезьяннике», куда всех затолкали за нарушение общественного порядка.

То есть – смотрите, граждане, – этот самый предполагаемый насильник с шести часов утра, когда он уехал из своего, господи, прости, Бибирева, и до... ну да... до шести часов утра следующего дня *все время* был на глазах у целой кучи народу. Так что лучше бы вы, граждане, выбрали для своих экзерсисов кого-нибудь другого, кто в стендовой стрельбе не участвовал и в «обезьяннике» не сидел, к примеру.

Должно быть, папа-Брушевский, наслушавшись декана Александра Ивановича, понял, что дочкина забава зашла слишком далеко. И поддержать благородное дочкино начинание по подведению Саши Константинова под расстрельную статью будет сложно, очень сложно. Дело придется не просто фабриковать, а *складывать* от начала и до конца, а у папы и без дочки на тот момент было полно забот – перестройка и ускорение, объявленные генсеком, сам черт не разберет!..

Дело замяли.

Даже нет, не так.

Его смяли и выбросили в корзину, как использованный черновик от контрольной работы.

Декан Александр Иванович не стал слушать никаких благодарственных речей от константиновских родителей и даже сто двадцать семь рублей и сорок копеек решительно отверг.

Нельзя быть таким размазней. Что вы, ей-богу, юноша!.. Ну, растерялись в первый момент, а дальше-то что?.. Нужно защищаться, тем более вы ни в чем не виноваты! Впрочем, защищаться нужно, даже когда вы виноваты, это я вам точно говорю!

Все обошлось, но тогда первый раз в жизни Саша Константинов вдруг почувствовал, что любой человек может сделать с ним все, что угодно, просто потому, что он, Саша, никто, ноль без палочки или как там еще говорится!..

Он понял, что помощи ждать неоткуда, декан Александр Иванович – его неслыханная жизненная удача, ангел-хранитель, подмигнувший с правого плеча! Если бы не он, Сашу расстреляли бы в тесной комнатке с толстыми крашеными стенами, которые не пропускают звуков и с которых легко смыть кровь. Его расстреляли бы и отволокли тело, чтобы освободить место для следующего отправляющегося на тот свет, и деловитый лопухий сержантик с подшитым воротничком и закатанными рукавами шваброй смыл бы с цинкового пола его, константиновскую, черную кровь!

Он понял, что всегда и везде должен надеяться только на себя, не подмигнет ему больше ангел-хранитель, он и так сделал для Саши больше положенного!

Саша решил, что в другой раз не дастся – никогда и никому.

Он быстро и успешно окончил МГИМО, стал бешено делать карьеру журналиста-международника, никому не доверяя и ни с кем и ничем не делясь.

С тех пор и навсегда он усвоил, что правила существуют только для бесправных. Те, у кого есть права, никаких правил могут не соблюдать.

Те устанавливают свои правила. С некоторых пор Саша Константинов стал устанавливать собственные правила и совершать собственное правосудие.

Он проснулся на заднем сиденье чужой машины, тяжело дыша. Лоб был мокрый и ладони липкие.

Как же это вышло, что он заснул, да еще вспоминая то, давнее и неприятное? Теперь весь день будет думаться об одном и том же, и ни на чем сосредоточиться он как следует не сможет!

Телефон трясся в нагрудном кармане, он выхватил его липкими пальцами, увидел, что звонит Любанова, и не стал отвечать.

Может, в редакции и считается, что он собственность главной, но он, Александр Константинов, так не считает. Валерия Алексеевна вполне может обойтись без него какое-то время.

Он добрался до дому, расплатился и вышел из такси.

То, что в доме у него кто-то есть, он понял сразу. Форточка на кухне была чуть приоткрыта, посверкивала на солнце. Уезжая, он сдал квартиру на охрану, и никого не должно в ней быть, даже родители, у которых есть запасной ключ, не могли просто так зайти в квартиру сына!

Машина у него за спиной разворачивалась, расплескивая лужи, и он поймал себя на мысли, что хочет остановить ее, прыгнуть в салон и уехать от греха подальше, на работу, туда, к Валерии Алексеевне, про которую он только что думал, что она вполне может без него обойтись!

Оказалось, что он обойтись без нее совсем не может.

Константинова остановило то, что ему стало... неудобно. А водитель? Что про него подумает водитель?!

Выращенный в благополучнейшей инженерно-технической семье, где мама почитывала на ночь Лескова, а отец по выходным шкурил самодельный автомобильный прицеп, на котором предполагалось выезжать с семьей в долгие путешествия, Константинов очень часто делал или не делал что-то из-за того, что ему было «неудобно».

Взглядом исподлобья он проводил потрохавшую мимо него машину и вновь посмотрел вверх. Форточка определенно была открыта.

Он моментально вспомнил события последних дней, все сопоставил и перепугался.

Перепуганный креативный директор издательского дома «Власть и Деньги» остался один посреди сталинского двора, засаженного чахлыми липами, с круглой клумбой, разрытой автомобильными колесами посередине.

Можно ничего не делать. Можно выйти на проспект, остановить какую-нибудь другую машину, перед водителем которой не будет неудобно, и уехать в редакцию, а оттуда позвонить в милицию. Сказать, что у него дома воры. Приедут менты и во всем разберутся. Сами, без него.

Скорее всего, он так бы и сделал – не геройствовать же на пустом месте, в самом-то деле! – если бы не... Если бы не все те же события последних дней, о которых он вспомнил с таким детским потным испугом.

Если он уедет в редакцию и станет оттуда звонить, все узнают то, о чем знать не должны. Значит, он не уедет.

Он поднимется в квартиру, даже если это обернется для него бедой. В конце концов, он уже давно не тот беспомощный студент-третьекурсник, спасти которого пришлось декану Александру Ивановичу!..

Должно быть, это было самым глупым решением в жизни Константинова, и ему даже показалось, что в голове у него как будто развернулся плакат с надписью «Глупое решение!», но он пошел наверх.

Он не стал вызывать лифт, чтобы не приехать слишком быстро. Он шел, считая ступеньки, шел медленно, смотрел на сверкающие носы своих начищенных ботинок и с ужасом думал, что отступать ему некуда.

Он сам решил... идти. Теперь убежать – значит струсить, а он не должен трусить, даже перед самим собой. Особенно перед самим собой!..

Он же... воевал когда-то. То есть не воевал, но видел войну своими глазами и так близко, как не должен видеть ее ни один нормальный человек.

Широкая лестница сталинского дома пологой волной возносила его все выше и выше. Константинов шел все медленней и медленней. Шестой этаж. Не слишком высоко и не слишком низко.

На просторной площадке было светло и как-то очень торжественно, как на выпускной школьной линейке. Константинов долго не мог понять, почему, а потом понял – окна помыли, и солнечный свет оказался легким и радостным, каким-то воздушным. Далеко внизу, как из бочки, глухо лаяла собака, и он пожалел, что у него нет собаки.

Так. Он готов ко всему. Нужно собраться с духом, и все.

Решительным движением Константинов вставил ключ в замок, повернул его и вошел.

В квадратной просторной прихожей тоже было солнечно и тихо, и торжественно, как на площадке, но все же что-то изменилось, и он сразу это почувствовал.

Его портфель, который он поставил у стены, исчез.

Он поискал глазами – нет портфеля! А должен быть, он всегда ставил его на одно и то же место! Если бы Саша мог, он испугался бы еще больше, но у него уже не было сил пугаться. Что бы там ни происходило, кто бы там ни был, в его доме, он сейчас все узнает.

Пан или пропал!..

Очень тихо и осторожно Константинов двинулся внутрь своего дома, который вдруг стал для него враждебен, и не просто враждебен, а как-то подло враждебен, потому что он все еще продолжал прикидываться его домом. Он вошел в коридор и увидел тень, которая плотным пятном лежала на белой стене.

У него в квартире все стены были белыми – угораздило его когда-то сделать «евроремонт», а переделывать «евро» на нормальный у него не было ни времени, ни сил.

Константинов увидел тень и замер, а тень, наоборот, зашевелилась и задвигалась – она же не видела Константинова! Он почему-то удивился, что тень двигается беззвучно, он ожидал грохота, подобного тому, какой бывает в кино, когда в спальне красотки орудует маньяк, но беззвучная действительность оказалась страшнее.

В ванной у него швабра. Как войдешь, сразу справа. Швабра и ведро. Ведро вряд ли ему пригодится, а вот швабра очень даже может. Фактор внезапности это называется. Если неожиданно шарахнуть по голове, хоть бы и шваброй, вполне можно оглушить. Ну, если уж не оглушить, значит, вывести из строя хоть на какое-то время. Нужно только как-то изловчиться и открыть дверь в ванную раньше, чем непрошенные гости его засекут.

Если засекут, все будет плохо. Все будет просто ужасно.

В тот же миг его креативное воображение нарисовало ему картинку, очень отчетливую – как его будут хоронить, как Любанова будет стараться держать себя в руках, как заплачет Марьяна, секретарь редакции, как что-нибудь трогательное скажет Андрей Борисыч, а бандерлоги по причине траура напялят галстуки и заскучают.

Картинка была настолько отчетливая и красочная, что Константинову стало совсем худо. Ну да, он трус и знает об этом. Он никогда не умел защищаться и, если бы не декан Александр Иванович, так и не научился бы! Он умеет... А впрочем, сейчас-то какая разница, что именно он умеет!..

Тень опять шевельнулась и поползла, и, зажмурившись, Константинов нырнул в ванную, схватил швабру – ведро упало и загрохотало по плитке, а он сильно ударился плечом о косяк, так сильно, что слезы потекли из глаз и правая рука, та самая, в которой у него был «фактор внезапности» под названием «швабра», повисла, как плеть.

Фактор внезапности внезапно утратил внезапность!

Тень уже не ползла, она стремительно приближалась, Константинов обнаружил это, вывалившись из ванной.

Тень уже почти закрыла чистый и торжественный школьно-актовый солнечный свет, и тогда он кинулся головой вперед, размахнулся, чтобы ударить, и...

– ...и чего теперь?

– А ничего! А то, что я тебе говорил: бабю за просто так нам никто не отмусликает, а ты – поедем, поедем, блин! Вот и поехали!..

– Да что ты расперделся-то! Ща придем потихонечку, кофейку хлопнем, побазарим с кем-нибудь! Может, чего и узнаем...

– Да с кем ты побазаришь, когда во всех новостях нашу мамку показывают и говорят, что она там была!

«Мамкой» крутые программисты время от времени называли Леру Любанову – когда очень боялись или когда требовалась ее помощь. Леру «мамкой», а Константинова «папкой», хотя, в отличие от Любановой, он был не самый большой начальник, были и покрупнее.

– А если узнает кто?.. Ну вот хоть кто узнает, что нас тоже туда носило, и че тогда?! – Бэзил Gotten Пивных даже по сторонам зыркнул – не слышит ли кто.

Никто не слышал, потому что на стоянке за невысокими елочками и непонятными тумбочками с навесными речными цепями, крашенными черной краской, они были одни. Только бы охрана не догадалась, о чем они шушукуются, не вышла бы посмотреть!

– Да кто узнает?! Как?!

– А хрена лысого знает как! Стуканет кто-нибудь, чтобы нас того... чтобы нас... того...

Алекс Killer Кузяев посмотрел подозрительно, даже перестал независимо крутить на пальце ключи от «восьмерки».

– Да кто стуканет-то, Васька?! И кому?

– Да тот, кто нас в этот, блин, город на Неве приволок! Вот он и стуканет, что мы с тобой... из-за нас с тобой...

– Тихо ты! Чего орешь на весь паркинг?!

– Да че паркинг! Скоро на всю редакцию заорут, что мы с тобой!..

– А че мы-то? У нас за компы не сажают, нету такой статьи, сам мне говорил!

– Да я говорил, чего в журнале прочитал! Там так написано было – не сажают, а на самом деле хрен его знает, может, и сажают! А если заказчик стуканет, и нас... того?..

– Да чего – того?!

– Пришьют нас, и все дела! Чтобы не мешали, блин!

Killer Кузяев каким-то странным, неловким движением уронил в лужу ключи от своей машины и нагнулся, чтобы поднять. Поднял и потряс в воздухе. С ключей капала грязная вода. Killer вытер их о штаны и сунул в карман.

– Ты че, заболел, сын мой?! Кому мы нужны?!

– А тому, – зашептал Бэзил Пивных в самое ухо Алексу, – кто все это затеял. Кто тебя в сетке нашел и кучу бабла за услуги предложил! Кто нас в *ту* квартиру поселил и кто задание давал! Откуда он знал, что ты с голосами работаешь?! Ты кому говорил?

Алекс подумал. Он совсем не чувствовал себя виноватым, но беспокойство Бэзила передалось и ему.

– Ну... тебе говорил. Юрику говорил, который мне тогда кучу прогов специальных напер. Еще Сашку говорил, который сисадмин¹ у этих...

Бэзил в одну секунду позеленел и даже с лица спал немного.

– А по радио ты не объявлял, для чего тебе все эти проги и все такое?! Придурок, блин, урод! Пол-Москвы в курсе, а он у меня еще спрашивает! Какого-то кекса крутого урыли и нас к этому делу приспособили, а он меня еще спрашивает!

– Как нас приспособили?!

– А ты не знаешь как! Мамку кто дурил?!

– Ну... мы дурили, ну и чего?

¹ Системный администратор.

– А мамка в это время в том самом городке обреталась, где кекса завалили и где мы с тобой... художественно выступили! Сдадут нас за милую душу, и все – поливайте фикусы и высылайте деньги! Мамку-то мы подставили? Подставили! Кекса в Питере ухлопали? Ухлопали! Это называется – политическое дело, вот как это называется! Теперь будут крайнего искать, а чего искать, когда мы – вот они, самые что ни на есть крайние!

– Да мы ни при чем, Васька!

– Да мы-то как раз и при чем, Леха! Может, этот кекс мамкин самый разлюбезный друг был, или, наоборот, самый заклятый враг! А мы во все это по самые помидоры вляпались! – Бэзил перевел дыхание и утер сухой лоб. – Мы же ничего не знаем! Зачем нас в Питер гоняли, зачем ты голосовую прогу писал?! Не просто так же! – Он подумал, сморщился и добавил жалобно: – И главное, бабла не дали ни копей! Ну что за ботва, прикинь!

Алекс Killer Кузяев молчал.

Конечно, он крутой и всякое такое, и он сам отлично знает, что за баловство с компьютером в этой стране в тюрьму не сажают, это тебе не Америка, обетованная земля всех крутых «хакеров и программеров», но... Васька волнуется, а в последний раз он волновался, когда на третьем курсе физрук, скотина, хотел ему в семестре пару вlepить за то, что Васька высосал на физре пузырь дешевого портвейна и ушел в отруб! С той поры он, кажется, больше ни разу не волновался.

Собственно, притянуть их ни за что нельзя, и того кекса они в глаза не видали, но то, что вся эта история мутна и дурно пахнет, – это точно. Это к гадалке не ходи!..

Может, отпуск взять?.. Ну... пока все не рассосется. Уехать на Волгу, в Саратов, и там рыбешку половить да в местном баре девчонок поспинать? А что? Неплохая идея!

Сию неплохую идею он моментально изложил Бэзилу и получил в ответ черную неблагодарность.

Бэзил, вместо того чтобы возликовать, сообщил Алексу, что тот «чукча нерусская» и что они должны не в отпуск ехать, а как-то себя... «обезопасить».

Как именно, Бэзил не знал.

– Пошли к Константинову, а? – жалобно попросил он Алекса. – Ну пошли! Мы ему все расскажем. А он что-нибудь придумает!

– Ты чего? Заболел? Константинов первый мамкин прихвешник! Он сразу к ней ломается, и все, будь здоров! Нельзя нам к нему идти!

– Тогда, может, в ментуру?

– Сдурел совсем! Какая тебе ментура?! Вот менты-то уж точно решат, что кекса мы завалили!

И они замолчали и уставились в разные стороны. Какая-то птичка присела на ветку, отряхнула капли вчерашнего дождя, покопалась у себя под мышкой, под крылом, вstopорщилась и была такова.

Бэзил Gotten птахе позавидовал. Вот уж воистину не знает она ни заботы, ни труда, чирик – и нету ее, улетела! Куда бы Бэзилу улететь, да так, чтобы никто его не нашел?!

Поднялся и опустилс я шлагбаум – какая-то машина заехала на асфальтовый пятячок, который в редакции шикарно называли «паркинг». Как все «паркинги» в центре Москвы, был он крошечный и неудобный, машины стояли в один ряд, кроме того, ровно три четверти мест было «абонировано» начальством, а из оставшихся два были «гостевыми». Поставить машину на «паркинг» считалось в коллективе большой удачей. Из машины вышла секретарша Марьяна, покопалась в салоне, выставив на обозрение идеальную попку, обтянутую идеальной черной юбкой, переступила ногами.

Бэзил Gotten вздохнул печально.

...нет, ну почему – как клевая девчонка, так всегда мимо кассы, а?! Нет, ну вот почему в мире такая несправедливость наблюдается?!

Марьяна обошла свою машину, открыла и закрыла багажник – зрелище еще печальнее, потому что открылся превосходный обзор Марьяниной задницы, – и канула за елочки. Там пролегал короткий путь к редакционному крылечку, знаменитому на всю Москву дверной ручкой. Ручка была бронзовая, в виде человеческой руки, показывающей фигу. Что именно хотел сказать дизайнер, присобачивший такую ручку на дверь солидного и процветающего издания, так и осталось загадкой, но крутым хакерам она очень нравилась. Время от времени они сообщали друг другу, что «вот было бы круто, если бы вместо руки был пенис»!

– Значит, так, – неожиданно басом сказал рядом Алекс Killer, – будем выжидать. Нет, а чего такого-то?! Нет нас и не было ни в каком Питере! И никто не докажет, что ту голосовую программу я писал! Да мы и не знаем, пошла она в дело или не пошла!

– Да сто пудов пошла, как же она не пошла, когда нас специально под это дело в Питер...

– Этого мы не знаем, – перебил его Алекс. – И вообще сидим тише воды ниже травы, пятаки не высовываем!..

– А если мамку посадят?

– Да мамка сама разберется, она третья! Самое главное, чтобы нас не припекли, а на остальное... – и Алекс, не будучи покладистым котенком и мышонком, развесисто сформулировал, что именно нужно сделать «с остальным».

Бэзил Gotten ни в чем не был согласен со своим напарником, но решил не спорить – место было уж больно неподходящее. Еще какая-то машина остановилась недалеко от стоянки, и Бэзил все время на нее косился.

Ну и ладно. Если Алекс козел, так пусть и дальше козлит, а Бэзил еще подумает, как он может себя «обезопасить». В конце концов, он и сам может пойти и сдать, Алекс для этого ему вовсе не нужен.

Совершенно упавшие духом, но старающиеся бодриться, они побрели к редакционному крылечку, и даже фигу их не вдохновила, и ни один из них и не вспомнил о том, что «было бы клево, если б вместо нее был пенис».

Некоторое время перед входом в редакцию ничего не происходило, а потом открылась дверь той самой машины, которая остановилась недалеко от стоянки. Дверь открылась, и из нее вышел человек.

Самый обыкновенный человек в костюме и с портфелем – таких костюмов и портфелей в редакции было великое множество.

Помахивая портфелем, человек дошел до «восьмерки» Алекса Killer Кузьева, быстро оглянулся по сторонам и вставил в замок блестящую штучку.

Некоторое время она не хотела поворачиваться, скрежетала и за что-то цеплялась. Насвистывая сквозь зубы, человек продолжал свои попытки. Железка вдруг вгрызлась поглубже, провернулась, и дверь как будто ослабла. Не торопясь, человек убрал свою железку в карман, поставил портфель на мокрый асфальт, еще раз оглянулся и открыл дверь. Машинное нутро, как перегаром, дохнуло на него застарелой сигаретной вонью, запахом прокисшей еды, должно быть, еще юношеским потом от какого-то барахла, кучей сваленного.

Человек поморщился. Лезть в машину было неприятно, как ночевать в кибитке монгольского кочевника.

Впрочем, он все сделает быстро. С некоторым усилием откинув переднее кресло, благословляя всех инженеров-механиков, сконструировавших такую прекрасную машину с таким прекрасным передним креслом, он покопался в куче барахла, сваленного на заднем сиденье.

Там не было того, что он искал. Человек несколько секунд подумал. Он никуда не спешил, и это было странно, ибо занимался он делом совершенно противоправным – обыскивал чужую машину.

Внимательным взглядом он окинул салон, слегка поморщился, когда глазами наткнулся на смятые бумажные пакеты, и одним пальцем поддел крышку «бардачка». Оттуда лавиной

хлынул всякий мусор, конфетные фантики, скомканные бумаги, а напоследок съехали компакт-диски в прозрачных пластмассовых коробках и вообще без коробок. Человек нагнулся и стал перебирать их. Некоторые он отбрасывал сразу, а другие внимательно изучал.

На одном из дисков жирным черным маркером было коряво написано: «С-бург, заказ, май». Человек усмехнулся, интуиция его не подвела, аккуратно спрятал диск во внутренний карман пиджака, захлопнул дверь, даже подергал ее, проверяя, закрылась ли, поднял с асфальта свой портфель и зашагал по своим делам.

От тишины можно было сойти с ума.

Мелисса Синеокова сидела на кровати и думала так: как бы мне не сойти с ума.

Что я буду делать, если вдруг здесь я рехнусь? Или умру? Вот что мне делать, если я тут умру?

Тишина была убийственной. Она тоненько звенела в ушах, дрожала внутри головы, и первый раз в жизни Мелисса Синеокова поняла, что такое слуховые галлюцинации, когда звук рождается внутри черепа и мозг понимает, что этого звука нет, а уши слышат лавину, грохот, обвал!

Которых нет.

Нет. Нет. Нет.

Вначале она пыталась говорить вслух сама с собой, но это оказалось еще хуже, потому что жалобные, хриплые звуки, которые издавало ее горло, увязали в тишине, пропадали в ней. И еще становилось очень жалко себя, несчастную, оказавшуюся «на грани безумия», как она сама иногда писала в своих детективах.

– Ты не бойся, – шептала она себе, и от шепота, тишины и темноты слезы наворачивались на глаза, начинали потихоньку капать, стекать, а уж потом литься ручьем. Слезы попадали на губы и катились с подбородка, попадали на руки. Мелиссе они казались очень горячими. Ей даже странно было, что слезы такие горячие, как кипятки.

– Ты не бойся, – шептала она и гладила себя по коленке, – мы что-нибудь придумаем!..

«Мы» – это как бы та Мелисса, которая снаружи, подбадривала ту Мелиссу, которая внутри.

«Мы» – в этом была надежда, которая вдруг вспыхивала очень ярко, прогорала, как спичка, и все вокруг снова погружалось во мрак.

Чирк, вспышка, жаркий и живой огонь, – меня будут искать и найдут! Меня увезли от гостиницы среди бела дня, меня все видели, а у нашего издательства есть служба безопасности, которая меня выручит!

Огонь слабеет, умирает, гаснет – я останусь тут навсегда! Он же ненормальный, тот тип, что меня похитил! Господи, он совершенно ненормальный, и хуже всего, что он так ни разу и не появился. Он приволок меня сюда и исчез, и с тех пор ни разу не появлялся!

И снова вспышка, и снова как будто озарение – Васька не даст мне пропасть, и Лера не даст, они уже наверняка знают, сколько времени прошло, день, час, неделя!.. Это я сижу тут в темноте и ничего не знаю, а они наверняка меня уже ищут и обязательно найдут! Лера – и чтобы не нашла?! Такого не может быть, просто не может быть, и все тут!

И снова умирание, чернота – она никогда, никогда отсюда не выберется! Она не помнит даже, сколько они ехали, может, день или два! И не знает, сколько времени она здесь сидит.

Часов не было. Васька подарил ей в прошлом году очень дорогие, и она «жалела их носить». Он ругался и подкладывал часы ей на столик перед зеркалом, и она надевала, но все время помнила о них, поднимала манжету, проверяла, на месте ли, и заодно смотрела время, как пятиклассник, который никак не может дождаться, когда кончится ненавистное природо-ведение!

Очухавшись от беспамятства, Мелисса некоторое время не могла понять, где она и что с ней, и вдруг подумала, что умерла и ее похоронили заживо, как Николая Васильевича Гоголя, согласно известной легенде.

И тогда, зажмурившись в абсолютном мраке, чувствуя, что темень давит ей на глаза, на переносицу, на череп, она вскочила – сильно закружилась голова, так что пришлось взяться за нее двумя руками. Но это простое движение убедило ее, что она не в могиле, что она жива!

Мелисса долго сидела, держась за голову, а потом попробовала встать.

Руки и ноги целы, точно целы, и даже слушаются, вот только в голове звон и во рту сухо. Сухо и как-то очень неудобно. Неудобно от того, что язык разбух и не уместился на своем привычном месте, цеплялся за зубы, и хотелось откусить от него хоть часть, чтобы он стал немного поменьше.

Тут Мелисса поняла, что непременно умрет от жажды. Сухо было не только во рту, но и в глотке, и, кажется, в желудке тоже сухо. Так сухо, что стенки прилипли друг к другу, и только большой глоток воды спасет ее, разлепит ссохшиеся внутренности. Чем больше она думала о воде, тем невыносимей хотелось пить, и язык разбухал все больше, и она вдруг задышала ртом – от страха, что задохнется, ее разбухший язык не пропустит в легкие ни глотка воздуха.

Темнота была абсолютной, как бывает, наверное, в могиле, и никто из живых не должен видеть такую темень, ибо она предназначена только для мертвых!..

Вот тогда Мелисса заплакала в первый раз, и эти слезы вдруг помогли ей. Слезы вымыли сухость изо рта и горла, стекли в слипшийся желудок, и язык уменьшился в размерах, и она стала длинно и глубоко дышать носом, стараясь надышаться впрок и понимая, что это невозможно.

Потом она нашла воду. В полной темноте она шарилась руками и нашарила что-то плоское и с острыми углами, кажется, грубо сколоченный стол, или, может, козлы, которыми пользуются деревенские плотники, когда рубанком сгоняют душистую завитую стружку к краю длинной и звонкой сосновой доски.

Как бы ей хотелось сию же секунду стать деревенским плотником, чтобы в просторном сарае, где пахнет сеном и деревом, стояли самодельные козлы, а вдоль стены были навалены смолистые доски, а она водила бы рубанком по желтой древесине, шурилась на утреннее солнце, которое вваливается в распахнутые щелястые двери, слушала, как под крышей, попискивая, возится какая-то птица!

Она шарилась руками. Кажется, там было очень пыльно, и в палец, почти под ноготь, воткнулась щепка. Дальше – она нащупала, наваливаясь на доски животом, – была стена, тоже деревянная. В этот момент что-то свалилось на пол, глухо стукнулось и покатилося, Мелисса слышала, как оно катилось и, похоже, булькало.

Это бульканье заставило ее слотнуть слюну, которой не было во рту, только язык, как ржавая терка, прошелся по изнемогшему нёбу. Она повернулась на звук, вытягивая шею и едва дыша. В полной темноте она проворно опустилась на колени и поползла в ту сторону, куда укатилось то, что так волшебным образом булькало. Так волшебным и так похоже на воду. Лбом она стукнулась обо что-то непонятное, повернула и снова зашарила руками, и нашарила!

В пластмассовой бутылке была вода, примерно половина емкости, и Мелисса жадно выпила ее всю до капельки, и потом еще высосала остатки, и, тяжело дыша, утерла рот.

Какое-то время она еще проживет. Не умрет от жажды. Не задохнется от распухшего языка.

Сидя на полу посреди тьмы, она снова заревела, и ревела долго, в голос. Проревевшись, она крепко вытерла лицо ладонями, доползла до кровати – она точно знала, что это кровать, потому что слышала, как тряслась холодная пружинистая сетка под волплым матрасом, уселась и стала думать.

У нее долго это не получалось – думать, – и приходилось все время возвращаться из мрака. Усилием воли возвращаться.

«Значит, так.

Меня похитили. Прямо от гостиницы, среди бела дня. Как в кино. Какой-то человек позвонил и сказал, что меня ждут на съемках в павильоне на улице Чапыгина и сейчас за мной приедет машина. Потом тот же голос позвонил и сказал, что машина приехала».

Тут начиналось ужасное, и Мелисса еще немного поплакала, чтобы дать себе отдохнуть.

Она села в эту машину, маленькую и страшненькую, совершенно ни о чем не раздумывая, потому что звонивший ей человек говорил все «правильно» – он правильно назвал передачу, в которой ей предстояло сниматься, правильно назвал улицу, где должны были проходить съемки, – сто раз Васяка возил ее на Чапыгина, – и вообще говорил какие-то правильные слова и называл ее Людмилой, а не Мелиссой. Так ее называли только «свои».

И машинка, маленькая и страшненькая, не показалась ей странной, подумаешь! На каких только машинах ее не возили!

Однажды на склад, где она должна была подписывать книги для Тамбовской областной библиотеки, ее вез грузовой «москвичок», именуемый в народе «каблук». Невразумительный мужичонка рулил «каблуком» словно из последних сил, а может, ей так казалось, потому что мотор все время глох, и мужичонка, отчаянно жуя «беломорину», наваливался на руль, суетился, дергал «подсос» и все время повторял:

– Да что ж ты, милай!.. Ну, давай, давай, милай!..

Как будто машина была лошастью.

Кроме того, Леша Денисов из рекламного отдела, улыбаясь извиняющейся улыбкой, подложил ей под ноги несколько запечатанных пачек с книгами, которые нужно было «захватить» на склад, откуда завтра пойдет «транспорт». К груди будущая знаменитая писательница прижимала объемистый портфель, в котором утром привезла редактору Ольге Вячеславовне рукопись.

– Мила, – Ольга Вячеславовна улыбнулась, взглянув на папку, которую Мелисса гордо водрузила перед ней: принимай, мол, работу! – Вы можете не распечатывать текст и не возить такие тяжести. Зачем? Я сама распечатаю.

– А разве... так можно? – пробормотала Мелисса растерянно. Редакторша представлялась ей существом высшей касты, небожительницей, олимпийской богиней, которая не должна утруждать себя распечатыванием ее рукописи!..

– Ну конечно, можно! – уверила Ольга Вячеславовна, и Мелиссе показалось, что она с трудом удерживает смех. – Я давно хотела вам сказать, но все время забываю!

Таким образом на склад они прибыли через несколько часов мучений – машина глохла, мужичонка ее заводил, портфель съезжал с коленей, ноги, задранные сверх всяких приличий и представлений о здравом смысле, затекли и казались чужими. Кроме того, печка в «каблуке» наяривала так, что Мелисса поминутно утирала мокрый лоб, а на сиденье под ней, должно быть, натекла небольшая лужа.

Зато со склада ее забрал «Мерседес» генерального директора, и она почувствовала себя пастушкой, внезапно вознесшейся напрямик в принцессы.

Итак, машина несколько ее не удивила, и она не запомнила ни номера, ни марки, только бейсболку, в которой был водитель. Что-то в этой бейсболке показалось ей знакомым, и все тянуло заглянуть под козырек, в лицо тому, кто за ней приехал, но он как-то ловко уворачивался, да и времени у нее особенно не было.

Они еще не выехали с Вознесенского проспекта, когда он... когда он...

Как только она вспоминала о том, что случилось, ее начинало тошнить, до сухих спазмов, до слез, которые катились и падали крупными каплями, пока желудок выворачивался наизнанку.

– Тихо, тихо, – говорила она себе между спазмами и зажимала рот липкой ладонью, – тихо, тихо...

Но ничего не помогало!..

Как будто снова отвратительная струя ударяла ей в лицо, и она, еще на какую-то долю секунды успев удивиться, начинала умирать. Сознание меркло, и в горло как будто заливали жидкую резину, от которой невозможно было дышать, и она текла в желудок и скоро заполнила его, и ее стало рвать, и... дальше она ничего не помнила.

Очнулась она уже здесь, в полном мраке, и у нее не было часов, и она даже не могла определить, сколько времени провалялась в этой могиле!..

Нельзя отчаиваться. Никогда. Из любого безвыходного положения всегда найдется, по крайней мере, два выхода.

Так всегда говорил Василий Артемьев, и он, Василий, уж точно не одобрил бы ее рыданий.

Впрочем, так же точно он не одобрил бы ее беспечности, когда она села в машину к чужому человеку, не удосужившись ничего проверить!.. И ее героизма, когда она решила непременно ехать на съемки, несмотря на температуру. И уж точно ей попадет за то, что она вообще потащила в Петербург без него. И еще за то, что не позвонила, и еще за то, что потерялась!..

Думать о том, как Васька будет ее ругать, как станет буйствовать, как покраснеет, когда начнет орать, было так хорошо, так надежно и ободряюще, что она начинала изо всех сил прислушиваться и вглядываться в темноту, почти уверенная в том, что дверь сейчас распахнется – знать бы, где тут дверь! – и он появится на пороге, очень сердитый и встревоженный.

Дверь не распахивалась – а может, ее и вовсе нет, этой двери, и Мелиссу замуровали навечно! – и никто не появлялся на пороге.

Убийственная тишина раздирала мозг, обвалы и лавины грохотали в ушах, и она даже пять пыталась, чтобы не сойти с ума, а потом решила, что должна «действовать».

Как именно «действовать», Мелисса не знала, но не даром она писала детективы! В детективах герой или даже героиня рано или поздно обязательно начинали «действовать» и «действовали» иногда самым идиотским образом, и авторша ничего не могла с ними поделать! Ну ничего!.. Они не слушались, и все тут!..

Мелисса Синеокова сползла со своей трясучей металлической сетки, зажмурилась, постояла так, а потом открыла глаза, все еще надеясь, что кошмар исчезнет, и она откроет их в гостиничном номере с видом на Исаакий, и окажется, что у нее просто поднялась температура и все это было горячечным бредом, только и всего.

Она открыла глаза в той же самой темноте, завывла сквозь стиснутые зубы и стукнула себя кулаком по бедру.

– Перестань, – прошипела та Мелисса, которая снаружи, той, которая внутри, – перестань сейчас же, истеричка, тряпка! Сама влезла в неприятности, так давай вылезай, что ты стоишь как дура!..

И она медленно двинулась вперед, осторожно переставляя ноги и вытянув вперед напряженные руки.

Помещение показалось ей довольно большим и... абсолютно пустым. Тот самый стол, или козлы, на которых она нашла бутылку с водой, и металлическая кровать с трясущейся сеткой, а больше ничего и не было. Стены были влажными и холодными, на ощупь не слишком понятно, деревянные или нет, но холодная влажность наводила на мысль о настоящей тюрьме или о каком-то мрачном подземелье, в которое ее заточили.

И темнота, темнота!.. Не может быть такой темноты... на поверхности. Обязательно найдется щель, сквозь которую просочится хоть один маленький слабый лучик, но здесь не было лучика, ни одного!

Может, она в подземном бункере?.. Глубоко под землей, на многие сотни метров простирается подземный город, где ведутся страшные научные эксперименты, бесчеловечные настолько, что все их участники давно изгнаны из общества. Для этих экспериментов постоянно нужна свежая кровь и плоть, и людей воруют прямо с улиц, воруют и привозят сюда, на перевалочную станцию. Сейчас в полу зажгутся тысячи ламп, раздвинутся невидимые раньше двери, и безмолвные, безучастные роботы в серых скафандрах появятся прямо из стен. Холодными негнушимися руками они подхватят Мелиссу и поволокут ее на бойню, где из нее выкачают всю живую кровь и вместо крови закачают синюю жидкость, и на спине у нее вырастет гребень, а на груди чешуя!..

– Не хочу, не хочу, не хочу, – зашептала авторша детективных романов, – не хочу, не надо!..

Василий Артемьев очень сердился на Мелиссу, когда она, начитавшись соответствующих газет и насмотревшись «Журналистского расследования» по телевизору, начинала рассказывать ему нечто подобное, к примеру, о подпольной лаборатории, где у детей изымают органы для богатых заморских старичков, умирающих от скверных болезней.

– Ты же образованная тетка! – гремел Василий. – Что ты несешь ахинею?! Ты хоть представляешь себе, сколько показателей должно совпасть, чтобы орган одного человека подошел другому?! Ты хоть представляешь себе, какого масштаба должна быть твоя лаборатория, чтобы в ней все это можно было производить?! Это ни фигя не лаборатория, это целый научный институт! Ты когда-нибудь слышала о подпольных научных институтах?! Нет, вот о подпольных научных центрах мирового масштаба ты слышала когда-нибудь? В какое-нибудь обозримое время, после Нюрнбергского процесса, на котором за такие штуки судили фашистских врачей!

– Да, но вот же сюжет, – оправдывалась Мелисса.

– У тебя в романе тоже сюжет! – не унимался воинствующий материалист Василий. – И твой роман не имеет никакого отношения к жизни, как и этот, блин, сюжет!..

Сейчас, в темноте и тишине подземелья, Васькино неприятие «страшных историй» как будто поддержало Мелиссу. Безмолвные тени в скафандрах отступили.

Нет, вряд ли здесь подземная лаборатория по превращению людей в «чужих».

Скорее всего, ее похитили в расчете на выкуп, а это означает, что Васька вскоре узнает обо всем. И служба безопасности издательства узнает, и редакторша Ольга Вячеславовна, и – самое главное! – Лера Любанова, которая поднимет на ноги всю Москву и весь Санкт-Петербург, а также их окрестности!

Убивать ее нет никакого резона – если ее на самом деле похитили для того, чтобы получить деньги! За нее, мертвую, никто никаких денег не даст, это же очевидно!

Это было совсем не так уж очевидно, но иначе Мелисса не могла себе позволить думать.

Потом ее потянуло в сон, так неудержимо, что она едва доползла до своего трясущегося матраса. В ушах тишина не просто грохотала, она рвала барабанные перепонки, как во время тяжелого артобстрела, отдавалась в виски и в затылок, и Мелисса, со стоном повалившись на кровать, обеими руками зажала уши. Ей показалось, что из ушей течет кровь, что перепонки все-таки лопнули, и больше она уже ничего не помнила.

Человек с горящей свечой в руке проворно спустился откуда-то сверху, приблизился к кровати, и желтый, ровный, немигающий свет свечи залил бледное и отекавшее Мелиссино лицо. Он некоторое время просто смотрел, а потом засмеялся от удовольствия.

И у нее в подсознании остался тоненький и слабый звук, как будто где-то далеко и высоко над ней кто-то тихонько смеялся.

Она и вправду смеялась.

Он не поверил своим глазам. По шее тек пот, скатывался за рубашку.

- Саша, – выговорила она сквозь смех, – ты хотел наподдать мне... шваброй?!
- Как ты сюда попала?.. – спросил Константинов, очень старательно шевеля губами.
- А что такое?! Мне сюда больше нельзя?..

Очень глупо, но он забыл.

Во всей чертовщине последних дней, в этой идиотской игре в шпионов, в этой пакости, которой ему пришлось заниматься, он совершенно позабыл о... Тамиле.

Ну, конечно. У нее были ключи от его квартиры, и, уезжая, он называл ей то самое «кодовое слово», будь оно трижды неладно, и вообще она часто приезжала сюда в его отсутствие!

- Что с тобой, Саша?..

Сверху он посмотрел на нее, ничего не сказал и стал снимать ботинки. Снимать ему было очень неудобно, и некоторое время он не мог сообразить почему.

А потому, черт возьми, что в правой руке у него все еще была зажата швабра!

В одном ботинке он зашел в ванную и аккуратно прислонил швабру к стене.

- Дай мне чего-нибудь поесть. Или попить.

- А может, и поесть, и попить?

– Можно и так, – согласился Константинов. Он вышел из ванной и стащил второй ботинок. Подхватил за лямку рюкзак и поволок его по коридору в сторону спальни. Рюкзак ехал и время от времени подпрыгивал, когда Константинов его поддегивал.

- Что с тобой, Саша? У нас... все в порядке?

Ничего у них не было в порядке, и сейчас он осознавал это особенно остро. Что может быть в порядке после того, что произошло в Питере?!

- Саша?

- Кофе свари мне.

Она постояла на пороге спальни, внимательно на него глядя, потом повернулась и ушла, очень красивая, странно красивая, настолько, что, глядя на нее, Константинов время от времени ужасался – женщина не может быть такой прекрасной.

Высокая, длинноногая, смуглая, «мулатка, просто прохожая», Ясмин Ле Бон, собственной персоной материализовавшаяся в его жизни, в его квартире и в его спальне!..

Угораздило меня с ней связаться! Зачем, зачем?! Мало ли других женщин, менее красивых, менее смуглых и менее опасных?!

Беда приключилась с ним довольно давно, года два назад, когда он в первый раз увидел ее в редакции «Власть и Деньги». Была какая-то очередная летучка, Лера ее собирала. Константинов пришел, плюхнулся в кресло, и ногу на ногу пристроил совершенно по-американски, и откинул назад буйные кудри, которые поминутно падали на глаза. Он не знал, в чем тут дело, но кудри, падающие на глаза, почему-то неизменно приводили в восторг всех барышень юного, не слишком молодого и вовсе предпенсионного возраста.

Ну вот, пришел он на летучку, уселся, откинул кудри и вдруг столкнулся взглядом с совершенно незнакомой девицей.

Девица смотрела на него насмешливо и словно даже с сочувствием к тому, что он такой болван – ногу шикарно пристраивает и кудри закидывает, один в один поэт Владимир Ленский! Совершенно неожиданно для себя Александр Константинов отчаянно покраснел, и нога у него почему-то поехала, упала и стукнулась о пол.

– Тамил Гудкова, – представила Лера Любанова, загадочно усмехаясь, то ли насчет ноги, то ли еще на какой-то счет. – Наш новый редактор женской рубрики. Еще не знаю, как она будет называться, но с этого дня Тамил работает у нас.

И началась для Саши Константинова мука мученическая и казнь египетская, ежедневная и ежечасная.

После истории с «изнасилованием» Алисы Брушевской, от которой его спас декан Александр Иванович, Константинов женщин остерегался. То есть не то чтобы остерегался, но

словно все время ждал от них какой-нибудь подлости, которую рано или поздно они совершат, непременно, непременно!.. Особенно, полагал Константинов, на такие подлости способны исключительно красивые, богатые и успешные женщины, ибо Алиса Брушевская была как раз такой. Он никогда с ними не связывался. У него были в основном тихие матери-одиночки, преданно смотревшие в глаза, готовые варить борщи и по утрам подавать пахнущие утюгом и уличной свежестью сорочки. Ни на одной из них он не собирался жениться и только в подпитии говорил приятелям, что «раз не дано, значит, не дано, и не надо отравлять жизнь другим», и именно в этом, приятельском кругу, слыл записным красавцем и ловеласом.

Так продолжалось до того самого дня, когда на совещании он увидел свою «мулатку, просто прохожую», и жизнь перевернулась.

Никогда он в такое не верил, и не поверил бы никогда, не случись оно с ним самим. Трогательные love story казались ему пошлыми выдумками, в книгах он такие места пропускал, не читая, а кассету с кинофильмом «Осень в Нью-Йорке», которую ему подарила тогдашняя подруга жизни, досмотрел ровно до того места, где стало понятно, к чему склоняется все дело. На этом месте он зевнул, лязгнул челюстями, кассету засунул в мусорное ведро и отправился спать, перебирая в голове завтрашние дела.

«Мулатка, просто прохожая», казавшаяся ему воплощением божества в женском облике, все изменила.

Константинов в нее влюбился, кажется, с первой минуты знакомства, как будто заболел. Он и переживал влюбленность, как болезнь, — у него горела голова, ныло сердце, он не мог за компьютером сидеть, если не видел ее рядом!.. Его тогда чуть с работы не поперли, потому что креативный директор вдруг утратил всю свою креативность и только тупо смотрел в монитор, на котором извивались и складывались разнообразные фигурки — цветные спирали и кольца. Но ему стало наплевать на карьеру. Если бы его уволили, он вряд ли бы это заметил.

— Что с тобой? — спрашивала озабоченная Любанова. — Тебе лечиться надо, Саня! Смотри вон, вся рожа желтая! Ты не запил, часом?

С Любановой у него были дружеские отношения, в любую минуту готовые перерасти в романтические, — так невзрачный кактус раз в году распускается одним волшебным цветком. Так ему и представлялись эти самые возможные романтические отношения с Лерой — кактус, а на нем цветок.

Они бы и переросли, если бы не... новый редактор рубрики «Business-леди»!

У него и вправду стала «рожа желтая», и, разговаривая с начальством, он все время морщился, как от сильной зубной боли, если не мог перевести разговор на Гудкову и ее отдел, а это не всегда удавалось, ибо в редакции «Власть и Деньги» существовала тьма отделов и десятков подразделений, и «Business-леди» не была среди них самой главной.

Какое-то время Константинов был просто влюблен, как олух из романа «Цветок в пустыне» или кинофильма «Осень в Нью-Йорке».

Тамила Гудкова почему-то принимала его ухаживания, которые и ухаживаниями-то нельзя было назвать и над которыми потешалась вся редакция, — он носил ей глупые букеты, купленные возле метро, и маялся на лестнице, выжидая, когда она пойдет обедать, чтобы пойти с ней, и еще раза два пригласил ее в кино, и она пошла!..

Потом он понял, что больше не влюблен.

Они разговаривали долгие разговоры и все никак не могли расстаться, часами просяживая в машине возле ее дома, куда он привозил Тамилу после кино. Они разговаривали долгие разговоры по телефону, а звонил он примерно раз по пятнадцать в день. Они разговаривали в кафе, разговаривали под липами на Чистопрудном бульваре, разговаривали на выставке модного художника, куда его отвела она.

Результатом всех разговоров явилось то, что Константинов совершенно отчетливо осознал, что... любит, а любовь гораздо хуже, чем влюбленность, гораздо опаснее!..

Тамила Гудкова приобрела над ним неслыханную власть. Будучи человеком творческим, эту самую власть он представлял себе как минное поле, которое нужно пройти, ни разу не оступившись, а карта у нее, у него нет карты. Он не может ни оступиться, ни оторваться, ни отстать, ни уйти вперед – просто потому, что идти нужно только за ней, след в след, иначе смерть и кровавые обрывки плоти, только что бывшие человеческим существом, то есть Константиновым.

Странное дело, но она почему-то его не прогоняла.

Он только очень злился, когда она говорила нараспев:

– Сашка, я очень тебя люблю!..

Уж он-то, Александр Константинов, совершенно точно знал, что нельзя любить «очень»! Ну никак нельзя!..

Или любить, или не любить, какое там «очень»!.. Разве может быть «очень», когда даже представить себе невозможно, что существует какая-то жизнь, в которой нет... ее. Ну, вот хотя бы просто теоретически представить себе такую жизнь он никак не мог.

Что это за «очень», если он долго силился понять, что именно он делал, когда рядом не было ее, «мулатки, просто прохожей», как он жил, зачем и для кого он жил?! Какое такое «очень», когда просто мысль о том, что ей может быть плохо, больно или страшно, приводила его в неистовство?!

Она прибежала к нему, когда ей стало больно и страшно, и Константинов готов был сию же минуту улететь на Альдебаран, основать там колонию и наконец начать-таки выращивать яблоны, если бы это понадобилось Тамиле Гудковой!

Куда там «Цветку в пустыне» и «Осени в Нью-Йорке»!

Константинов повздыхал, стянул рубаху, совершенно мокрую на спине, зашвырнул ее в корзину для белья, ногой поддал рюкзак куда-то в сторону гардероба и отправился в душ.

Когда он вышел на кухню, Тамила сидела за столом, курила и качала ногой. Завидев голого Константинова, она вскочила, подбежала и сильно к нему прижалась.

Он ничего не мог с собой поделать, но в ее любовь он верил... не очень.

Очень, не очень – глупые, ненужные слова!..

Или есть, или нет, какое там «не очень»!

В ее любовь Константинов не верил. То есть он заставлял себя верить, потому что без веры все утрачивало смысл, и все-таки не верил.

Она обнимала его изо всех сил, так что руками он чувствовал ее ребрышки наперечет, как у ребенка или воробья, хоть он и не знал хорошенько, есть ли у воробья ребра.

– Почему ты мне не позвонил?

– А должен был?

– Ну конечно! Я так волновалась! Я позвонила твоей маме.

– Зачем?

– Ну, чтобы узнать, может, ты ей звонил!

– И что?

– Ты и ей не звонил, – сказала она с укором и немного откинулась у него в руках, чтобы посмотреть в лицо. Он тоже посмотрел ей в лицо.

Шоколадные глаза, плавленное золото пополам с темным шоколадом. Шоколадные щеки, бархатные, если провести ладонью. Темные губы, как будто она только и делала, что ела вишни, спелые испанские вишни из большой деревянной миски. Темные волосы, шелковые, если провести ладонью.

Ужас. Кошмар. Катастрофа.

Константинов поцеловал все поочередно. Щеки, губы, волосы, глаза. И опять поцеловал, и потом еще раз, и потом уже не мог остановиться, и не стал останавливаться, и то, что он пришел из ванной голым, значительно все упрощало, хоть он и не собирался, и не был настроен, и

в такси ему приснился давний и стыдный сон, и в Петербурге случилось что-то совсем непонятное, и Любанова несколько раз звонила, а он так ни разу и не ответил ей, и все это вместе требовало ясной головы и немедленного включения себя в розетку.

Ну и что? Какое это имеет значение?!

Почти ничего не имеет значения, когда рядом его мулатка, по которой он так соскучился за полтора дня, о которой мечтал, засыпая в поезде, и просыпался, плохо соображая, где он, что с ним и почему ее нет рядом!

Торжественный солнечный свет, как в актовом школьном зале, заливал кухню, и было очень тихо в старом сталинском доме с толстыми глухими стенами, и только свое дыхание слышал Константинов, свое и мулатки, которая по непонятной причине в данный момент принадлежала лично ему, только ему и больше никому.

Они спали вместе уже больше года, и, словно попавший в зависимость, Константинов с каждым разом хотел ее все больше и больше. Теперь он совершенно точно знал, что привычка, убивающая влечение, – вранье.

Нет никакой привычки.

Он ничего не знал о женщине, которая оказалась рядом с ним, в самый первый раз. Не знал, и от незнания, торопливости, горячки все время путался, ошибался, пыжился и старался. Теперь, спустя время, кое-что он уже знал о ней, но все еще так мало, мало!.. Это знание как будто давало ему шанс все «сделать правильно» – так, чтобы дыхание останавливалось!.. Оно и останавливалось.

А когда возобновлялось, он успокаивался и получал короткую передышку, иногда всего на несколько часов, до вечера, чтобы вечерам опять все началось сначала!..

Кухонный стол, прочный, солидный, деревянный кухонный стол, поехал по плитке пола и остановился, упершись в плиту, когда Константинов пристроил на него свою мулатку, и что-то задребезжало в недрах этой самой плиты, когда он стал двигаться, и, кажется, что-то откуда-то упало, но ему было наплевать на все. Он видел перед собой, очень близко, кожу, как будто чуть побледневшую под шоколадной смуглостью, и губы цвета спелой испанской вишни и понимал только одно – она принадлежит ему.

Вот сейчас, вот в это мгновение, в этой точке времени и пространства, на кухне, залитой майским солнцем. Она моя, моя, моя, я захватил и поработил ее, я ее единственный слуга и хозяин, и каждое движение приближает меня к победе над миром. Только я, только она, только сейчас, сейчас, сейчас!.. Все исчезнет и перевернется, и останемся только я и она, и еще этот свет, которого так много, и больше – нельзя, нельзя, нельзя!..

И в этот момент все рухнуло и обвалилось.

Какое-то время грохотало, рвалось и сыпалось, а потом Константинов вдруг начал осознавать себя – среди собственной кухни, странно видоизменившейся за несколько секунд, и со своей мулаткой, которая улыбалась ему в лицо.

– Что ты со мной делаешь! – выговорил он, мрачно глядя ей в глаза.

– Я с тобой ничего не делаю, – она засмеялась довольным и очень женским смехом. – Это ты со мной все время что-то делаешь, да еще во всяких неподходящих местах!

– Места все подходящие! – возразил Константинов, потянул и поднял ее со стола. – А... Ты же во что-то была одета? Или нет?

– Была! – призналась мулатка, полезла на плиту и сняла с нее халатик с кистями и шелковыми шнурками. Нацепила и завязала шнурки. – Вот именно в это я и была одета, только ты, как обычно, ничего не заметил!

– Мне некогда было, – признался Константинов, – я давно тебя не видел. Тридцать шесть часов.

– Ты бы штаны надел, – посоветовала Тамила Гудкова, редактор женской рубрики, – а то вдруг я начну к тебе приставать!

– Валяй, – разрешил Константинов, но послушно отправился искать штаны.

Она никогда к нему не «приставала». Секс всегда начинался с него, он атаковал решительно и быстро, и иногда ему казалось, что она соглашается только потому, что не успевает отказать или из чистого любопытства – что-то он выкинет на этот раз!

Думая такие думы, Константинов чувствовал себя отвратительно.

– Саша! Кофе!

– Он давно холодный, – пробормотал сам себе под нос, застегивая джинсы.

– Я уже сварила новый!

Он вышел на кухню – попытка номер два! – с деловым видом посмотрел по сторонам, обнаружил беспорядок, свидетельствующий о его недавнем безумии, нахмурился и отодвинул от плиты тяжелый итальянский деревянный стол. Поднял с плитки плетенку для хлеба, некоторое время раздумывал, что именно с ней сделать, и зачем-то положил в раковину. Тамила достала ее из раковины, сунула на место и поставила на стол кружку с кофе.

– Омлет или яичницу?

Константинов подумал.

– Яичницу. С чем-нибудь. С сосиской, или что там у нас есть?

– У вас ничего нет, – язвительно сообщила Тамила. – Но я привезла грудинку.

В халатике с кистями и шелковыми шнурками она возилась у плиты и засмеялась, когда лопаточка вдруг выпала у нее из руки.

– Домовой толкается, – сообщила она Константинову, – значит, сегодня будут хлопоты.

В том, что она говорила и делала, была какая-то уютная и мирная обыденность, счастье повседневности, как в детстве, когда его, маленького, сдавали бабушке и каждый день повторялось одно и то же.

С утра они шли гулять на бульвар, и бабушка несла бумажный пакет, в котором у нее была черствая булка. На бульваре они кормили толстых голубей, крошили булку на лавочку и на ровный, утоптаный снег. Голуби слетались, хлопали крыльями, ворковали, совались, чтобы ухватить кусок побольше, и Константинову это очень нравилось. Потом на саночках они ехали на горку, и он, пыхтя, затаскивал санки наверх, а затем съезжал по ледяной дорожке туда, где стояла бабушка. Когда он ехал, она всегда махала ему рукой и делала большие глаза – как бы ужасалась, что он едет так быстро. Накатавшись, они заходили в булочную на углу, и бабушка покупала батон за двадцать две копейки и калач, который Константинов очень любил. С калачом и батоном, замерзшие, накатавшиеся, они шли домой и жарили котлеты. Почему-то всегда котлеты, или, может, он просто так запомнил?.. Котлеты были ровные, кругленькие, масло на сковородке шипело, и брызгалось, и стреляло, и пахло упоительно, а к чаю был калач с маслом и вареньем, и ничего вкуснее невозможно было придумать! После обеда бабушка укладывалась полежать – всегда с одной и той же газетой под названием «Комсомольская правда», а он, сытый и нагулявшийся, приваливался к ней под бок. Он никогда не засыпал – он же взрослый, не станет же он спать после обеда! – но все-таки иногда задремывал, слушая, как шуршат страницы и бабушка что-то время от времени ворчит себе под нос.

Тамила Гудкова, мулатка, красавица и вообще деловая женщина, иногда вдруг вызывала в нем те же самые чувства – как будто бабушка читает, а он мирно посапывает рядом, и так будет всегда, – и от этого становилось немного страшно.

– Тебе с хлебом?..

– Что?

Она закатила глаза:

– Яичницу! С хлебом?

– Ну, давай с хлебом!

Она поставила перед ним тарелку, проворно налила кофе, достала из холодильника молоко – он следил за ней глазами, – закурила и уселась напротив.

– Ешь, остынет.

– Почему ты не спрашиваешь у меня про Питер?

– Как же я могу спросить у тебя про Питер, если ты сначала хочешь стукнуть меня шваброй, а потом занимаешься со мной любовью на кухонном столе?..

Константинов поморщился. Он был ханжой и не любил, когда она вслух говорила про... ну, про всякие такие штучки вроде кухонного стола!

– Ну, спроси уж, что ли!

– И... что там было? В Питере?

Она смотрела в окно, курила, и было совершенно ясно – волнуется. Все очарование сегодняшнего утра, с торжественным солнечным светом, неожиданным страхом, а потом неистойвой любовью, вдруг испарилось, как будто улетучилось в форточку.

– Там пристрелили депутата Садовникова, с которым встречалась Любанова.

Тамила посмотрела на него. Он ел яичницу, энергично работал челюстями.

– Ну... а к нам это какое отношение имеет?

– А что? Не имеет?

– Саша, не заводись.

– Я не заводжусь. Но я работаю на Любанову черт знает сколько лет, и у нее проблемы. У нее проблемы в Лондоне, проблемы в Москве, а теперь еще и в Питере.

Она помолчала.

– Скажи мне, ты... встречался с ним?

Константинов кивнул, не отрываясь от яичницы.

– Все... в порядке?

Он опять кивнул.

– Саша! Ну, расскажи мне!..

Ему не хотелось рассказывать, и он знал, что все равно расскажет. «Мулатка, просто прохожая» не только имела над ним необыкновенную власть, непостижимым образом она еще стала частью его жизни, и он иногда не понимал, где кончается ее жизнь и начинается его собственная!..

– Ты заплатил деньги?

Молчание, вздохи и ритмичное чавканье.

– Саша!

– М-м?

Она вскочила, прошла по кухне, и следом за ней по кухне прошелся запах ее духов, такой знакомый и такой тревожный.

– Ты... что-нибудь узнал?

– Узнал.

Она кинулась к нему, присела и вцепилась длинными ногтями в его джинсовое бедро.

– Что ты узнал? Ну хватит уже, ну сколько ты будешь надо мной издеваться?!

Константинов доел яичницу, одним глотком допил кофе, поднялся и отошел к плите так, что она осталась сидеть на корточках подле его стула.

– Я никому ничего не платил, – сказал Константинов, старательно следя за тем, чтобы это прозвучало как можно более решительно. – Прости.

Тамила Гудкова ахнула и, кажется, хотела закрыть лицо руками, но не стала, сдержалась в последний момент. Шоколадные глаза заволокло слезами, и нежное горло сильно задвигалось. Она была очень гордой и не желала плакать.

Константинов не мог этого видеть.

Он бросил кофейник, присел рядом с ней и обнял.

Десять минут назад, когда он обнимал ее, она была живая, теплая, вся состоящая из любви к нему и радости жизни. Сейчас она казалась сделанной из папье-маше, сухой и ненастоящей.

– Послушай, – заговорил Константинов. – Это было ясно с самого начала. Никто ничего мне бы не рассказал. У меня забрали бы деньги, и этим все кончилось бы, понимаешь? Я не хотел тебя расстраивать, но это так и есть!

– Расстраивать? – переспросила Тамила и сбоку посмотрела на него. Он вдруг не узнал ее, так сильно она изменилась. – Ты не хотел меня... расстраивать?!

– Нам предложили информацию, – сказал Константинов, – и объявили, что она продается. Если хотим, мы можем ее купить.

– Не нам, а мне, – сказала она с усилием, – именно мне!.. А ты... ты все испортил!

– Я ничего не портил! Я совершенно уверен, что человек, который ее нам предложил, просто откуда-то узнал, что... что ты... что у тебя...

Она вдруг поднялась так резко, что Константинов, не успевший убрать руку, сильно стукнулся локтем о столешницу.

– Он узнал, что ты готова заплатить любые деньги за эти сведения. Но я тебе голову даю на отсечение, что никаких сведений у него нет и не было!

– Откуда ты знаешь?! – Она все-таки заплакала, даже гордость ее не спасла, но плакала всего одну секунду. Слезы пролились, сверкнули, и она быстро вытерла лицо первым, что подвернулось ей под руку. – Я тебя просила, я тебе... доверилась, а ты!..

– Тамила, – жестко сказал Константинов. – В то самое время, когда я шатался по Питеру, там застрелили лидера «России Правой», который на будущих выборах должен был сотрудничать с нашей газетой. Любанова еще до отъезда на переговоры заподозрила неладное, потому что Сосницкий вел себя как-то странно...

– Что мне за дело до Сосницкого и какого-то там лидера? – спросила она с презрением. – Я просила тебя помочь, а ты...

– А я не верю в такие совпадения! – Константинов долил в кружку остывшего кофе, насыпал сахару и помешал. – Все дело в том, что кому-то было нужно, чтобы я оказался в Питере в это время!

– Ты-ы?! Ты-то тут при чем?!

– При том, что неизвестно, кто застрелил Садовникова! – крикнул Константинов. – И этот человек, с которым я встречался, он очень странный, знаешь!.. Когда я ему сказал, что не будет никаких денег, если я сразу ничего не узнаю, он просто ответил: «Ну и пожалуйста!» – повернулся и ушел! Ну ты же взрослая девочка, ты же понимаешь, что так дела не делаются! Если он на самом деле собирался продать мне информацию и получить за нее деньги, значит, он должен был проявить хотя бы какой-то интерес! А он не проявил никакого!

– Да зачем ему проявлять, если это важно *мне*?! *Мне*, а не ему?!

– Ему важно было зачем-то выманить в Питер меня, – сказал Константинов. Эта мысль, не дававшая ему покоя со вчерашнего дня, сейчас высказанная, показалась совершенно логичной. – У него нет никаких сведений о...

Тамила собрала волосы в длинный блестящий хвост и зачем-то тут же распустила его.

– Но этого не может быть, – сказала она с отчаянием. – Как же ты не понимаешь, Саша! Если бы этот твой «кто-то» хотел выманить тебя, он бы тебе и назначал встречу! А он прислал письмо мне, а не тебе! Я попросила тебя помочь, и вот что из этого вышло! Господи, лучше бы не просила!..

Константинов думал и об этом. Ночь в поезде была длинной и не слишком веселой. И спать он совсем не мог.

– А если ему было все равно, кого выманивать?

– Как?!

– Ну вот так. Кого-нибудь. Тебя или меня, какая разница! Или Левушку Торца! Я тебе еще раз повторяю – заварилась какая-то каша, и заварилась она вокруг Любановой и нашей газеты. У Любановой была встреча с Садовниковым, который наш давний клиент. Садовникова убивают. В это время в Петербурге тайно и без какой-либо объяснимой причины нахожусь я. Или ты. На кого первым делом падает подозрение?

– В чем?!

– В убийстве, – холодно сказал Константинов. – Произошло убийство лидера правых, а в это время сотрудники редакции болтаются неподалеку от места преступления. Причем главный редактор понятия не имеет о том, что они там болтаются, и уверена, что они в Москве.

– Кто они?! – тоже закричала Тамил Гудкова. – Я ничего не понимаю, Саша! Кто – они?!

– Да вот именно, что неважно кто. Ты, я или Левушка Торц! Я просто пытаюсь втолковать тебе, что нас подставили, потому что наверняка окажется, что меня кто-нибудь в Питере видел, или сфотографировал, или на камеру снял, и следствие моментально станет располагать таким удобным подозреваемым!

Тамила снова собрала в хвост свои мулатские волосы.

– Саша, этого не может быть. Какой-то человек захотел продать мне информацию и назначил за нее цену. Еще он назначил место, где именно он ее продаст, – в Санкт-Петербурге. То, что в это же самое время там кого-то убили, просто совпадение, Саша! Мало ли кого и когда... убивают в больших городах, да еще на почве политики!

Константинов подошел и обнял ее, и она оказалась уже немножко больше похожей на живую, чем на сделанную из папье-маше.

– Не может это быть совпадением. Тот человек, с которым я встречался, был совершенно не похож на продавца информации, понимаешь? Он чуть ли не в носу ковырял, когда я ему сказал, что никаких денег платить не стану! А пришел-то он якобы как раз для того, чтобы взять с меня денег, да побольше! Он просто встал и ушел.

– И ты его отпустил?!

Константинов кивнул, чувствуя, что краснеет.

– Он просто встал и ушел, а ты его отпустил?! И даже не попытался выяснить, что... что за сведения он предлагал?!

Константинов совсем уж покраснел и сказал:

– Я попросил его сказать, что за информацией он располагает, а деньги он получит потом, а он хмыкнул и ушел.

– Ты знал, как это для меня важно, и все-таки ничего... не... сделал?!

– А что я мог сделать? Бежать за ним, поймать и пытаться?!

Тамила смотрела на него так, как будто он только что признался в том, что продал фашистам партизанский отряд, скрывавшийся в брянских лесах. С брезгливостью и недоумением смотрела она.

Отправляясь в Питер, он клялся ей, что сможет защитить ее от чего угодно, а теперь признается в том, что не только не защитил, но даже и попытки такой не сделал, хотя она доверила ему... тайну.

А это дорогого стоит.

– Прости, – сказал Константинов, ненавидя себя. – Прости меня, если я что-то сделал не так. Я должен поехать на работу.

Она кивнула, как на совещании.

– Тамил, – Константинов обошел ее так, чтобы заглянуть в лицо, и присел, и заглянул, но она отвернулась. – Не делай скоропалительных выводов! Я ни о чем тебя не прошу, ты просто подумай. Подумай, и все. Не было никакой информации, и никто не собирался ее продавать. Нас просто подставили. Вполне возможно, что Любанова уже знает, что я был в Питере, и мне придется как-то с ней объясняться.

– Несчастный.

– Да дело не в том, что я несчастный! Просто это совсем другая история.

Тамила Гудкова ушла в коридор и оттуда сказала как-то так, что Константинов всерьез перепугался:

– Мне наплевать на все истории, Саша. Просто я думала, что ты мне pomoжешь, а тебе на меня плевать. Всем на меня плевать. Тебе есть дело только до твоей Любановой и до того, что именно она о тебе подумает!

– Тамила!

Она помолчала.

– Давай собираться. Мне тоже нужно на работу, не тебе одному.

– Тамила!

Она появилась на пороге кухни.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – сказала печально. – Мне противно.

– Очень противно, – подтвердил Баширов в трубку, – но все равно придется, ты же понимаешь!

Он немного послушал то, что говорил ему низкий, с оттяжкой в хрип, воландовский голос в телефоне, и ответил:

– Да нет, Тимофей Ильич. Тут дело такое, что и тебе, и мне придется. Да и не только нам, грешным. Небось премьер тоже подтянется. Ну и все, кто помельче, тоже.

Ахмет Баширов и Тимофей Кольцов обсуждали по телефону будущее публичное действо – похороны лидера «России Правой» Германа Садовникова, застреленного в Петербурге «на глазах у общественности и сотрудников органов правопорядка», как это формулировалось в новостях.

Как правило, Тимофей Ильич и Ахмет Салманович разговаривали от силы два раза в год – на экономическом форуме в Давосе и еще на совещании президента с элитой российского бизнеса. Сегодняшний телефонный разговор был, прямо скажем, явлением беспрецедентным.

И Тимофей Ильич, и Ахмет Салманович, собственно, и составляли большую часть этой самой «элиты». Был еще третий, со сложнопроизносимой фамилией Белоключевский, но... понесло его играть в политику, на выборы его потянуло, «прозрачности бизнеса» ему захотелось, зато делиться не хотелось вовсе, а пришедшие к власти недокормленные и лихие люди непременно хотели, чтоб поделился, да и выхода у них никакого не было!..

Ахмет Баширов по этому поводу все время вспоминал одну восточную мудрость, которая как нельзя лучше подходила к ситуации, – кто пошел в лес за малиной и опоздал, у того есть только один выход: кого встретишь с полным лукошком, у того и отсыпь.

Посему третий представитель «элиты российского бизнеса» отсидел свое, «положенное по закону», вышел, сжалились над ним те самые лихие оборванцы, что сожрали его нефтяной бизнес, и больше ни в какие игры не играл. Жил тихо, скромно, пересчитывал припрятанные от экспроприации миллиончики, растил детей и о себе никому не напоминал.

Да, и четвертый был, а как же!..

Четвертого звали Вадим Сосницкий, он который год отсиживался в Лондоне и время от времени оттуда поражал всех какими-нибудь экстравагантными выходками.

То вдруг профинансирует выборы в каком-нибудь совсем уж невозможном месте, а потом фотографируется для прессы со свежизбранным президентом, и подпись под фотографией гласит: «Русский с туркменом братья навек!»

То нагрянет – инкогнито, с подложным паспортом, – в тихую странишку посреди Европы и там тоже фотографируется и дает интервью. Титры под интервью соответствующие: «И. Сусанин, бизнесмен».

Почему «И. Сусанин», когда все от самого древнего старика до самого розового младенца знают, что это «В. Сосницкий»?.. Ах да!.. Потому что инкогнито и по подложному паспорту, конечно, конечно!..

Баширов, завидев «И. Сусанина» в телевизоре, всегда прибавлял звук – что-то он удумал на сей раз? Фальшивую чалму, накладную бороду – и в арабские поселения?! Или атомный ледоход, пару подводных лодок – и выборы в Антарктиде?!

Шутом гороховым лондонского сидельца Баширов не почитал, но понимал, что тому невыносимо скучно, так скучно, как будто вся вселенская скука разлеглась на пятистах акрах его лондонского поместья.

Мне скучно, бес! Что делать, Фауст?..

Пятьсот акров английской лужайки, конечно, лучше Матросской Тишины, куда с размаху угодил заигравшийся в политику Белоключевский, но исключенность из жизни, невозможность управлять, принимать решения, идти ва-банк, выигрывать и проигрывать так, чтобы от всего этого кипела кровь и звенело в ушах, что в узилище, что на Британских островах была совершенно одинаковой.

Разгадать, во что играет «И. Сусанин» – В. Сосницкий, Баширов иногда не мог, но точно знал – тот играет всегда. Иногда даже не на интерес, а просто чтобы развлечь себя посреди вселенской скуки. Поэтому Ахмет был совершенно уверен, что смерть Садовникова – дело рук лондонского шутника и имеет прямое отношение к грядущим выборам.

Полдня соответствующие службы Кольцова и Баширова организовывали их телефонные переговоры, и это оказалось делом очень трудным, почти невозможным! Кто должен первым звонить? Кто должен первым взять трубку? Кто должен взять на себя инициативу в разговоре?

Ахмет Салманович, будучи человеком восточным, а потому терпеливым и наблюдательным, ждал довольно долго, а потом принял решение. Конечно, у него был мобильный номер Кольцова, самый-самый личный, самый секретный, самый защищенный от «прослушки», и вообще невесть какой.

Поэтому он взял и позвонил. Просто так.

И Кольцов ему ответил.

Они поговорили недолго – о почившем лидере думской фракции, о Сосницком – и как раз дошли до похорон, решив, что на похоронах они должны быть оба.

Когда и эта тема была исчерпана, Баширов задал главный вопрос, из-за которого затевались все китайские церемонии со звонком:

– Меня Садовников, покойный, с толку совсем сбил. Ты не слышал, Тимофей Ильич, может, поссорились они? Сосницкий и Садовников?

– Ахмет Салманович, я с правыми... не очень, – сказал Кольцов. – Что там у них делается, какая у них оппозиция, этого я ничего не знаю и знать не хочу. Насколько я понимаю, ты с ними тоже не... дружишь. Или... задружился?

Баширов помедлил.

– Нет, Тимофей Ильич. Садовников попросил у меня поддержки на выборах, и я ее пообещал. Боголюбов подключился и подписал с ними контракт на предвыборную поддержку. Он же баллотироваться хотел, недоумок малолетний! – Последнюю фразу он выговорил с сильным акцентом, как будто не по-русски, что всегда свидетельствовало о том, что Баширов открытен до предела. Как правило, говорил он грамотно, без малейшего акцента, «по-университетски», как это называли журналисты.

– Ты пообещал ему поддержку? – осведомился Кольцов безмятежно. То, о чем говорил Баширов, было строго секретно, и Тимофей Ильич моментально это понял.

Он понял и не подал виду, и прикурил сигарету, так, чтобы собеседник не услышал. Он волновался и не хотел, чтобы Баширов об этом знал. Его предчувствие охотника, которое

никогда его не подводило, говорило о том, что сейчас будет сказано нечто очень важное. И то, что только еще будет сказано, стоит его волнения и его сигареты, как Париж стоит мессы!..

– Я пообещал ему поддержку, – согласился Баширов, еще помолчал и вдруг спросил: – Ты там один, Тимофей Ильич?

– Зачем спрашиваешь, Ахмет Салманович, дорогой?!

– Я пообещал поддержку для того, чтобы контролировать его предвыборную кампанию. Чтобы он с разгону да от резвости великой лишнего не наговорил, понимаешь? Он ведь не так чтобы ума палата.

– Понимаю, – согласился Кольцов. – Он когда-то в вице-премьерах ходил, Садовников-то. Наговорить мог много.

– Вполне мог, Тимофей Ильич. Вот меня и попросили его... ну, придержать немного. А для того чтобы придерживать, нужно, чтобы он с моей руки ел.

– А он ел с руки Сосницкого, – договорил Кольцов.

– Ел, ел, Тимофей Ильич, еще как ел! И семью кормил со чадами и домочадцами!..

– Ну, это все нам известно.

– Да и нам известно! Только неизвестно, кто и зачем застрелил его среди бела дня, – акцент опять сильно прорезался в речи Баширова, и, не понижая голоса, ровно и монотонно, он выругался так, что Кольцов у своей трубки хмыкнул и уронил сигаретный пепел на любимый английский пиджак.

– За что ты его кроешь так, Ахмет Салманович?!

– За то, что идиот, – кратко сформулировал Баширов. – Политик, мать твою так и эдак! Лидер фракции, мать его эдак и так!..

Кольцов не выдержал и засмеялся тихонько.

– Ты дорасскажи мне, в чем дело, Ахмет! Может, я смогу быть тебе полезен.

– Так затем и звоню, Тимофей Ильич. Помогите, и я в долгу не останусь.

– Ты свои восточные штучки брось, – сказал Кольцов, становясь серьезным. – Мне они ни к чему не сдались! Я простой парень, токарем на заводе начинал!.. А нас с тобой в державе двое всего осталось. Белоключевский не в счет, а Сосницкий...

– Далеко, – подсказал Баширов.

– Вот именно.

– Мне нужно найти заказчика, – ровно и отчетливо, как только что матерился, сказал Баширов. – В самый короткий срок.

Тимофей Ильич не понял. То есть совершенно ничего не понял. И даже некоторым образом растерялся, если только танк может растеряться перед препятствием.

Танком был Тимофей Ильич, а препятствием то, что только что сказал Баширов.

– А... за каким хреном он тебе сдался, Ахмет?! Какая разница, кто его завалил?! Кто ты и кто он?! Ты царь, а он холуй мелкий!

– Я ведь ему поддержку пообещал не для того, чтобы в президенты его двигать, Тимофей!

– Да я понял! Чтобы его выдвижение контролировать!

– *Меня попросили* контролировать его выдвижение, – совсем тихо, почти по слогам проговорил Баширов, налегая на слово «попросили». – Я-то сам не рвался.

Тимофей Ильич Кольцов в своем кабинете в офисе холдинга «Судостроительная компания «Янтарь» сильно выпрямился в кресле, хотя всегда сидел развалиясь, и даже из стороны в сторону крутиться перестал.

– Попросили, – повторил он.

– Вот именно.

– На Ильинке попросили, Ахмет Салманович? В администрации президента?

– В самый корень смотришь, Тимофей Ильич, – усмехнулся Баширов. – Да еще так... настойчиво попросили. У меня фамилия для русского слуха неподходящая, ты же знаешь. Противоречивая фамилия у меня! То ли дело у тебя – Кольцов!.. Почти что Иванов или Сидоров!

– При чем здесь твоя фамилия, Ахмет?

– А при том, что с такой фамилией заснешь дома, а проснешься в Матросской Тишине. За пособничество терроризму, например. С такой фамилией доказать, что не пособник, – трудно. Особенно мне, я же богатый человек! Мне и намекнули. Довольно прозрачно. Я беру Садовникова и все его проблемы на себя, и меня никто не трогает, и я никого не трогаю. А его, собаку, застрелили! Да еще у меня под носом!

Кольцов был ошарашен и очень старался не показать виду, что так ошарашен.

– Кому интересен Садовников? Зачем его тебе подсунули?!

– Да ты встал сегодня не с той ноги, что ли? – упрекнул Баширов. Он понимал смятение Тимофея Ильича, чувствовал за собой преимущество и резвился немного. – Садовников – оппозиция, понимаешь?

– Стоп, – перебил Кольцов, потянулся и вытряхнул из пачки еще одну сигарету. – Прости, Ахмет Салманович, я спал мало, правда. Дальше не надо, все понятно.

– Ну так.

Кольцов быстро думал.

Садовников лидер оппозиции. Причем не настоящий, а якобы лидер якобы оппозиции. От него требуется только одно – пойти на выборы и проиграть. Он проиграет в любом случае, правых и демократов в России отродясь не жаловали. Садовников как реальный претендент на президентское кресло – фарс, комедия! Однако есть западные наблюдатели, западные инвестиции и главы «восьмерок» и всех прочих государств, от которых зависят кредиты, вложения в убыточные отрасли и вообще статус державы как «великой страны». Их всех необходимо убедить в том, что выборы «правильные», демократические!

Кандидатов много – вот они!.. Оппозиция есть – вот она!.. Предвыборная гонка существует – а вот вам и гонка!..

На любую роль нужен актер, исполнитель, и им стал Садовников. Вполне возможно, и даже скорее всего, он и не подозревал о том, что сильные, по-настоящему сильные мира сего выбрали его из множества других балаганных шутов именно для однократного исполнения роли. Вполне возможно, сам Садовников был уверен, что пришел его звездный час.

Впрочем, сейчас уже совершенно неважно, в чем он был уверен!

На Ильинке Баширова настойчиво «попросили» лидера правых поддержать. Устроить ему шумную предвыборную кампанию, которая была бы похожа на настоящую. Следовало не только устроить кампанию, но еще и ловко проиграть ее, если бы, паче чаяния, покойный стал бы набирать голоса. При этом необходимо было его контролировать, ибо сам себя он контролировал плоховато – все тянуло его разоблачать, греметь, и все не к месту.

После смерти Садовникова балаганчик развалился и шарманка сломалась.

У «сильных», у тех, кто на самом деле стоит у самого трона и от его подножия ястребиным взором озирает державу, чтобы – боже сохрани! – какая-нибудь опасность не замаячила на горизонте, не стало исполнителя на роль «оппозиционера». Спектакль под названием «демократические выборы», спектакль, на котором ожидался аншлаг, и все билеты были проданы заранее и роли распределены, оказался на грани срыва! Некому теперь изображать «кандидата номер два», а когда есть лишь «кандидат номер один», где же демократия, дамы и господа?

Нет никакой демократии, выходит дело! Ибо остальные кандидаты – учительница младших классов из Крыжополя, лидер движения «Кедры и ели России», а также отставной майор Прокопчук, основавший партию «Щит, меч, закон, правопорядок и я», – не в счет!

Все ясно, ясно как день!.. Баширова взяли в оборот, потому что он живет в стране и его легко контролировать, по крайней мере, от подножия трона. Сосницкого, томящегося в

Лондоне, контролировать труднее, и его решили вывести из игры, хотя именно он традиционно поддерживал «правых» и предоставлял им платформу.

Все устроилось очень хорошо и удобно, а смерть Садовникова разрушила все планы не только Баширова, но тех самых «сильных мира сего», которым нужен был «оппозиционер»!

– А я, грешным делом, – признался Тимофей Ильич, – думал, что кто-то из твоих людей его завалил!

– Помилуй бог, – сказал Баширов. – Я такими делами вообще никогда не баловался.

– Ну, это мы замнем для ясности, Ахмет Салманович.

– Замнем. Но Садовникова я должен был беречь и на руках носить, понимаешь?! А его какая-то сука на тот свет отравила!

– Незадача.

– Вот именно. И мне теперь нужно ту суку найти, Тимофей Ильич. Чтобы было кого предъявить, если с меня спрашивать станут, не я ли, мол, его сам туда отправил!

– Нужно найти, – согласился Кольцов.

– Подключи свои каналы, – попросил Баширов, – мы ведь с тобой разными дорогами ходим! Может, ты скорее дойдешь.

– Добро, – согласился Кольцов. – Ну, про твою службу безопасности я не спрашиваю.

– И не надо спрашивать, – перебил его Баширов. – Они землю роют.

– Ты проверь, нет ли у тебя засланного казачка, – посоветовал Кольцов. – Мало ли кто мечтает тебя свалить!..

– Это все делается уже, Тимофей Ильич.

– И правильно ли я понял, что о твоих разговорах на Ильинке никто не знает, кроме тебя и того, с кем ты говорил?

– Ты знаешь, – усмехнулся Баширов. – А больше некому. Кому же?..

– Добро, – повторил Кольцов. – Хорошо. Только держи меня в курсе.

– Конечно. Вот прямо сейчас и начну. Просится ко мне на прием редакторша газеты «Власть и Деньги», в которой до недавнего времени Садовников пасся. Некая... – он потянулся вперед и посмотрел в бумаги, – некая Валерия Алексеевна Любанова. Зачем я ей понадобился, не знаю, но меня просил ее принять Боголюбов. Говорит, что у нее ко мне дело какое-то.

– Какое у нее может быть к тебе дело?!

– Я не стал бы ее принимать, Тимофей Ильич, но она была в гостинице, возле которой Садовникова застрелили. Я был, и она была. Она как раз с Садовниковым разговаривала.

– О чем?

– Выясняем. Еще не выяснили.

Кольцов подумал:

– Ну, вот сам и выяснишь. Заодно, может, узнаешь, вдруг у нее какие мотивы были, влюблена там или что...

– Попробую.

– А ты что там делал, в гостинице-то? Вот я все думал: остальные-то ладно, а ты туда как попал?! Что тебя понесло-то?!

– Служба безопасности доложила, что Садовников с газетой Сосницкого встречается. Я поехал посмотреть.

– Сам?!

Баширов вдруг рассердился:

– А кто за меня поедет, Тимофей?! Ты, что ли?! О том, что мне Садовников нужен, как брат родной, никто не знал и знать не должен был! Кого я мог туда отправить?!

– Да, – согласился Кольцов. – Это верно. Извини.

Они помолчали. Все было сказано, и то, что один из них вдруг попросил помощи другого, да еще был так предельно откровенен, моментально и, должно быть, навсегда изменило их отношение друг к другу.

Они были двумя хищниками, каждый из которых охотился на своей территории. Никогда ни один из них не нарушал границ этой территории, лишь с настороженным любопытством поглядывал, что там, за границей, поделывает другой. Впервые они вышли на охоту вдвоем, и осознавать это было непривычно и странно. Наверное, так осознавал бы себя гладиатор, вышедший на бой со львом и неожиданно обнаруживший подле себя человека с револьвером.

У льва не осталось никаких шансов. Сегодня мы едины, и мы победим.

И это очень странно.

И еще они не знали, кто первый должен попрощаться. Вот не знали, и все тут. Ни один, ни другой понятия не имели, как следует вести себя с равноценным... союзником. С противником понятнее и проще, а вот с союзником как?!

– Я завтра тебе позвоню, – сказал Кольцов наконец.

– Хорошо.

– Ну, тогда пока.

– До свидания, Тимофей Ильич.

Баширов нажал кнопку отбоя на мобильном телефоне, встал из-за стола. Прошелся по кабинету, размерами напоминавшему зал заседаний во французском Дворце правосудия. Он любил большие помещения.

Некоторое время он смотрел в окно, потом налил себе виски – ровно полглотка – в огромный, очень тяжелый круглый стакан. Глотнул и со стаканом вернулся к столу. Ему нравился запах виски, и нравилось нюхать стакан, даже когда в нем больше ничего не оставалось.

Он нажал кнопку, подержал и отпустил. Вошел секретарь, пожилой, элегантный, полжизни проработавший в общем отделе ЦК КПСС. Баширов очень уважал профессионализм и ценил людей, которые умеют делать свое дело.

– На завтра на середину дня редакторшу «Власть и Деньги», – тихо и монотонно сказал Баширов. – Сюда не приглашайте, закажите где-нибудь столик. Свяжитесь с ней и предупредите.

Секретарь не сказал ни слова, кажется, даже не кивнул, но каким-то непостижимым образом дал понять, что все будет исполнено в точности.

– Завтра к десяти утра полное досье на нее. Привезти в Мытищи, я там буду на заводе.

– Горячев просил доложить, что отчет у него готов, Ахмет Салманович.

Горячев был начальником службы безопасности.

– Мне не нужны его отчеты, – возразил Баширов и слегка улыбнулся, смягчая жесткость тона. – Когда будут результаты, тогда пусть доложит. Спасибо, Марк Андреевич!

Секретарь опять не сделал ни одного движения, но все же каким-то образом выразил свои положительные эмоции и исчез.

Баширов вернулся к делам.

...кто и зачем застрелил Германа Садовникова?..

Кто и зачем?.. Зачем?..

– Затем, что было темно, а стало светло, – сама себе сказала Мелисса Синеокова.

Горло болело, как будто, пока она спала странным, каменным, неживым сном, кто-кто сунул туда руку и драл наждачной бумагой.

Она часто глотала, но слюны не было, только наждачная сухость.

За время ее сна стало хуже не только в горле, стало хуже и в ее тюрьме.

Здесь кто-то был, поняла она, когда ей наконец удалось разлепить глаза и немного унять тошноту. И этот кто-то спустился сверху.

Поначалу она не могла понять, почему стало светло. В голове гудел и булькал раскаленный чугун, рот ссохся, и казалось, что вот-вот внутри его полопается кожа и потечет кровь. Она не могла разлепить веки, просто не могла, и все тут, как будто забыла, что нужно делать, чтобы открыть глаза, а потом разлепила.

Ресницы оказались как будто смазаны чем-то, а потом выяснилось, что на самом деле смазаны. Крупички этой засохшей смазки остались у нее на пальцах, когда она потерла глаза. Белые, как кристаллики. Губы в высохшей пленке тоже были чем-то вымазаны, и, поняв это, она испугалась так, как еще не боялась никогда в жизни.

Все предыдущее не шло ни в какое сравнение с тем, что здесь, в ее темнице, был кто-то. Он был рядом с ней, когда она спала, он прикоснулся к ней и даже мазал ей чем-то лицо! И не просто лицо, а глаза и губы!..

Ужас, первобытный, дикий, животный, вдруг захлестнул ее.

Воя, она бросилась на стену, пытаясь проломить ее, дать выход ужасу, который затапливал ее, но то была крепкая стена, гладкая и без всяких изъянов, и она даже не шевельнулась, когда Мелисса на нее навалилась. Она не дрогнула, и Мелисса кинулась к другой стене – у спинки кровати.

Она кинулась и стала биться о стену головой. Она не знала, что это так больно – биться головой о стену, – и именно боль немного ее отрезвила.

И только тут она стала соображать и поняла, почему в темнице стало светло.

На грубо сколоченных козлах, где она нашла бутылку с водой, горели свечи. Много свечей разной высоты и формы, маленьких и больших, горевших ровным и сильным пламенем и слегка теплившихся.

Не сразу до нее дошло, что горящие свечи могут означать только одно – *тот человек* был здесь совсем недавно!..

Он был здесь, ходил, расставлял и зажигал свечи, прикоснулся к ней, трогал ее, а она даже не проснулась!

Господи, помоги мне!.. Господи, спаси и помилуй меня, грешную!..

Василий Артемьев как-то сказал ей, что, когда просишь господина «спасти и помиловать», всегда нужно прибавлять – «грешную». Иначе не спасет и не помилует, так ему когда-то объяснил деревенский батюшка в той деревне, где восьмилетний Василий Артемьев проводил лето и пас овец.

Однажды с ясного неба вдруг скатилась гроза. Внезапно все почернело, закружилось, деревья зашелестели тревожно и угрожающе, а восьмилетний Василий как раз в лес пошел, за малиной. У него был круглый туесок, резиновые сапоги – от гадюк – и палка, чтобы время от времени сбивать ею мухоморы, просто для забавы.

А тут вдруг такое дело – грозища, да еще страшная какая!..

Он зашел недалеко, малинник начинался прямо за деревней, а дедов дом стоял почти у опушки. Василий не боялся леса и очень любил малину с молоком, а дед всегда говорил, что если кто чего любит, тот, значит, должен пойти и это заработать. Потому что просто так, на блюдечке, никто не поднесет.

Ветер налегал все сильнее, ветви орешника трещали и пригибались к самой земле, чуть ли не валились друг на друга, и небо над головой у Василия сделалось совершенно темным, словно ночным, и тогда он стал повторять:

– Господи, спаси и помилуй меня, господи, спаси и помилуй!..

Сначала он шел по дороге, а потом побежал, придерживая рукой наполовину набранный туесок. Дождь все не начинался, грохотало всухую, и это было особенно жутко.

И так Василий Артемьев со своим туеском добежал до часовенки, которая стояла на самом краю деревни. Часовенка была крохотная, вдвоем едва поместишься, и рассказывали,

что когда-то отступающая армия Кутузова служила здесь молебен Владимирской Божьей Матери, и в том месте, где стояла икона, заложили часовенку и назвали Владимирской.

Еще рассказывали, что уже после войны 12-го года какая-то деревенская девка взяла да сдуру влюбилась в попа! Поп был молодой, образованный и жил в Белой Церкви, в поместье графа Хатькова, известного на всю округу богача и просветителя. Граф Хатьков свято верил в медицину, и две трети всех больниц, до сей поры существовавших в области, построил именно он, с благословения того самого попа, с которым, говорят, был дружен. Поп, разумеется, был женат и про деревенскую девку знать ничего не знал, только время от времени приезжал в деревню, служил перед Владимирской молебен. А та дурища взяла да от любви и повесилась, прямо перед часовней, во-он на том дубе. Говорят, нижнюю ветку потом спилили, после того, как ее сняли, холодную уже. А поп так от этого случая расстроился, что больше в деревню никогда не приезжал, а граф Хатьков распорядился часовню со всех сторон засадить деревьями, да такими, «чтоб росли с превеликим усердием» и скрыли ужасное место от глаз.

С тех пор часовня вся заросла кустарником да деревьями, и деревенские боялись туда ходить, тем более Владимирскую Божию Матерь когда-то сожгли чоновцы, приезжавшие для того, чтоб коллективизировать здешний народец. Народец коллективизировали, скотину всю изъяли, вещички, у кого были поприличней и почище, забрали тоже, нескольких девок оставили беременными, а мужиков, которые покрепче были, расстреляли прямо у стены часовни, да там и закопали, не велев хоронить как положено.

Новый поп, тот, что объявился в приходе уже после того, как советская власть на убыль пошла, часовню подновил, подкрасил, икону привез взамен той, что сожгли, заупокойную службу отслужил по тем, которых когда-то просто так в ямину побросали.

Но часовню все равно все боялись и обходили.

Маленький Василий Артемьев, приезжавший только на лето, грозы боялся больше, чем часовни, поэтому и залетел с разгону на крылечко, под навес. Дождь уже начинался, падали крупные, гулкие, тяжелые капли, а Василий все бормотал:

– Господи, спаси, сохрани и помилуй меня!..

Он и не услышал, как отворилась скрипучая дверка и на крылечке рядом с ним оказался высокий бородач в длинном черном платье. Подол у платья был смешно подоткнут, и из-под него торчали джинсы, из ворота выглядывала тельняшка.

– Здорово, – сказал бородач и пожал Василию руку. Рука была холодная и мокрая – с перепугу.

– Ты не бойся, – сказал бородач и заглянул к нему в туесок. – Это все не страшно. А что у Господа защиты просишь, это ты молодец, это правильно. Кто нас еще защитит, если не отец наш небесный!

Подкованный в первом классе Василий сообщил бородачу, что бога нет, и тот вдруг захохотал добрым, веселым смехом.

– Нету, а защитить просишь! Это как понимать?

Василий не знал, как это следует понимать.

– Эх ты! – сказал бородач, выплеснул в кусты бузины ведро, оправил свое платье и раскатал рукава. В часовенке было влажно и чисто, оказывается, бородач мыл там пол.

Совершенно успокоившийся Василий угостил его малиной, и они долго сидели в сумерках на крыльце, ели малину и слушали, как в деревьях шумит дождь и гроза уходит.

– Ну вот так, – сказал бородач напоследок. – Ты еще пока маленький, а когда вырастешь и будешь у Господа защиты просить, всегда прибавляй, что ты грешный. Все мы грешны, потому что люди, а не ангелы, ничего в этом такого нет. Но Господь должен знать, что ты это понимаешь.

Так Василий Артемьев и научил Мелиссу – когда просишь у Господа защиты, скажи ему, что ты понимаешь, что не ангел с крыльями, а просто человек, и, следовательно, грешишь. И тогда Он тебя услышит.

Сейчас она из всех сил просила защиты, и говорила Ему, что она просто человек, не ангел с крыльями, и потому особенно нуждается в Его защите!..

Свечи на грубо сколоченных козлах горели и потрескивали – в тишине их треск казался особенно зловещим.

Пересилив себя, не переставая молиться и думать о Василии – странно, но для нее это было как будто одно и то же, – она заставила себя подойти к козлам и посмотреть.

Свечей было много, два десятка, а то и больше, и несколько восковых, церковных. Поняв это, Мелисса затряслась, как в ознобе, и даже отошла ненадолго, чтобы успокоиться.

Ее враг был здесь, зажигал свечи, он принес даже несколько церковных!.. Господи, спаси, сохрани и помилуй меня, грешную!

С церковных свечей капал воск, длинные капли, похожие на слезы, и она вдруг поняла, чем у нее были замазаны губы и глаза – воском. Пальцы, которыми она терла веки, были чуть маслянистые и пахли церковью.

Какая-то картинка, бумажный квадратик, была прислонена к самой длинной и толстой свече, у серой стены. Мелисса нагнулась, чтобы посмотреть, и...

Это была ее собственная фотография.

Она закрыла глаза, постояла и снова открыла.

Рот затопило невесть откуда взявшейся кислой слюной. Ее было так много, что Мелисса еле успевала глотать и, держась рукой за влажную сырость стены, стала отступать, отступать в угол, и там, в углу, ее вырвало.

Она долго дышала открытым ртом, заставляя себя не оглядываться и не смотреть *туда*.

Тошнота все не проходила, желудок содрогался и корчился, и Мелисса держалась за живот обеими руками, уговаривая себя не трястись, чтобы рвота не затопила ее совсем.

А потом оглянулась.

Это был какой-то дьявольский алтарь, вот что это такое было. И она поняла это сразу. Именно поэтому там горели свечи, и именно поэтому там была ее фотография, прислоненная к самой толстой и высокой церковной свече.

Это специально оборудованное место для жертвоприношений, а жертва я. Как жертвенное животное, меня опоили чем-то ужасным, таким, от чего я заснула так, как будто умерла.

Лучше бы я умерла на самом деле!..

Прижимаясь спиной к стене, ведя по ней ладонями, она двинулась в обратную сторону, к «алтарю», на котором все горели свечи, и вдруг одна догорела, затрещала, упала и покатилась.

Мелисса зажмурилась.

Когда свечи догорят, он придет, почему-то решила она. Он придет, чтобы совершить надо мной что-то ужасное, такое, что даже представить себе невозможно.

Никто не похищал ее из-за денег. Ее похитил какой-то ненормальный, и с его извращенным сознанием Мелиссе теперь предстоит бороться.

Господи, спаси, сохрани и помилуй меня, грешную!..

Тяжесть в голове проходила. Должно быть, от страха, отчаяния и адреналина действие препарата, который *тот* подмешал в воду, закончилось.

– Мне нужно выбираться отсюда, – вслух сказала себе Мелисса. – Иначе я тут пропаду, чего доброго. Где здесь выход? Ведь если он сюда вошел, значит, выход есть! Где он?..

Ведя ладонями по стене, она пошла направо от грубо сколоченных козел, на которых горели свечи. Стена была абсолютно гладкой, и было совершенно ясно, что в ней нет никаких отверстий. Она была гладкой, заштукатуренной, и когда Мелисса постучала по ней, звук получился глухой, как в вату. Должно быть, стена была еще и очень толстой.

Но ведь выход должен быть!..

Она примерилась и снова стукнулась головой о стену, виском, так, чтобы стало больнее, охнула, потому что череп словно просверлило, и только тут сообразила посмотреть наверх.

В потолке был лаз.

Деревянная крышка, как ремнями, перехваченная железной сбруей.

До потолка высоко. Не достать. Закинув голову, она потянулась и не достала.

Тихо, тихо, приказала она себе. Без паники.

Лаз есть, и это уже хорошо. Значит, я не в темнице доктора Зло из кинофильма про Джеймса Бонда. Или из какого-то другого кинофильма.

Если мне не достать, как же спускался тот, кто соорудил... алтарь? Прыгал? Это маловероятно, у него были свечи и все такое. Как он тогда спускался? Хотя... на поверхности у него вполне могла быть лестница и, скорее всего, есть. Он открывал лаз, спускал лестницу и осторожно слезал по ней, стараясь не упасть.

Мелисса быстро и крепко зажмурилась, чтобы не представлять себе, как именно он спускался вниз, а она спала!.. Она ничего не чувствовала, не слышала, а он мазал ей глаза и губы свечным церковным воском и ставил ее фотографию на алтарь!

У меня нет лестницы. Но у меня есть кровать! А на ней есть металлическая сетка!

В мгновение ока она подскочила к кровати, навалилась на спинку и стала толкать. Кровать ехала неохотно, скребла по цементному полу, стонала и скрипела, но Мелисса подтащила ее под лаз, взобралась и двумя руками надавила на доски.

Господи, спаси, сохрани и помилуй меня, грешную!..

Люк был хлипкий и, похоже, трухлявый, потому что за шиворот ей сразу посыпался какой-то мусор, и Мелисса, как испуганная кошка, присела, пережидая, когда он перестанет сыпаться.

А что, если *тот* наверху?.. Если он услышит, как она скребется, и все поймет?! Тогда он придет и убьет ее!

Впрочем, если убьет, это не самое страшное. Страшно, если станет делать с ней что-то такое, для чего ему и нужен его дьявольский алтарь!

Труха все продолжала сыпаться, бесшумно слетать на пол. Мелисса следила за ней глазами.

«Он все равно меня убьет – сейчас или потом. Он убьет меня, и я даже не сумею сказать Ваське, как я его люблю и как пусто жила без него. Мы поссорились, и теперь он думает, что я вздорная баба и больше не люблю его, и я не могу умереть, пока не скажу ему о том, что самое лучшее в моей жизни, самое надежное, верное, славное, все самое дорогое, кроме моих книг, пришло ко мне вместе с ним. До него был только Герман и ужас, который он сделал со мной. Там тоже была ловушка, там меня тоже пытали. Там не было алтаря, но пытка была самая настоящая, и после той пытки я больше не могла жить! Я стала жить, когда появился Василий и объяснил мне, что все хорошо! Что есть я, он и что любовь – это что-то очень похожее на воскресенье в мамином доме, где пахнет плюшками, чистыми полами и крепким чаем, где ничего не страшно, где есть кому рассказать обо всем!.. Где не надо бояться выглядеть «не так», «делать лицо» и «держат спину». Где можно валяться и дрыгать ногами, от радости или от горя, и тебя все поймут, простят и погладят по голове. Где самая вкусная еда и самая удобная постель, где крепостные стены отгораживают тебя от зловещего и сложного мира и добрые стражники никогда не допустят к тебе врагов или плохих людей. Я должна сказать ему, что люблю его так, а для этого мне нужно выбраться отсюда. Чего бы мне это ни стоило!»

Может, даже и хорошо, что он услышит. Может быть, мне удастся ударить его, оглушить на время, и у меня будет шанс. Пусть только один.

Господи, спаси, сохрани и помилуй меня, грешную!..

Мелисса распрямилась и изо всех сил ударила в доски. Они подпрыгнули, посыпалась труха, что-то задребезжало железным дребезгом.

Если с той стороны люк закрыт на металлическую щеколду, мне не справиться.

Мелисса Синеокова писала романы и потому обладала отлично развитым воображением. Она моментально представила себе эту щеколду, заржавевшую, прочную, глухо сидящую в пазах.

Нет, нет, нет!..

Она ударила еще раз, зажмурилась, потому что труха сыпалась теперь не переставая и попадала в глаза, и стала молотить изо всех сил.

Раз, раз и еще, еще, еще!..

Кажется, она в кровь разбила кулак и успела мельком подумать, что теперь вся работа встанет, потому что печатать с разбитой рукой невозможно!

В прошлом году они с Васькой катались в Австрии на лыжах. Там, в Австрии, была сказочная деревушка, как с рождественской открытки, маленькая, заснеженная, пряничная. Хозяин отеля, пузатый и громогласный, в клетчатом фартуке, варил по вечерам глинтвейн и разливал его в большие кружки. Накатавшись до дрожи в ногах, они сидели у камина, пили глинтвейн и смотрели на огонь, и не было в жизни Мелиссы Синеоковой ничего лучше, чем сидеть рядом с Васькой, привалившись плечом к знакомо пахнущему свитеру, попить глинтвейн и слушать, как в бильярдной стучат шары и что-то кричат немцы, такие же пузатые и громогласные, как хозяин. Иногда она засыпала в кресле, и Васька ее потом дразнил, говорил, что она храпит. Почему-то это называлось «кошкин храп», и она не могла понять, почему кошкин! Он никогда не называл ее кошкой! На горе она однажды упала, вывихнула запястье и долго скрывала это от издателя, который пришел бы в ужас от того, что она опять задержит рукопись!..

Ничего! Ничего!.. Ей бы только выбраться, и она больше никогда, никогда не станет задерживать рукописи, будет всегда сдавать точно в срок, нет, даже раньше срока!..

Люк грохотал в пазах, лязгала щеколда с той стороны, и ничего не менялось. Он не сдвинулся ни на один сантиметр.

Его нужно чем-то поддеть, поняла Мелисса. Поддеть, просунуть в щель какую-нибудь железку и попытаться отодвинуть щеколду. Но у нее не было железки!..

– Черт тебя побери!.. – закричала она. – Чтобы ты сдох, сволочь!..

Еще одна свеча догорела и погасла, и она подумала, что, когда все догорят, он придет за ней. Он знает, что свечи будут гореть долго, и поэтому не приходит, а потом придет! Придет и сделает все самое страшное, что только могло представить себе писательское Мелиссино воображение!

Она снова стала колотить, и вдруг какой-то звук, почти неуловимый в грохоте, привлек ее внимание. Она насторожилась, как овчарка, и перестала колотить.

После грохота тишина показалась ей убийственной, но в этой тишине явственно слышались шаги. Там, наверху, кто-то шел.

Он шел и приближался к ее люку.

Все. Она не успела.

Свечи еще не догорели, а он пришел.

Он пришел и сейчас будет убивать ее.

Мелисса соскочила с кровати – матрас задребезжал и затрясся, – подбежала к алтарю и, обжигаясь над пламенем низких свечей, выхватила ту самую, длинную. Фотография свалилась, и неизвестно зачем Мелисса сунула ее в карман джинсов.

Просто так она не дастся. Может, хоть обожжет, ослепит или, если повезет, сумеет ткнуть ему в глаз или в ухо, и... Господи, помоги мне!..

Шаги, шаркающие, похожие на старческие, были теперь над самой головой. Еще ей показалось, что она слышит бормотание, невнятное и тоже как будто старческое.

На цыпочках, стараясь не дышать, она подошла к кровати, держа горящую свечу в руке. И оглянулась. На столе осталось всего несколько огней, остальные догорели – должно быть, она долго лупила в потолок!.. По углам извивались тени, наползали на середину склепа.

Скоро все кончится, сказала она себе.

Так или иначе, но кончится.

Шаги затихли, и некоторое время не было слышно ничего, лишь потрескивание церковной свечи у нее в руке, а потом вдруг люк распахнулся.

Мелисса присела и сжалась, стискивая свечу.

Сейчас. Как только он начнет спускаться. Огонь в лицо и...

И...

Из лаза никто не спускался. Там было темно, еще темнее, чем в ее темнице, и ни звука.

Но кто-то же ходил там! Ходил, и бормотал, и открыл лаз!..

Мелисса прислушивалась изо всех сил. Пот тек по спине, а на пальцы капал воск, словно свеча плакала у нее в руке.

Вдруг наверху вновь послышались шаги, шаркающие, неуверенные, но они не приближались, а удалялись от лаза.

– ...сколько раз говорила, – послышался голос, – и говорила, и говорила Петруше! Только он не слушает меня, вот так-то, Олечка! Я ведь и тебе говорила, чтобы ты не выходила за него, а ты пошла! И пошла, и пошла, и что теперь получается? Мать во всем виновата? Да? А ведь Коля к тебе ходил, ходил, я знаю!..

Мелисса Синеокова перевела дух. Горячий воск попадал в ранки, жег руки.

Олечка?! Коля?! Петруше говорила?! Выходит, он там не один, там целая... компания?!

Шаги все удалялись, и бормотание с ними.

– А чего же? Детишки, они и есть детишки, озоруют, а я разве зверь?! Разве я стану в подвале их запирасть? Петруша запрет, а я выпущу. Вчера запер, я и вчера выпустила!.. Ох, грехи наши тяжкие, где же это он запропастился, давно пора со станции быть!

Наверху заскрипело что-то, как будто кровать, и все затихло.

Мелисса дунула на свечу, сунула ее в нагрудный карман джинсовой куртки, поставила ногу на край кровати, так, чтобы можно было опереться, и осторожно распрямилась. Голова у нее оказалась снаружи, и воздух, чистый и свежий, вдруг ударил в мозг так, что она покачнулась и схватилась за край лаза.

Деревянная крышка была откинута, и в комнате темно, только луна лежала косыми полосами на грязном щелястом полу. Длинная, как баклажан, тень от Мелиссиной головы доставала до противоположной стены, на которой висели какие-то цветные бумажки, похожие на фотографии из журналов.

Никого не было.

Мелисса задышала чаще, и голова прошла и стала соображать.

Нужно вылезти.

Вот только как? Она была высокой и, мягко говоря, не слишком худой, кроме того, подтягиваться отродясь не умела, за что всегда получала двойки по физкультуре. Пятерки она получала только зимой, когда нужно было на время кататься на лыжах. Вот кататься на лыжах она могла и тогда не получала двоек.

Она вытащила локти, уперлась ими в пол с двух сторон от лаза и стала тащить себя вверх и поняла, что – нет, не вытащит. Нужно подпрыгивать и цепляться за доски, но это было почти невозможно, потому что ноги ехали по краю сетчатой кровати, да к тому же она обессилела от страха и отчаяния.

Она прыгнула, стараясь повиснуть на локтях, и не смогла. Руки скрутило острой болью, и она закрыла глаза.

Козлы!.. Алтарь со свечами! Он гораздо выше кровати, он даже выше, чем обыкновенный стол!..

Но для того чтобы подтащить козлы, придется нырнуть вниз, в пропасть, в подземелье, и оттащить кровать!..

Быстрее, быстрее! Кровь застучала в висках.

Со всего размаху Мелисса прыгнула вниз, навалилась на кровать и отодвинула ее. Подбежала к козлам, смела с них все свечи, которые упали и раскатились по полу, и поволокла козлы на середину. Они были очень тяжелые, гораздо тяжелее кровати, а у нее совсем не осталось сил!

Она волокла, толкала, тянула, скулила и выла, и дотащила!..

Сдирая кожу на ладонях, она уцепилась за них, взобралась, подпрыгнула, подтянулась и оказалась наверху.

У меня получилось!.. Господи, спасибо тебе, у меня получилось!..

Где-то в отдалении опять послышался шорох, и невидимый голос проскрипел:

– А вы не озоруйте больше! Витя, Маша!.. Вот я все отцу скажу, он вас обратно в подвал посадит! Витя? Это ты? А?

Мелисса затаила дыхание.

– Да где вас всех нелегкая носит! Завтракать пора, а Петруша на службу уехал! Где это видано, чтобы по выходным служба, да еще праздник сегодня, День красной революции!

Этот бестелесный голос, в темноте и тишине глубокой ночи говоривший, что завтракать пора, навел такой ужас, что Мелиссу продрал озноб.

Она все еще стояла, не в силах шевельнуться, когда вдруг темноту за маленькими, давно не мытыми окнами прорезал свет фар. Самый обыкновенный свет самых обыкновенных автомобильных фар, такой привычный и такой веселый, как будто жизнь все еще продолжалась!.. Машины продолжали ездить, фары продолжали светить, и мир не сошел с ума!..

И тут она поняла, что это вернулся тот, кто посадил ее в подземелье.

Он приехал, чтобы убить ее. Он приехал на машине, и свет его фар она видит сейчас на улице в маленьких невымытых стеклах!

Ужас придал ей сил.

Она проворно наклонилась и бесшумно опустила люк в пазы, и задвинула щеколду, которая тяжело брякнула, и от этого бряка волосы зашевелились у нее на голове.

– Петруша! – позвал голос и вдруг стал плаксивым: – Петруша, не сердись, это они сами, я их не выпускала! Сами, сами выскочили, стервецы! А я не виновата. Не виновата, Петруша! А будешь драться, я Оленьке скажу! Все-о скажу! Дети, дети, завтракать пора!

Свет бил теперь почти в окна, и Мелисса поняла, что должна уходить с другой стороны. Споткнувшись о лестницу, которая и впрямь оказалась снаружи, она побежала в ту комнату, откуда доносился ужасный голос.

Там тоже была луна, а больше никакого света, и вдоль стены стояла кровать, точно такая же, как та, внизу, и на ней кто-то копошился – темный силуэт, почти бестелесный и от этого еще более зловещий.

– Оленька, – проскрипело с кровати, – он меня обижает! Грозится в подвал посадить! Он в подвале детей наказывает, а разве я зверь! Он посадит, а я выпущу. Он посадит, а я выпущу! Оленька, разве можно детей в подвале держать, особенно в День красной революции?

В дверь нельзя, и Мелисса не знает, где дверь.

Окно! Это окно на другую сторону, и она успеет вылезти, пока тот не зашел в дом. Она успеет.

Мелисса кинулась к окну, отодрала хлипкий шпингалет, распахнула створки.

– Что это вы, Петруша?! Не май месяц на дворе, я уж голландку собиралась затопить! Вот моя мать, она у балерины Истоминой служила, так они всегда голландку топили, когда холодно было, а вы все экономите, все гроши ваши жалеете!

Свет фар погас, желтые прямоугольники света пропали.

Стараясь не шуметь, она проворно вылезла в окно, повернулась и тихо притворила створки.

Вокруг не было ни души.

Ни проблеска света, ни звука, ничего.

Впереди росли кусты, а за ними обветшалый штакетник, и Мелисса, перебирая руками и прислушиваясь, нашла дырку, раздвинула гнилые штакетины, пролезла и оказалась на дороге, залитой синим лунным светом.

Луны было очень много, глазам и изнемогшему мозгу показалось, что полнеба занято луной, и Мелисса решила, что увидеть ее под таким ярким, почти непристойным светом будет очень легко. По дороге идти нельзя.

Она пробежала немного, остановилась, задыхаясь, и вдруг увидела шоссе.

Оно было очень близко – рукой подать. Самое обыкновенное шоссе. Горели фонари, приглушая свет оглашенной луны, и машины шли довольно плотно.

На этом самом шоссе было большое движение!..

Только бы добраться туда, туда, где люди, где идут машины, где сияет электрический свет, и, спотыкаясь и падая, и поднимаясь снова, она побежала к этому спасительному шоссе и тут сообразила, что туда нельзя!

Нельзя ни за что на свете!..

Как только *тот* обнаружит, что она исчезла, он кинется ее догонять, искать и непременно решит, что она сдуру бросилась на шоссе, а там никто не спасет, не поможет! Кто остановится, если грязная, бредущая по обочине женщина станет голосовать?! Никто и никогда, особенно по нынешним временам.

Там спасительный свет и идут машины, но туда нельзя ни за что!..

Мелисса Синеокова остановилась, секунду постояла на пустынной проселочной дороге, залитой лунным светом, и бросилась в лес, который черной громадой подступал прямо к обочине.

Она бросилась в лес, затрещали ветки, и Мелисса вновь остановилась, чтобы глаза привыкли к темноте.

Врешь, не возьмешь, думала она ожесточенно... Я победительница. Я спаслась, а вы оставайтесь в вашем склепе с сумасшедшими старухами и пружинными кроватями! А мне надо домой. Мне надо к Ваське – сказать ему про мою любовь!..

Она пробиралась уже довольно долго и отошла далеко, когда тишину ночи, нарушаемую только отдаленным шумом шедших по шоссе машин, вдруг пронзил вой.

Это был нечеловеческий, почти звериный вой, и до нее дошло, что *тот* обнаружил, что склеп пуст и пленница пропала. Звук был не очень громкий, и Мелисса поняла, что ушла уже довольно далеко от избы с привидениями.

– Так тебе и надо, сволочь, – прошептала Мелисса и вытерла пот со лба. – Так тебе и надо!..

Уже стало светать, когда она вдруг дошла до заправки.

Внизу было еще темно, но небо уже поднималось, и чувствовалось, что ночь перевалила за середину и скоро грянет спасительное завтра.

На заправке горел свет и не было ни одной машины.

Мелисса выбралась из леса, осмотрелась – на шоссе тоже никого не было, кинулась и перебежала асфальтовое пространство.

Толстая девушка в теплой кофте дремала за стеклом и вытаращила глаза, когда Мелисса постучала. Вытаращила глаза и нажала кнопку на переговорном устройстве.

– Извините, пожалуйста, – сказала Мелисса Синеокова. – У меня машина сломалась. Там, – и она махнула рукой вдоль пустого шоссе. – Можно мне позвонить?

– А чего, своего телефона нету, что ли? – спросил динамик голосом толстой девушки и зевнул.

– Забыла. – Мелиссу вдруг сильно затрясло, и она стиснула руки в карманах измазанной джинсовой куртки.

Толстая девушка по ту сторону жизни пожала плечами в нерешительности.

– Я вам заплачу, – вдруг сообразила Мелисса. – У меня же деньги есть!

Она полезла во внутренний карман и достала сто долларов, которые всегда припрятывал туда Васька – на всякий случай.

– Знаю я тебя, – говорил он. – Кошелек потеряешь и будешь милостыню просить! Видишь? Вот деньги! Я их тебе кладу во внутренний карман. Поняла?

Она всегда смеялась и отмахивалась.

– Да не надо мне ваших денег, – сказал динамик неуверенно. – Звоните!..

Окошко открылось, и в него просунулась нагретая телефонная трубка.

– Спасибо! – закричала Мелисса. – Я сейчас, я быстренько!..

Ошибаясь и не попадая разбитыми пальцами в кнопки, она набрала номер.

Пока телефон раздумывал, соединить или нет, она ждала, и эти несколько секунд были самыми длинными за всю жизнь Мелиссы Синеоковой, знаменитой писательницы.

Телефон сжалился над ней, и длинный гудок ударил ей в ухо, и она закрыла глаза. Он не успел загудеть во второй раз, когда трубку сняли.

– Да.

– Это я, – сказала Мелисса. – Я жива. Все в порядке. Ты только теперь быстрее приезжай, пожалуйста.

Тут она сообразила, что понятия не имеет, куда нужно приезжать, и наклонилась к окошку.

– Девушка, милая, – жалобно спросила она, – вы мне только еще скажите, где я нахожусь?..

– В заднице, одним словом, – договорила Любанова. – И пусть заткнутся все, кто думает, что у нас все распрекрасно-хорошо!

– Да никто так и не думает, – пробормотал Константинов.

Он примчался пять минут назад и теперь изображал очень деловой вид. Лере не удалось с ним перекинуться ни словом, и вопросов у нее было очень много, и все – без ответа.

Она видела, что креативный директор чем-то очень встревожен, но расспрашивать наскоро и прилюдно не желала. Кроме того, он должен понять, что она очень на него сердита. Так сердита, что даже заговаривать с ним не желает!

– У кого какие соображения?

Соображений не последовало, зато в кармане у Константинова очень некстати зазвонил телефон.

Не ответить Константинов не мог. Он был «продвинутый», и все звонки в мозгах его телефона были поделены на «группы» и в зависимости от «группы» издавали разные звуки.

Романтическая мелодия из «Бандитского Петербурга» свидетельствовала о том, что на проводе «семья». «Семью» он не мог оставить без внимания.

– Да, мам!

Лера Любанова проводила его мрачным, словно угольным взглядом. Лере Любановой решительно не нравилось все то, что креативный директор проделывал в последнее время.

– Мам, говори быстрее, я на совещании.

– Ну, тогда перезвони, когда сможешь.

Этого Константинов терпеть не мог! Вот теперь он должен думать, зачем она звонила и не случилось ли чего, а потом, не дай бог, он забудет перезвонить, мать обидится, он рассердится и так далее.

– Мама, быстро говори, чего хотела!

– Ну ты же занят!

– Мама, я уже вышел в коридор. Специально. Говори. Что?

– Саша, у Леночки закончилось Фемара. Я просто тебе напоминаю. Купи и завези нам, если можно, сегодня. Понял?

Константинов понял. Про лекарство он и в самом деле забыл, а не должен бы забывать.

Несколько лет назад случилось несчастье. У сестры вдруг обнаружилась «онкология», и это слово, почему-то казавшееся Константинову похожим на свернувшуюся холодными пыльными кольцами очковую змею, стиснуло семью со всех сторон. Мать в один день изменилась необратимо, непоправимо, окончательно, и вдруг оказалось, что отец уже не отец, а пожилой дедок, шаркающий по лестнице подошвами старомодных ботинок, и Константинов решил, что Ленка непременно умрет, и тогда – все.

Что «все», он не знал, но знал, что – «все», точка.

Присутствие духа сохранила только сама сестра:

– Рак груди – излечимая болезнь, – твердила она с попугайской уверенностью, и никто не смел ей перечить, и все делали вид, что верят, и бодрились.

А потом она нашла препарат с названием, больше похожим на название духов – Фемара. Врач в больнице сказал, что хороший препарат, снижает риск рецидивов, и улучшает, и поддерживает на сколько-то процентов больше. Вот в препарат родственники уверовали гораздо сильнее, чем в Ленкины заверения, что все обойдется.

И препарат не подвел! После операции прошло уже... лет пять прошло, и все – тьфу, тьфу, тьфу! – в порядке. Ничего, обошлось, и Константинов и его семья свято верили в то, что обошлось именно потому, что Леночка регулярно принимала эту самую Фемару.

Ее покупка была делом не только первоочередным, но еще и «семейным».

Константинов сказал матери, что непременно сегодня купит и привезет, и вернулся в кабинет главного редактора, где Любанова, злая как пантера, сверкала голубыми грозными очами.

Лев Валерьянович Торц излагал свои соображения относительно подложного договора, который он так неосмотрительно подписал, но... и он особенно подчеркнул это «но» загустевшим голосом, не по своей вине и даже не своему недосмотру, а исключительно в силу обстоятельств, которые оказались «выше его понимания».

Константинов хотел было вставить, что все до одного обстоятельства находятся выше понимания Льва Валерьяновича, но остановился. Усложнять и без того сложную обстановку не входило в его планы.

Заверив собравшихся, что он решительно, решительно ни при чем, Лев Валерьянович приступил к следующему пункту своего короткого, но емкого доклада. Первый пункт проходил под кратким названием «Что делать?», а второй пошел под названием «Кто виноват?».

Виноваты, по мнению Льва Валерьяновича, были «функционеры» из «России Правой», которые «недобросовестно» подошли к договору и таким образом запутали его, Льва Валерьяновича, и главного редактора, Валерию Алексеевну. Не следовало подписывать договор по устному указанию по телефону!.. Таким образом, нужно попросить ту сторону аннулировать договор как несостоятельный...

И, собственно, все.

– Понятно, – сказала Лера. – Спасибо тебе за идею, Лев Валерьянович.

Торц благожелательно покивал, как бы говоря – не стоит, не стоит, право! Все нормально!..

Черт его знает, вроде он не был дураком, этот Торц, отвечавший за финансы. По крайней мере непосредственно финансовые органы на него никогда не жаловались и за все время, что Лев Валерьянович ими руководил, со счетов «копейки не пропало», и это было правдой.

– А с телефонным звонком-то что?

– С каким звонком, Валерия Алексеевна?

– Ну с моим. С моим звонком тебе.

– А что такое?

– А то, что я тебе не звонила. Понимаешь ты меня?

Лев Валерьянович смотрел на нее странно. Как это может быть, что не звонила, было написано у него на лице, когда ты мне точно звонила, сам слышал, вот этим самым ухом!

И он засунул в ухо мизинец и слегка потряс им там, как бы прочищая слуховой проход.

– Да не лезь ты в уши! – вскипела Лера. – Я тебе не звонила, и точка!

– А может, ты... позабыла, Валерия Алексеевна? А?..

– Ничего я не позабыла, Лев Валерьянович! Я еще пока в своем уме. И вдребезги не напивалась, не надейся.

Торц широко развел руками, словно огорчаясь, что больше он уж точно ничем помочь не может, чем же тут поможешь?

– Роман? – резко отвернувшись от Торца, спросила Лера. – Соображения?

– Никаких.

– Саша?

Константинов не мог ее подвести. Ну, не мог, и все тут!.. Он спинным мозгом чувствовал ее состояние – осталась один на один с неведомым противником, и все отступили, никто ни при чем, она одна на арене, и непонятно, что будет дальше, и не превратится ли арена в площадку, куда на потеху публике выпускают голого слабого человека, и с другой стороны у клетки падает решетка, и, жмурясь от солнца и предстоящего удовольствия, на песок выбегает парочка голодных львов!

– Лер, у меня есть... мысли, – сказал креативный директор значительно, хотя никаких таких мыслей у него не было, кроме единственной – о Тамиле Гудковой. – Но, с твоего разрешения, я тебе их попозже изложу. Тет-а-тет, так сказать.

Лера пожала плечами. Поведение Константинова ее пугало – как будто он в одну секунду, подверженный законам неведомой телепортации, оказался по другую сторону баррикады, а она даже не могла взять в толк, из-за чего так вышло!

Больше спрашивать было не у кого, ибо на совещании присутствовали только эти четверо, и Лера задумчиво оглядела всех по очереди.

– И что будем делать? Финансовая служба «России Правой» требует вернуть деньги, которые они якобы заплатили нам в тот же день, когда Лев Валерьянович подписал договор. Мы никаких денег не получали. – Она вытянула шею, над плечом Константинова пристально посмотрела на Торца, спросила громко, как у глуховатой старушки: – Да, Лев Валерьянович?! Денег от «России Правой» мы точно не получали?!

– Нет, нет, – солидно и благожелательно сказал Торц. – Никаких денег! Ни счета-фактуры, ни платежек, ничего нет. И наш банк подтвердил, что ничего на наши счета не приходило!

– Тем не менее они мне названивают с одним вопросом – где деньги? Если не вернете, говорят, мы такой шум в прессе поднимем, что вам мало не покажется! Я отвечаю, что денег нам никто не переводил, у нас и документы соответствующие есть.

– А они что? – Это Константинов спросил.

– А они говорят, что лично Герман Садовников перевел нам эти деньги! Или контролировал их перевод, и то, что у нас нет документов, – это подлог!

Константинов постучал ручкой по зубам – была у него такая привычка. Тамила всегда ругалась.

– Лер, а если это просто... кидалово?

– Саша, я не люблю таких выражений!

– Да, прости. Если это просто... ну, игра такая!

– Какая игра?! – простила Лера. – Кто в нее играет?!

– Садовников.

– Он помер! Застрелили его! Ты ничего про это не знаешь?!

– Я знаю. Но он мог затеять какую-нибудь аферу, именно денежную, и не довести ее до конца. По уважительной причине. Застрелили – причина весьма уважительная!

– Что вы, ей-богу, Александр!.. – пробормотал Левушка Торц.

– С одной стороны, «Россия Правая» и ее лидер решили кинуть нашу газету, так сказать, в идеологическом смысле, а с другой... в денежном тоже!

Лера подумала немного.

– Не знаю, как именно они собирались нас кинуть. Документов-то нет! Нету! А Боголюбов мне сообщил, что «Россия Правая» с нами ничего подписывать не собиралась и даже больше, уже подписала договор с ним на проведение предвыборной кампании их лидера, то есть Германа Садовникова. Получается, что Герман Ильич играл во все ворота, что ли?

– А Боголюбов не врет?

– Нет, Саша! – в сердцах сказала Лера. – Вот если бы ты на телефонные звонки отвечал, идиотских вопросов не задавал бы! Боголюбов в той же самой заднице, что и мы! Только мы, так сказать, несколько больше в нее углубились.

– Это точно.

– Боголюбов напуган, и именно поэтому он пообещал свести меня с Башировым.

– Пообещать не значит жениться, Лера! Давай правде в глаза смотреть! Вряд ли Баширов станет с тобой разговаривать. У вас... статусы разные и положение в пространстве.

– Баширов ждет меня послезавтра в три в ресторане «Лермонтов» на Тверском бульваре, – скучным голосом сообщила Лера Любанова. – Звонили из его секретариата. Просили не опаздывать и быть готовой к тому, что его охрана меня обыщет.

Константинов длинно присвистнул, Полянский приоткрыл рот, и Лев Валерьянович, как курица крыльями, всплеснул руками, очевидно выражая таким образом крайнее изумление. Он вообще большинство своих чувств выражал руками. На спокойном, белом, значительном лице, чем-то напоминавшем лицо Садовникова, ничего не отражалось.

– Быть такого не может.

– Тем не менее так и есть, Саша. И мне нужно понять, что именно я стану ему говорить!

– Ты у него спросишь: Ахмет... как вас там... Вагранович?..

– Баширов Ахмет Салманович, и не придуривайся ты, ради бога, Константинов!

– Ты у него спросишь: господин Баширов, не вы ли приказали замочить депутата и сами пришли посмотреть на процесс, скажем так, замачивания? А если вы и не замочили, то, может, знаете, кто это сделал?..

– Спасибо, – сказала Любанова. – Все свободны.

Константинов вдруг опомнился, сообразил, что наговорил лишнего, и сделал движение подсесть к ее столу, но она его остановила:

– Я сказала – все свободны. Всем спасибо.

– Лера, ты неправильно меня поняла.

– Я все правильно поняла. О своем решении в отношении данной конфликтной ситуации я сообщу, когда ситуация будет ликвидирована. Поэтому все по местам. Сейчас же!

Полянский встал и вышел, следом за ним величественно удалился Торц, а Константинов все медлил.

Лера встала и пошла к двери, выходящей «на крышу».

– Саша, я не могу с тобой разговаривать, – сказала она и взялась за ручку и потянула ее на себя. – Извини.

– Лер, но я...

Дверь в приемную ни с того ни с сего широко распахнулась, и в кабинет влетела Марьяна. От сквозняка внутренняя дверь открылась и сильно стукнула Любанову по спине.

Она покачнулась на тоненьких, высоченных каблуках, и Константинов подхватил ее. Она стряхнула его руку.

– Ты что? – заорала она на Марьяну. – Тоже спятила, как все тут?!

– Валерия Алексеевна, – пробормотала Марьяна, тараща прекрасные глаза. – Тут у меня... у меня... в приемной...

– Бомба? Или что?

– Нет, не бомба, но...

– Американский президент нагрязнул?! Или кто?!

– У меня... тут... – и Марьяна протянула Лере компакт-диск, сверкнувший на солнце жестким металлическим блеском. Диск был надет Марьяне на палец.

– Поняла, – сказала Лера, посмотрев на палец. – Наш Бэзил Gotten сделал тебе предложение руки и сердца и вместо кольца подарил диск. Да?

Константинов усмехнулся.

Марьяна тарасила глаза умоляюще.

– Нет, нет, Валерия Алексеевна! Я... уходила, а когда пришла, у меня на бумагах этот диск лежал. Я его не помню, это не мой, и написано тут, видите: «С-бург, заказ май». У меня такого не было никогда. Я думала, может, вы положили, может, там информация или графики...

– Какие еще графики, Марьяша? – спросила Лера и пристально посмотрела на диск. – Графики! «С-бург» – это, надо понимать, Санкт-Петербург?

– Скорее всего, – согласился Константинов.

– Я не знаю, – чуть не плача призналась Марьяна. – Я его вставила в дисковод, открыла, там сплошь какие-то файлы и с каким-то... странным расширением. Я такого не знаю. А один файл нормальный, я его открыла, а там...

– Там... – подсказала Лера, чувствуя неладное, – там что? Что там?

– Я... я вам лучше покажу.

Марьяна птицей порхнула за стол начальницы, чего раньше никогда не делала, и Лера вдруг подумала быстро, что понятия не имеет о том, что происходит в этом кабинете в ее отсутствие. По крайней мере, Марьяна села за стол так, как будто делала это много раз.

А может, и вправду сидела?..

Константинов подошел и стал у секретарши за плечом. Дисковод сожрал диск с приятным жужжанием, наверное, именно так плотоядное растение затягивает муху. Лера медлила, не подходила.

– Чертовщина какая-то, – сказал Константинов. – Правда, чертовщина!..

– Вот, Валерия Алексеевна! Вот! Слушайте.

– Алло, это булочная? – сказал компьютер голосом Валерии Алексеевны Любановой. – Если это булочная, взвесьте мне кило булок и кило огурцов! Ах, в вашей булочной нет огурцов?! Тогда идите на фиг!

– Что-о-о-о?! – протянула Лера, и глаза у нее стали круглые, как у сороки. – Какая булочная?! Какие огурцы?!

– Алло, – продолжал компьютер, – это администрация президента? Дайте мне этого вашего президента! Ах нету у вас президента?! Ну тогда дайте министра занюханного! Чего это он у вас в компах совсем не шарит, как ламак виснутый! – Голос Леры Любановой в

компьютере, ее собственный голос, немного изменился, стал игривым, как всегда, когда она шутила. – Нарисуйте ему на коврик для мыши задницу покругче, может, он и научится в компах шариться! Сорри, но вы все давно устарели, и вам пора на помойку! Вы ведь даже программировать не умеете, а Кобол, да будет вам известно, придумала попастая тетка, круто шарившая в этом деле и похожая на меня, Валерию Алексеевну Любанову! Так что хакер форева! Хакер форева навсегда!

– Вот, – сказала секретарша Марьяна беспомощно. – Вот это все, Валерия Алексеевна. Я не знаю, что это такое, откуда оно взялось, но я подумала...

Любанова была так ошарашена, что даже заговорить смогла не сразу. Она только с ужасом и недоверием смотрела на компьютер, как будто оттуда мог выползти тот, кто только что так отчетливо и ясно разговаривал ее собственным голосом.

– Наши программисты приехали? – ласково спросил Константинов у Марьяны. – Ты их сегодня видела?

– Н-нет, то есть да, да, видела! Я утром из машины выходила, а они на стоянке... разговаривали о чем-то.

– Разговаривали, – повторил Константинов, как будто матом выругался.

– Саша, что это такое?! – наконец произнесла Лера. – Кто это говорит? Это же не... я! Я ничего такого никогда... не говорила!

– Это голосовая программа, – сказал Константинов. – Цифровая подделка твоего голоса. Очень неплохая, между прочим. Виртуозно сделано. Пойду я, Лер, дойду до наших крутых хакеров. Если поймаю, уши начисто пообрываю, клянусь, ей-богу!

– Ты думаешь... это они?!

– А ты думаешь, это кто? Про начальницу Любанову, которая похожа на крутую тетку? Кстати сказать, вот тебе и ответ на вопрос, кто звонил Левушке Торцу.

– Кто?! – крикнула Лера.

– Компьютер, – сказал Константинов.

И тут он понял, что это все всерьез.

Даже слишком всерьез. Должно быть, он поздновато спохватился, потому что к тому моменту, когда в нем разыгралась осторожность пополам с милосердием, Мелисса уже тяжело дышала, висла на нем и пыталась растегнуть его джинсы.

– Мила, – сказал Василий Артемьев довольно строго. – Что ты придумала?..

Она не ответила. Она только отступила, примерилась и снова взялась за дело. То есть за него, Василия Артемьева.

– Тебе нельзя, – пробормотал он, смущенный ее натиском. – Ты слышишь?.. Тебе нельзя! У тебя... стресс.

– У меня нет стресса.

– Ну, был. У тебя был стресс. Сильный. Ты... много пережила, и тебе нельзя. – Он сглотнул. Рот был сухой. – Тебе нужен отдых.

– Мне нужен ты, – сказала она. – А больше мне ничего не нужно.

Ну как он мог объяснить!..

Мелисса и не слушала. Она целовала его в шею, становилась на цыпочки, чтобы дотянуться повыше, а он ничем ей не помогал, стоял, прямой как палка, и даже руки по швам сложил, чтобы не трогать ее.

Нет, не так. Чтобы не дотронуться случайно.

Она засунула руки ему под майку и гладила спину, живот и грудь, и там, где проходили ее пальцы, оставался след, словно она проводила утюгом.

– Мила, перестань! Я не хочу.

– Зато я хочу.

С той самой минуты, когда Василий Артемьев примчался за ней на заправку на Кронштадтском шоссе, где она сидела в будке у толстой девушки-заправщицы и пила чай, у него в голове будто что-то сместилось.

Он стал с ней осторожен и нежен, как платная сиделка в больнице.

Он приносил ей ромашковый чай, бинтовал руки, мазал зеленкой ссадины и ни о чем не спрашивал. Он бы вообще ни о чем так и не стал узнавать, если бы она сама ему не рассказала. Она рассказывала, а он слушал и молчал.

Он промолчал все время, что она говорила, сидя в их общей постели, широченной, как небольшое футбольное поле, натянув на голову одеяло. По-другому она не могла говорить о том, что с ней было.

О том, как она лежала в подвале, о том, как выпила какой-то отравленной воды, о том, как на алтаре из грубо сколоченных досок горели свечи, много свечей, а она не могла разлепить глаза и губы, потому что они были чем-то измазаны...

Тут она перевела дух и поплакала немного, и Артемьев принес ей воды со льдом. Она плакала в спальне, а он невозмутимо ушел на кухню, достал бутылку, тщательно отвинтил крышку, внимательно налил в стакан, стараясь не перелить. Чтобы хватило места для льда.

Затем он полез в холодильник – современный и очень умный холодильник ссыпал кубики льда в небольшой выдвижной ящик, и это было очень удобно, потому что Мелисса добавляла лед во все, что пила. Иногда даже в кофе добавляла. Зачерпнув горсть холодных, твердых и приятных на ощупь кубиков, Василий Артемьев тоже очень тщательно подумал о том, что надо бы добавить воды, чтобы холодильник заморозил еще немного. По одному он ссыпал кубики в воду, которая взрывалась тысячей мелких газированных фонтанчиков.

Василий немного посмотрел на фонтанчики.

Возвращаться в спальню ему не хотелось.

Он не мог слушать то, что она рассказывала. Не мог, и все тут.

Признаться в этом он тоже не мог.

Он стоял и смотрел в кипящую газом воду в стакане, потом закрыл глаза и постоял с закрытыми глазами.

Ничего не помогало.

Тогда он дернул кран, в раковину с шумом полилось из крана, и брызги полетели в разные стороны – он открыл слишком сильно.

Он закрыл кран и посмотрел на свой кулак, в котором был зажат оставшийся лед. Кулак был совершенно мокрым. Он высыпал лед себе за шиворот.

Холод как ожог охватил спину. Кубики быстро таяли, вода стекала за ремень джинсов, а он все повторял про себя монотонно: не могу, я не могу, не могу!..

Потом он взял стакан и вернулся к Мелиссе. Она выбралась из-под одеяла, жадно попила воды и продолжила свой рассказ.

Он слушал и знал, что должен дослушать до конца, что у него нет выхода, только дослушать!.. Потом он вытащил из-под одеяла ее забинтованную руку, подержал и поцеловал в то место, где не было бинта.

Она рассказывала, а он целовал.

Потом он заставил ее пойти в милицию и написать заявление. Одно заявление они оставили в Питерском райотделе, и там ей тоже пришлось все рассказать, но тогда его не было рядом, и подробностей он не знал.

Еще он не знал, что это произведет на него такое... разрушительное впечатление.

Василий Артемьев, будучи человеком взрослым, умным и сдержанным, был твердо уверен, что все проблемы, которые только возникают в жизни, вполне можно решить «цивилизованным путем». Примерно с пятого класса он перестал решать их «нецивилизованным», и дракам всегда предпочитал переговоры.

Теперь, в тридцать восемь лет, он вдруг с отчаянной ясностью понял, что убил бы того, кто держал Мелиссу в подвале и мазал ей глаза и губы воском.

Убил бы не задумываясь и не сожалея, и даже не пытаясь «решить эту проблему цивилизованным путем»!

Убил бы, даже зная, что рискует собственной свободой и еще тем, что потом, убив, остаток жизни придется жить, зная, что ты убил человека.

Ему было на это наплевать. Жажда убийства была так сильна, что он мог только улыбаться растерянной улыбкой и целовать Мелиссе руку.

Когда она закончила монолог, он принес ей успокоительное, чувствуя себя пуделем, который только носит поноску, а защитить не может. Не может, потому что он пудель, а не сторожевой пес!

Никогда в жизни Артемьев не чувствовал себя пуделем.

Она выпила и очень быстро заснула, привалившись щекой к его джинсовому бедру, а он сидел на кровати, гладил ее по голове, перебирал короткие, странно выстриженные пряди, которые так ему нравились, трогал сережку в маленьком расплавшемся ухе. Потом ушел на кухню и вылил в себя это самое успокоительное, мать его, прямо из флакона.

С той минуты он стал с ней нежен и осторожен, как заботливый дедушка с приболевшей внучкой.

Он укладывал ее спать, накрывал одеялом и по десять раз звонил, проверяя, дома ли она и все ли с ней в порядке.

И он ни разу не занимался с ней любовью, хотя прошло уже целых два дня!..

Она смотрела на него непонимающими глазами и вчера даже сказала ему о том, что с ней... все в порядке. Ее никто не насиловал, сказала она, и Артемьева чуть не вырвало.

Не мог он сказать ей, что чувствует себя уродом, недостойным ее, потому что он так и не смог ее защитить, потому что допустил все это, потому что она выбралась сама, а он даже не нашел ублюдка и не отомстил за нее!

Ее он тоже не нашел, и если бы не ее собственные мужество и сообразительность, неизвестно, чем все закончилось бы. Вернее, как раз хорошо известно, но об этом Артемьев тоже не мог думать.

Он теперь вообще ничего не мог!..

– Васька, – спросила Мелисса у самых его губ, – что случилось?.. Ты больше меня совсем не хочешь?..

– Нет, – сказал он грубо. – Не хочу. Иди спать, пожалуйста.

– А ты?

– А я покурю и приду. Только ты засыпай.

Она посмотрела ему в лицо. Он отводил глаза, и она не могла понять, что с ним происходит.

– Ты хочешь меня... обидеть? – помолчав, спросила она растерянно. – Или... что?

– Я не хочу тебя обижать. Но ты должна пойти и лечь спать.

– Без тебя? – уточнила Мелисса.

– Без меня, – сказал он безжалостно. – И я прошу тебя, не приставай ко мне пока!

– Почему?..

– Что почему?! – взъярившись, заорал он.

Он почти никогда на нее не орал, а тут вдруг заорал и моментально устыдился того, что орет, потому что ему сразу стало ее жалко, и непонятно, как жить дальше.

Она все пыталась заглянуть ему в лицо, а он все не давался.

– Что с тобой, Вася? Ну скажи мне, что с тобой такое? У тебя на работе неприятности?

– На какой еще работе?! Мила, я тебя прошу...

– Ты меня больше не любишь?

– Люблю. Я тебя люблю.

– А почему ты со мной... не спишь?

– Потому что тебе нужно... прийти в себя.

– Ну, это я уже слышала, – заявила Мелисса Синеокова, знаменитая писательница. Разодранной рукой в пятнах зеленки она взяла его за затылок, притянула к себе и поцеловала в губы.

Он сопротивлялся и вырывался, как девчонка-недотрога на первом свидании. Он даже головой замотал. Он даже собрался осторожно, но твердо отстранить ее от себя.

Но она не дала себя отстранить.

Она целовала его, сильно и нежно, и он стал растерянно отвечать, потому что не было в его жизни ничего лучше, чем поцелуи Мелиссы Синеоковой, и она опять длинно и сильно задышала, обняла его, прижимаясь к нему всем своим длинным и сильным телом, и он вдруг почувствовал ее ноги под тонким халатом и всю ее, живую, дышащую, всегда принадлежавшую ему, только ему одному!..

Когда они встретились, он сразу понял, что эта женщина, эта чертова знаменитость, может принадлежать только ему. Она родилась для того, чтобы принадлежать ему.

Для того, чтобы строчить свои детективы и принадлежать ему.

Он все еще пробовал сопротивляться – недотрога, твою мать!.. Пробовал и знал, что долго не продержится, и тут он внезапно позабыл, почему должен держаться и сопротивляться!

Мелисса перевела дыхание, очень серьезно посмотрела ему в лицо, снова обняла его и стала целовать, а он все стоял столбом, и в голове у него было тяжело, сумрачно и пусто.

Впрочем, тяжело было не только в голове.

Тяжелая и темная кровь, наполняясь тяжелым и темным огнем, медленно разлилась по всему телу, ударила в спину, в ноги и в сердце, которое заколотилось сильнее и отчетливее и, кажется, выше, чем ему положено быть.

Мелисса обнимала и гладила его, и ее халатик – сшитый на заказ, очень элегантный, который нравился ему, как будто был бальным платьем, – распахнулся, и ее гладкие ноги прижимались к его джинсовым ногам, двигались по ним, и он совсем не мог этого вынести.

Он даже не обнимал ее – не «позволял себе», – и она взяла его руку и положила себе на грудь, и ладонью он почувствовал тяжесть и тепло ее груди, такое знакомое, такое вожащенное, много раз попробованное и от этого еще более желанное.

Раньше он не знал, что раз от раза любовь бывает все сильнее, только сильнее, как будто зависимость, в которую он втягивался, поглощала его все больше и больше.

С каждым разом он хотел ее все сильнее и сильнее, с ужасом думал, что с ним будет, если вдруг придется расставаться – жизнь, она ведь непонятная штука! Кто знает, что она там дальше еще придумает!

Кроме того, Артемьев был уверен, что он ей «не пара». Она знаменитость, ее по телевизору каждый день показывают, а он кто? Самый обыкновенный мужик, с зарплатой примерно раз в десять меньше, чем у нее, и с работой в городе Электростали! Да и на работе ничего феерического – никаких тебе именитых людей, все больше работяги!..

Он не предлагал ей руку и сердце, потому что был уверен, что это неправильно. Может, она и согласится по доброте душевной или потому, что в ее возрасте уже неплохо было бы выйти замуж, но он не мог так поступить с ней. Она заслуживала всего самого лучшего, принца на белом коне, короля Нидерландов, британского премьер-министра!.. Впрочем, кажется, у премьер-министра уже есть одна жена.

А он, Василий Артемьев, так подвел ее!..

Не защитил, не уберег, не спас! Как он может теперь заниматься с ней любовью, словно ничего не случилось?! Как?! Как?!

– Что – как, Васенька? – пробормотала Мелисса и открыла глаза. – Что ты говоришь?..

– Ничего, – выдавил он. Губы плохо слушались, и во рту опять стало сухо. – Тебе нельзя, понимаешь?.. Ты понимаешь меня или нет?..

Откуда ей было знать, что он чувствовал себя импотентом, если не в прямом смысле этого грозного слова, то уж в переносном точно!

– Я понимаю, что ты мне нужен, – сказала Мелисса. – Больше всего на свете. Только ты один, и больше никто! И я не пойду одна в постель, хватит уже, Васька!

Он наклонился и поцеловал ее грудь с левой стороны, где билось сердце, и, кажется, он глазами видел, как оно бьется.

Она замерла и затаила дыхание, и откинувшись немного назад, чтобы ему было удобнее целовать, ее пальцы сошлись у него на затылке, и она изо всех сил прижала к себе его голову.

Он больше не мог сопротивляться, и вообще все его сопротивление вдруг показалось ему какой-то глупой комедией, и он стиснул ее, так что у нее что-то пискнуло внутри, и стал целовать куда придется, и сшитый на заказ любимый халатик вдруг стал ему мешать, словно она оказалась закованной в железные латы.

Он хотел ее сейчас, немедленно, прямо здесь, прямо на диване в столовой, где работал телевизор и валялись его газеты, где все еще не было штор, потому что у них не было то денег, то времени, чтобы купить их и повесить!

Он разорвал на ней ее железные латы, расшвырял по сторонам, и она выступила к нему из них, совершенная, гладкая, высоченная, такая, о которой он мог только мечтать.

– Мила, – пробормотал он с ожесточением. – Мила...

– Да, – сказала она. – Я здесь.

Он мямл ее, тискал, трогал. Василий совершенно ее забыл за время своего горя, которое накрыло его, когда он потерял ее. Он забыл, что она такая сильная и страстная, что она загорается от первого его прикосновения, и горит ярко и долго, и догорает всегда раньше его, и загорается снова.

– Я больше не выпущу тебя из постели, – бормотал он, и губы у него кривились. – Никогда. Там твоё место. Я буду заниматься с тобой любовью всю оставшуюся жизнь. Всю, поняла?

– И на работу не пойдешь? – вдруг спросила Мелисса, и он не понял, о чем она спросила.

На какую работу?.. Нет ничего, нет никакой работы, и мира за незашторенными окнами тоже нет, нет вообще ничего, кроме них двоих, и он только что добрался до нее, только что понял, как она ему нужна, по-настоящему нужна, а она говорит что-то загадочное!..

Но ему некогда было разгадывать загадки! Он знал только, что должен получить ее прямо сейчас и отделаться от того скверного, что случилось с ними в последнее время, а отделаться можно было только с ней, в ней, только вдвоем, один он не справится.

Он потащил ее на диван, где валялись его газеты, и бережно уложил и спихнул газеты на пол, и еще некоторое время смотрел на нее сверху, как она лежит, вытянувшись и крепко зажмурившись, такая красивая и такая необходимая ему, а потом он сорвал с себя одежду, лег рядом и замер, потому что прикосновение кожи к коже было острым и обжигающим, и нужно было успокоиться немного.

– Я люблю тебя, – сказала Мелисса Синеокова, не открывая глаз.

Наверное, он тоже должен был сказать ей что-нибудь в этом роде, например, что обожает ее страстным обожанием, но говорить он не мог. Он мог только трогать, гладить, узнавать по-новому, как будто он совершенно ее забыл, как будто не видел ее долгие годы, а вот теперь вернулся из дальних странствий и не может поверить, что она лежит рядом с ним, и принадлежит ему, и...

И...

– Ты делаешь мне больно.

– Прости.

Она вдруг засмеялась и немного подвинула его. Он был тяжелый, и двигать его было трудно.

– Держи себя в руках, – сказала она. – Ты меня порвешь в клочки.

– Я тебя порву, – согласился Артемьев, не слыша себя.

Потом они больше не разговаривали, только двигались, дышали и жили друг в друге, и на эти несколько минут, а может, столетий, остались на планете одни, совсем одни.

А может, это была и не планета, а нечто другое, потому что вокруг что-то со свистом летело, несло и падало, осыпалось тысячей брызг, и они оба знали, что так не бывает и то, что это случилось с ними, – волшебный подарок, который дается не всем, а только избранным, таким, как они, оказавшимся на своем диване в центре Вселенной.

Когда времени совсем не осталось, он понял, что у нее закрыты глаза, зажмурены очень крепко, и он сказал:

– Открой глаза.

Наверное, она не слышала его, и напоследок он всмотрелся в ее лицо, искаженное гримасой страдания, и попросил еще раз:

– Открой глаза.

Ему нужно было *видеть* ее душу и заниматься любовью с ее душой, а не только с телом, и первый раз в жизни он понял, что душа есть, точно есть, он видит ее прямо перед собой!..

Она распахнула глаза, поймала взглядом его взгляд и больше уже не отпустила.

И он ее больше не отпустил.

Когда все закончилось и они лежали на берегу, выброшенные силой вселенского приюта, сцепившись вялыми влажными пальцами, Артемьев подумал лениво, что все изменилось. Все изменилось неожиданно и навсегда и никогда уже не вернется обратно.

Он попал в зависимость, и эта зависимость или дарует ему неслыханную свободу, или убьет его. Оба варианта вполне возможны.

Мелисса шевельнулась, что-то зашуршало, и оказалось, что она лежит на газете. Выяснилось, что Артемьев успел скинуть с дивана не все газеты.

Мелисса вытянула длинную ногу, выгнула шею, увидела газету и как ни в чем не бывало пристроила ногу обратно. Артемьев вытащил из-под нее газету и бросил на пол.

Если бы это было возможно, он бы полюбил Мелиссу еще сильнее, за эту самую газету, на которую она как ни в чем не бывало положила ногу.

В ней все было *настоящим*, таким настоящим, каким только может быть, и это радовало и пугало его.

– Ну, – спросила самая настоящая Мелисса Синеокова и лениво укусила его за плечо, – что это были за танцы?

– Какие танцы? – перепугался Артемьев. – Где... были танцы?

– Ну, вот только что. Когда ты говорил, что больше меня не хочешь и вообще спать со мной никогда не будешь, а пойдешь и запишешься в монахи.

– Разве я так говорил? – усомнился Артемьев.

– Говорил, – подтвердила Мелисса.

– Быть такого не может.

– Мо-ожет! Так что за танцы?..

Он приподнялся на локте, придвинулся к ней еще ближе, хотя диван был широкий и с него трудно было свалиться. Но ему хотелось быть рядом с ней, как можно ближе. Так, чтобы невозможно было даже представить себе, что они смогут когда-нибудь не то что расстаться, а просто... разъединиться друг с другом.

– А почему танцы, а?

Его совершенно не интересовали танцы, и вообще он почти не слушал, что именно она говорит, но ему хотелось, чтобы она говорила, чтобы вечер еще продолжался, чтобы отступившее чувство вины, выглядывавшее из-за поворота, подольше к нему не возвращалось.

Оно вернется, он знал это точно.

– Анекдот, – объявила Мелисса и зевнула. – Приходит еврейская девушка к раввину и говорит: «Ребе, Исаак пригласил меня на танцы. Можно мне с ним пойти?» – «Не-ет, – отвечает раввин, – Тора танцы запрещает!» – «А погулять? Можно мне с ним пойти погулять?» – «Отчего же, – говорит раввин, – погулять можно, Тора это разрешает!» – «А если на прогулке Исаак захочет меня поцеловать? Можно это?» – «Можно, – соглашается раввин, – Тора это разрешает!» – «А если от поцелуя он так меня захочет, что овладеет мною?» – спрашивает девушка и краснеет. «И это можно, – отвечает раввин. – Тора это разрешает». Девушка еще больше краснеет и продолжает: «А если он станет овладевать мной и лежа, и сидя, и стоя...» – «Что-о? – в ужасе кричит раввин. – Стоя?! Стоя – это уже танцы, а Тора танцы запрещает!»

– Класс, – оценил Артемьев.

Мелисса повозилась немного, потерлась о него носом и спросила:

– А давай мы с тобой тоже будем и сидя, и стоя, и лежа! Нам ведь танцы никто не запрещает!

Артемьев засмеялся.

Все правильно. Все именно так, как и должно быть. Все может быть именно так и никогда не будет по-другому. Уж больше он, Василий Артемьев, этого не допустит.

– А помнишь, как мы в первый раз?..

– Лучше ты мне не напоминай!

– Ну почему же? По-моему, к тому моменту, когда я все-таки сообразила, что ты намереваешься затащить меня в постель, у тебя уже галлюцинации начались. От переизбытка гормонов в крови.

– Не было у меня никаких галлюцинаций, – оскорбился Василий Артемьев. – Это тебе показалось. И вообще, вовсе не я тащил тебя в постель.

– Как не ты?! – поразились Мелисса. – А кто ж тогда?!

– Это ты меня тащила, – буркнул Артемьев.

– Ну да!

– Не «ну да», а да!

– Нет.

– Да.

– Содержательно, – оценила Мелисса, и они помолчали, припоминая.

Дело происходило в гостинице, где все было чужое – чужой обед, чужие люди, чужие шикарные постели. И они тогда были чужие. То есть почти чужие.

То есть уже было понятно, к чему все идет, но шло как-то не слишком быстро.

Медленно как-то шло.

Они целовались в его машине, когда он привозил ее домой, просто до одури и кругов в глазах. Мелисса, которая никогда ничего подобного не продельвала, была убеждена, что целоваться в машине неприлично и так делают только озабоченные подростки или какие-то совсем уж неменяемые взрослые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.